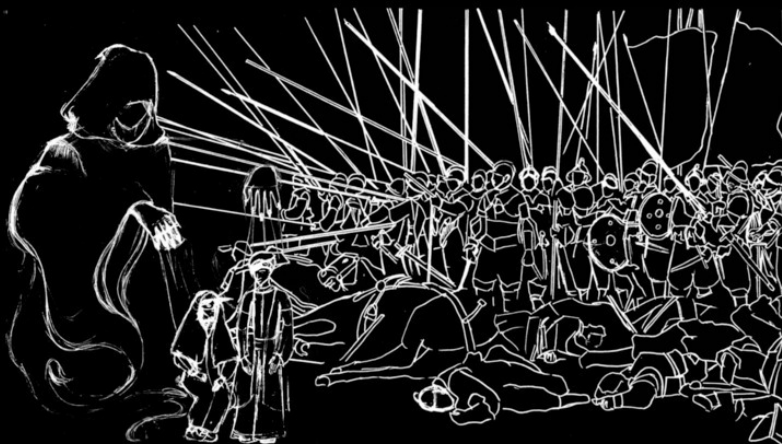


Вячеслав Митяшов



ТАНЕЦ СМЕРТИ

Воля свыше. Часть третья

Вячеслав Митяшов

Танец Смерти. Воля свыше. Часть третья

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36054727
ISBN 9785449318756*

Аннотация

Несчастный, умирающий оазис – лакомая добыча для жадных для золота мародёров. И что же противопоставит ордам безжалостных насильников и убийц жалкая горстка оставшихся в нём жителей? Что могут сделать два десятка смельчаков, вызвавшихся защитить своих близких? Сила, которая окажется в их руках, будет страшна и смертоносна, и великие армии падут перед ней. Но когда помимо виновных пострадают и невинные, удача отвернётся от защитников.

Содержание

Часть 1. Меч Асула	5
1	5
2	19
3	31
4	41
5	64
6	74
7	92
8	103
9	119
10	130
11	147
12	183
Конец ознакомительного фрагмента.	203

Танец Смерти

Воля свыше. Часть третья

Вячеслав Митяшов

© Вячеслав Митяшов, 2018

ISBN 978-5-4493-1875-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Меч Асула

1

Эти воспоминания трудно вычеркнуть из памяти. И едва ли не каждый раз, когда Чарред оставлял её в коляске под тентом на верхней палубе, а сам уходил с Викторией в очередную прогулку, стоило прикрыть веки, и всё начиналось снова...

Боль от удара, резкая боль от порезавшего щёку осколка стекла. Полсекунды полёта кажутся вечностью. Перед глазами мелькает ярко-голубое небо, крыши и стены домов Крендила, мостовая. Снова удар, но теперь огромной силы, оглушающий... И темнота. Но сознание не меркнет. Как тогда, она видит бесконечную иномировую пустоту. Отчего-то приходит жуткий страх и становится ясно, что ей не даст успокоения милосердная смерть. Силуэт женщины появляется из ниоткуда, наливается мерцающим, жемчужно-серым сиянием и звучит исполненный печали и разочарования тихий голос богини:

- Что же ты наделала, Сеитэ.
- Моё имя Лита, – нашла в себе силы возразить она.
- Не важно, суть от этого не меняется. Ты позволила злу завладеть собой, и оно едва не выпило твою душу.

– Так что мне оставалось делать?!

– Во всяком случае, отказаться от мести, – строго ответила богиня. – Месть не созидает, месть разрушает.

– Пусть так, пусть я была не права в своём выборе. Но зачем ты пришла снова? Почему не дала мне спокойно умереть?

– Это слишком просто для тебя, после того, что ты направила, Лита. Ты не умрёшь, ты будешь жить долго, ты увидишь, как твой ребёнок сделает первые шаги, как скажет: «мама». Но всё это будет ради одного... Я отниму твой предыдущий дар и дам тебе новый.

– Что на этот раз? Думаю, новый дар доставит мне хлопот не меньше.

– Совершенно верно. Я бы даже назвала этот дар проклятием, но он позволит тебе заслужить прощение. Мы, те, кого ты называешь богами, не умеем видеть будущее. Но некоторые из нас могут предчувствовать надвигающуюся беду. Она уже не за горами, и я не знаю, что это. Но твоё вмешательство поможет остановить её.

– Моё вмешательство? Это благодаря новому дару?

– Да.

– Так что это?

– Ты сможешь прочесть Золотую книгу. Эта книга способна раскрыть всё, что ты хочешь о прошлом, покажет настоящее. И она может показать будущее. Но помни – будущее зиждется на настоящем, так что любая мысль способна

в корне изменить видение. Будь осторожна, если рискнешь посмотреть на то, чего ещё нет.

– И я смогу, предвидя будущее, предотвратить беду? Но чему или кому угрожает она?

– Я не знаю, Лита. Создатель дал нам не так уж и много, и мы не всемогущи.

– Так что же ни один из богов не принял этот дар? Зачем вам я?

– Мы не можем принимать дары. Мы такие, какие есть. А теперь прощай, Лита...

Странное, тянущее чувство вернуло её, глаза открылись, и она увидела склонившееся над ней лицо в белой маске.

Резкие крики чаек прервали воспоминания, Лита, вздрогнув, открыла глаза, огляделась. Вокруг никого не было. Туристы уже спустились в боулинг, где начинался турнир среди пассажиров лайнера. Чарред и Виктория ещё где-то гуляли. Женщина осторожно, морщась от боли в спине, спустила ноги с подножки на палубу и медленно встала, держась рукой за стойку тента. Словно начинающий ходить ребенок, сделала шаг, затем ещё, но отпускать опору не решилась и осторожно вернулась в коляску. «Неплохо, неплохо», – похвалила она себя шёпотом. – «Совсем скоро я снова начну ходить».

...Станный мир, о существовании которого она, впрочем, знала, начался для неё с мягкого жёлтого света элек-

трической лампы в люстре на потолке больничной палаты, негромкого гудения и попискивания странных ящиков рядом с кроватью. Болела спина, болела зафиксированная жёсткой повязкой левая рука. Наверняка должны были болеть ноги, но она их не чувствовала. Их словно не было.

Всё разъяснил человек по имени Иван Стрижевский. Как оказалось, из-за травмы она, скорее всего, не сможет ходить. Но тогда всех волновало совсем другое – её ребенок. Он выжил и даже, каким-то чудом, продержался в положенном месте все девять месяцев. Но родить сама она не могла, поэтому девочка появилась на свет при помощи скальпеля хирурга.

Лита улыбнулась, вспомнив, как руки Чарреда вложили в её руки крохотное существо, которое жадно прильнуло к предложенной груди. И все прошлые обиды разом забылись. Теперь их трое. А потом к ним присоединились учителя русского и английского языков, которые усердно вдалбливали в них новую речь. Как жалел Стрижевский, что медальон давал способности только в языке Острова.

За более чем два года она перестала удивляться. Автомобили, корабли и самолёты стали обыденным, повседневным. Лита и Чарред влились в этот мир, стали его частью, а он стал их новым домом.

– Мама, – крошечные ручонки впились в её пальцы. – Мы видели рыбок. Папа кинул им хлеба.

– Не устали? – спросила Лита. – А где Таня и Саша?

– Они у врача, – ответил Чарред. – Идём, посмотрим

на турнир.

Ему безумно нравились всякие спортивные состязания, и он не понимал: зачем миру, где спор между народами можно решить соревнованием на арене, нужны огромные армии и смертоносное оружие, по сравнению с которым грозные бомбарды Аргатру – детские хлопушки.

Она же предпочитала историю и с упоением смотрела передачи о прошлом народов этого мира, читала книги. А, читая, каждый раз с трепетом думала: «А может это и есть Золотая книга?». Но таинственная книга так и не попалась к ней в руки, и дар богини пока дремал, ждал своего часа.

Их приветствовали аплодисментами, и даже игроки, отложив шары, присоединились к овациям. Все трое с самого начала путешествия стали желанными гостями любой компании. Красива, умная женщина, трепетно заботящийся о ней мужчина и весёлая, озорная девчушка оживляли любой разговор. Лита и Чарред с улыбками приветствовали собравшихся, и игра продолжилась. Шары с грохотом разбивали расставленные треугольником кегли, то и дело раздавались крики восторга или стоны разочарования. Увлёкшись игрой, Чарред то и дело сам радостно кричал вместе со всеми, то хватался за голову. Виктория, держась за штанину отца, громко топала ножками и визжала так, что закладывало уши.

Лита же совсем не следила за игрой. Её глаза приковали лица зрителей, их эмоции. Взгляд скользил с одного на другого. Женщины, мужчины, дети, все радуются жизни. Так

что же за беда должна придти, кого должен спасти её дар. Но ответа не было и не будет до тех пор, пока в её руках не окажется таинственная Золотая книга.

Через неделю путешествие закончилось. Лайнер, не спеша, вошёл в порт Марселя и, направляемый буксирами, при­тёрся к причальной стенке. Прочные канаты накрепко связали его с берегом, с борта на причал опустился трап. Лита последний раз бросила взгляд на лазурную синеву с высоты палубы. Длившийся два месяца круиз по Средиземноморью и Атлантике закончился. В сердце закралась лёгкая грусть – всё же частичка Сеитэ, что означает «Дитя моря», осталась в ней. Как не хотелось расставаться со свежим ветром и солёными брызгами, порой долетавшими до палубы.

– Жаль расставаться с вами, мадам, – раздался рядом голос капитана.

Сорокалетний моряк в безупречных белых форменных пиджаке и брюках протянул ей букет хризантем. Лита улыбнулась, приняла цветы и легонько пожала капитану руку.

– Надеюсь, я ещё увижу вас вместе с семьёй на «Жозефине», – продолжил он.

– На будущий год... может быть.

Моряк взял коляску за ручки и покатил её к трапу, где уже ждал Чарред и друзья.

– Я всё поражаюсь, что мадам Сартакова не ваша сестра. Вы настолько похожи...

– Именно это и помогло нашему знакомству, – перебила Лита. – Не вы один заблуждались подобным образом, дорогой капитан. А некоторые... некоторые даже путали нас.

– Думаю, это было забавно.

– Весьма, – голос женщины дрогнул, но моряк этого не заметил.

Они покидали корабль последними. Чарред осторожно поднял жену на руки и легко сбежал с ней на берег. Капитан следом принёс коляску.

– До свидания, мадам, – он вытянулся перед ней и приложил руку к фуражке. – Даже не знаю, что пожелать вам на прощанье... Если только скорейшего выздоровления. У вас, я видел, уже неплохо получается стоять...

– Что?! – опешивший Чарред посмотрел на жену.

– Ох, простите, – капитан смутился. – Я выдал ваш секрет?

– Ничего страшного, – Лита тепло улыбнулась. – Всё равно скрывать это не имеет смысла.

Моряк ещё раз попрощался с пассажирами и вернулся на корабль. Чарред присел на корточки и слегка ущипнул жену за икры. Лита почувствовала прикосновение его пальцев, боль и, изобразив на лице гримасу, сказала: «Ой». Тут же рядом оказалась Виктория, которая не придумала ничего другого, кроме как ущипнуть маму ещё раз.

– Кто ещё хочет ущипнуть меня? – засмеялась Лита, посмотрев на друзей.

– Сейчас, только поставлю чемоданы, – устало выдохнул Саша, нагруженный поклажей. – Что-то наши старики запаздывают.

– Не знаешь, какой они обещали нам сюрприз? – спросил Чарред.

– А кто ж их знает. От них чего угодно можно ожидать.

На пролежавшей вдоль пристани улице появился длинный белый лимузин. Водитель, не спеша, ехал, то и дело притормаживая около стоявших на тротуаре групп людей, словно искал кого-то, после чего продолжал движение.

– А это не за нами? – удивлённо пробормотал Александр. – Ничего интереснее они придумать не могли?

Автомобиль притормозил рядом с ними, тонированное стекло передней правой двери опустилось, и водитель, перегнувшись через консоль, посмотрел на них. Тот час резко взвизгнули тормоза, машина остановилась. Парень, лет двадцати пяти, высокий, загорелый, сияя белозубой улыбкой, выскочил на улицу и подошёл к ним.

– Лита Арриго-Сегитал-Стрижевская? – прочитал он по бумажке и, с выражением восторга на лице, посмотрел на сидевшую в коляске женщину.

– Это я.

– Меня прислал за вами доктор Стрижевский. Он просил простить, что не смог приехать встречать лично и передал, что будет ждать вас в самолёте. Прошу в машину.

Вещи и коляску убрали в багажник. Чарред вновь взял Ли-

ту на руки и осторожно посадил на заднее сиденье. Четверо взрослых и ребёнок легко разместились в огромном салоне.

– Можете воспользоваться баром – вино и напитки полностью в вашем распоряжении, – подсказал водитель, обернувшись к пассажирам.

С едва слышным шорохом поднялась перегородка между салоном и водительским местом. Негромко заурчал мотор, и автомобиль плавно тронулся вперёд, быстро набирая скорость.

Чарред достал из бара маленький пакет яблочного сока, воткнул в него трубочку и протянул вертевшейся по сторонам Виктории. Лита прижалась лбом к стеклу, рассматривая мелькавший перед ней пейзаж. Лимузин не поехал через город, а выехал на пролегавшую среди серых скал объездную дорогу.

...Лита не раз задавалась вопросом – счастлива ли она. У неё есть любящий муж, ребёнок, сытая и спокойная жизнь. Но что впереди? Впереди банальная участь домохозяйки. Даже если она начнёт ходить, её уделом будет дом, семья. А для человека, поставившего на колени империю, водившего в бой многотысячные армии это скучно. Очень скучно. Безумно скучно. Как-то она пыталась поговорить об этом с Чарредом, но тот лишь удивлённо посмотрел на неё, и, спустя полдня, осторожно спросил:

– А ты хотела бы снова вернуться к прежней жизни?

– Нет, – ответила она, на мгновение задумавшись.

– Тогда забудь о том, что было. То лишь дурной сон, а реальность, она здесь. Она, где наши друзья, наша дочь...

– Послушайте, что пишут, – Александр достал свежую газету. – Астрономы открыли очередной астероид, представляющий опасность для Земли. По их расчётам это небесное тело имеет вероятность столкновения на двадцать процентов меньше, чем Апофис. Правда, он пролетит рядом всего через четыре года.

– Большой? – спросила Таня, зевнув.

– В два раза меньше Апофиса.

– Ну и ладно. Они каждый год такие Апофисы открывают. Надоело.

Астероид? Может это и есть грядущая большая беда? Лита едва не рассмеялась своим мыслям. Даже если это так, она вряд ли сможет помочь, как пророчит богиня. Разве что узнает точное место падения. Может быть кого-то это и спасёт.

Автомобиль проехал мимо центрального терминала, но не остановился, а направился вдоль забора к воротам на лётное поле.

– Нас прямо к самолёту доставят? Без досмотра? – удивлённо спросил Саша, но едва ли кто знал ответ на этот вопрос.

У шлагбаума их не задержали надолго. Водитель протянул охраннику какую-то бумагу, тот внимательно прочитал её и махнул рукой напарнику. Шлагбаум поднялся, и лиму-

зин въехал на территорию аэропорта. Проехав мимо рядов стоящих на техобслуживании самолетов, он подъехал к замершему на рулѐжке небольшому реактивному, похожему на стрелу, новейшему «Фалькону».

– Приехали, – сообщил водитель и пару раз надавил клаксон.

Пассажиры, не отрывая взгляд от серебристого красавца «Фалькона», вышли из лимузина. Чарред так и замер с женой на руках, и лишь когда она осторожно покашляла, опустил её в разложенную водителем коляску.

– Ты не думаешь, что они купили это? – свистящим шёпотом спросила Таня мужа.

В проёме люка показалась человеческая фигура. Человек наклонился, чтоб не удариться головой и легко сбежал на бетонку по небольшому трапу.

– Нравится? – широко улыбаясь, спросил Стрижевский и похлопал самолёт по крылу.

– Вы... вы купили его? – выдавил Саша.

– Могли бы, да налоговые органы начнут вопросы лишние задавать, – ответил вместо Ивана Сергеевича появившийся следом Николай Сартаков. – Всего лишь зафрахтован.

– Деда! – завизжала Виктория, наконец оторвав свой взгляд от железной птицы.

Смешно топая ножками, она пробежала разделявшие их со Стрижевским несколько шагов, и тот легко подхватил девочку на руки.

– Ну что, расскажешь деду, где была? – спросил он.

Виктория с заговорщицким видом прижалась к его уху и начала что-то шептать.

– Ну, поднимайтесь в самолёт, зачем на жаре стоять, – сказал Николай и подхватил чемоданы.

...Давно, в прошлой жизни, стоя на берегу Яраны перед поверженными стенами Аррикеша, Лита задумалась – что же не даёт человеку летать, как птицам. Казалось, дай ему подходящие по размерам крылья, одень их на руки, и он взмахнёт ими, поднимется в небо. И тогда не будет преград – реки, горы, может даже моря, всё сможет преодолеть крылатый человек. И не нужны будут ни мосты, ни корабли, ни построенные в скалах дороги. Но только здесь Лита узнала, что не всё так просто. Многие смельчаки, дерзнувшие бросить вызов птицам – погибли...

Турбины жужжали, словно рой рассерженных пчёл. Самолёт начал стремительный разбег по взлётной полосе, слегка вздрагивая на стыках бетонных плит. И вдруг тревожный шорох шасси прекратился. Лита тут же прильнула к иллюминатору и невольно похолодела от страха – земля провалилась куда-то вниз. Люди, машины, даже дома – всё стало крохотным, игрушечным. Обернулась на Викторию – та спокойно сидела рядом с дедом и смотрела книжку.

– Мне тоже страшно, – шепнул ей на ухо Чарред.

Самолёт поднимался всё выше и выше. Земля превратилась в разноцветное лоскутное покрывало, очерченное ла-

зурной синевой Средиземного моря.

– Можете отстегнуться и встать с кресел, господа, – объявил по громкой связи пилот.

Лита облегчённо вздохнула. Хотя она находилась не на твёрдой земле, отсутствие тех неприятных ощущений, которые сопутствуют взлёту или посадке, позволило разом забыть об опасности.

– Кто желает отобедать? – в салон заглянула миловидная стюардесса.

Не слушая ни за, ни против, Стрижевский велел подавать обед.

– Так куда мы летим? – спросил, наконец, Саша. – Я что-то слышал о сюрпризе, который вы готовили. И он, насколько я знаю, связан с новым домом.

– Друг мой, – Иван Сергеевич подошёл к бару и плеснул в бокал немного коньяка. – Тебе нравится суровая природа норвежских фьордов? Величественные скалы, холодные волны северного моря, а главное – тишина и покой. Правда, рядом есть большой город, всего полтора часа хода на катере. Так вот, мы купили там дом, точнее два стоящих рядом дома.

– Хотите Чарреда заморозить? – засмеялась Таня.

– Да не так уж там и холодно. Гольфстрим ещё никто не отменял.

– А мне нравится, – ответил Саша. – Во всяком случае, для Литы и Чарреда вариант неплох. Там никто не будет во-

просы лишние задавать, а то они устали выдумывать, где родились, да где жили. Но вот что они скажут?

– Я пока не знаю, что сказать, – Лита смущённо улыбнулась. – Даже не представляю, как там. Но если вы сделали такой выбор, значит для нас так, действительно, лучше.

Красный диск солнца медленно коснулся горизонта.

– Красиво, – едва слышно выдохнула Лита.

– Красиво, – ответил стоявший за её спиной Чарред.

От гладкой, словно зеркало, поверхности фьорда, повеяло холодом, и она, ещё не привыкшая к прохладному северному лету, закуталась в висевший на ручке коляски плед.

– Пойдём в дом? – предложил муж.

Женщина ещё раз окинула взглядом возвышающиеся на противоположном берегу скалы, задержалась на огоньках гостиницы, расположившейся у воды, и молча кивнула. Они находились здесь всего лишь шесть часов, а Лита всё больше и больше была благодарна Ивану Стрижевскому за этот выбор. Это действительно то место, где они смогут жить спокойной жизнью, воспитывать своего ребенка, где забудут о пережитом.

Два довольно больших двухэтажных дома были раньше отелем, подобно тому, что находился напротив, в полутора километрах через фьорд. Предыдущий хозяин поддался на весьма щедрое предложение Стрижевского и продал ему всё целиком. Перестройка домов заняла около года и тоже влетела в кругленькую сумму, но Иван Сергеевич не жалел. Место того стоило. Оба дома стояли на окружённой сосновым лесом большой поляне рядом с берегом. Длинная,

сложенная из камней набережная огибала их плавной дугой. Здесь располагалась веранда, откуда раньше гости отелы, точно так же, как Литы и Чарред, смотрели на закат.

За лесом тянулась гряда невысоких серых скал, с которых низвергался небольшой водопад, протекавший затем быстрой речушкой через лес к водам фьорда. До ближайшего города можно было добраться на катере, либо на автомобиле, проехав по пролежавшей вдоль берега дороге до небольшого поселка, откуда регулярно ходил паром.

В этом весьма уединённом месте было тихо и спокойно круглый год. Лишь изредка рядом проплывали катера с туристами, но они теперь старались держаться ближе к противоположному берегу.

– Всё гуляете? – окликнул их Стрижевский, когда они подошли к дому. – Идёмте, расскажу хоть где что.

Они вошли в большой холл, продолжавшийся после арки гостиной. Виктория уже вовсю играла рядом с камином на ковре под присмотром Тани и Саши. Огонь в топке весело трепетал, отбрасывая алые блики на обшитые деревом стены и каменные столбы.

– Итак, на первом этаже у нас гостиная для гостей, кухня и столовая для завтрака, обеда и ужина, – начал Стрижевский. – Есть несколько комнат для прислуги, если вдруг захотим кого-то нанять. Ну и всякие подсобные помещения.

Из холла вверх, вдоль стен, шла широкая лестница, рядом с которой находился специально сделанный для Литы

лифт.

– Ты сможешь без усилий подниматься и спускаться на нужный этаж.

Стрижевский открыл дверь и ввёз коляску в кабину.

– Вот так, – он нажал верхнюю из двух кнопок.

Кабинка плавно поднялась на второй этаж, мелодично динькнул колокольчик. Иван Сергеевич выкатил коляску в холл второго этажа.

– Здесь спальни и, – он хитро прищурился, – кое-что ещё.

Одна из дверей показалась Лите прочнее, массивнее других, и на ней стоял странный замок с матовой клавишей вместо отверстия для ключа.

– Нужно прикоснуться пальцем, – пояснил Иван Сергеевич. – Он реагирует на отпечатки любого из твоих, либо моих пальцев. Остальные тоже имеют туда доступ.

– Но зачем так усложнять? – спросила Лита.

– На тот случай, если возьмём прислугу, либо гости какие будут. Здесь наша сокровищница, дочка. Стыдно признать-ся, но я немного помарадёрствовал во время своих путешествий на Остров. Там золото, предметы искусства, драгоценные камни, оружие и доспехи. Это для того, чтобы мы не забывали, что кроме нашего мира существует ещё один, а может и не один, мир.

– А медальон?

– Тоже там. Но толку от него больше нет. Полтора года назад он окончательно выдохся. Видимо, с уходом Лабека,

его детище потеряло свою силу.

– Значит мы больше никогда... – женщина вздохнула.

– Никогда. И для тебя это к лучшему.

– Можно мне туда?

– Подожди, Лита, нас ждёт праздничный ужин, а завтра эта комната целиком в твоём распоряжении.

На следующий день Лита едва дождалась окончания завтрака. Отправив Чарреда с дочкой гулять по лесу, она поднялась на второй этаж и остановилась перед дверью. Какое-то необъяснимое чувство, словно она стояла на пороге открытия чего-то важного, внезапно овладело ей.

– Что это со мной, – прошептала Лита. – Там всего лишь никому не нужное старьё. Так называемая память.

Она протянула указательный палец к тактильной панели – рука заметно дрожала – и коснулась им холодного серого стекла. Моргнула зелёная лампочка, и замок открылся, едва слышно щёлкнув. Женщина толкнула рукой дверь и въехала в комнату. Тот час включился свет, заливший каждый уголок сокровищницы мягким ровным сиянием. В помещении, примерно восемь на пятнадцать шагов, рядами вдоль стен стояли стеллажи.

Центр занимали манекены с одетыми на них доспехами. Лита сразу же узнала свой, украшенный страшной маской. Рядом располагались доспехи Чарреда и Гунэра. Во втором ряду она узнала броню флардских гвардейцев и красивые, узорчатые латы Регнера. Тут же, на стойках, лежали всевоз-

можные мечи – широкие и короткие времён битвы при Фарнадо, полуторники «Длинных мечей», клинки, овитые гардой её эпохи, сабли Арриго.

Копья, луки, стрелы, алебарды, страшные секиры флардцев. И как только Стрижевский умудрился притащить всё это. Рядом с доспехами она увидела и свою саблю. Отливающее синевой лезвие покоилось на высокой деревянной подставке. Лита ощутила, как кольнуло сердце, в висках гулко застучала кровь, и она протянула руку к эфесу. Но остановилась, так и не коснувшись его. Пальцы, до боли в ногтях, впились в ручку коляски. Нет, ей нельзя касаться этого оружия. Слишком много зла причинила она с этим клинком в руках.

Чтобы побороть искушение, она переключила внимание на стеллажи. Начиная от двери шла всевозможная керамика, затем изделия из металлов. В углу расположились статуэтки из бронзы и мрамора, а после них, словно на витрине ювелирного магазина, на чёрном бархате в ярком свете сияли всевозможные кольца, серьги, браслеты, цепи. Рядом, каждый на отдельной подушечке, с отдельной подсветкой, лежали драгоценные камни.

Большинство из них, за редким исключением, были обработаны довольно грубо, а порой и совсем не обработаны. Но это были в основном алмазы из шахт Островов смерти, причём настолько крупные, что Лита, уже немного понимавшая, насколько они ценятся в этом мире, присвистнула от изумления.

Потом она увидела монеты, имевшие хождение по Острову и даже немного чужеземных. Дальше стояли книги, но всё это меркло перед великолепием драгоценных камней. Лита вернулась к ним и отыскала самый большой алмаз. Грубо и криво огранённый, он не был красивым. Зато он был чистой воды с нежно голубым отливом и весил 358 карат. Огромное состояние.

– Нравятся камушки? – раздался за спиной голос Стрижевского.

– Впечатляет.

– Всё это поднято в нейтральных водах с затонувшего пиратского брига.

Лита обернулась, удивлённо посмотрела на Ивана Сергеевича, но, заметив, что тот едва сдерживает распиравший его смех, рассмеялась сама.

– Неужели в это поверили?

– Надеюсь.

Лита снова подъехала к своим доспехам и спросила:

– А это зачем здесь? Я едва поборола в себе соблазн взять в руки саблю.

– Молодец, что поборола. Но это всего лишь вещь, она ничего не несёт в себе. Только ты в своём воображении можешь наделить её какими-то магическими свойствами. Но на самом деле это кусок остро заточенной высококачественной стали. Запомни это и смело трогай всё, что вздумается.

– Тебе легко говорить это, но поставь себя на моё место.

– А я и ставлю себя на твоё место и думаю так, как этого требует здравый смысл, девочка моя.

Она лишь махнула рукой и, проехав мимо стеллажей с книгами, заметила:

– А это зачем? Ценности в них никакой.

– А знания? Когда-нибудь Виктория почитает, узнает, что есть такой мир, узнает его историю. Здесь только летописи.

– Я бы предпочла, чтобы она не знала о другом мире и о том, что её отец и мать оттуда родом.

– Но почему?

– Она родилась здесь, она дитя этого мира, и я не хочу, чтоб она грезила тем, что стало недоступным. Пусть живёт нормальной жизнью – вырастет, окончит школу, выучится на врача или учителя. И пусть никогда не узнает, что её мать виновна в гибели многих тысяч человеческих жизней.

– Ты уже начала мыслить мерками современного общества, – Стрижевский вздохнул, – ты словно губка, поглощающая огромные объёмы информации, твой характер под её влиянием перестроился. И жить тебе с этими воспоминаниями будет тяжело, если ты не научишься воспринимать их как сон.

– Я бы рада считать произошедшее со мной дурным сном. Но сидя в этой инвалидной коляске, – Лита в сердцах ударила по ручкам, – я не могу отвлечь себя, как Чарред, играя с ребёнком. Мне остаются лишь книги, и я хочу читать не любовные романы, а то, что поможет мне здесь.

– Это пройдёт, ты справишься с воспоминаниями и стра-
хами ради своего ребёнка.

– Я постараюсь.

Лита протянула руку к эфесу сабли и осторожно дотрону-
лась до потёртой кожаной обмотки. Затем, пальцы медленно
обхватили рукоять.

– Ты прав, ничего особенного.

Рука разжалась, так и оставив саблю на подставке. Стри-
жевский довольно улыбнулся и, подмигнув, направился
к двери.

– А где медальон? Я его не видела?

– Его Николай вроде положил в коробку с летописями мо-
нахов храма Лабeka. Поищи на полке с книгами. Этот ящик
ни с чем не спутаешь.

Иван Сергеевич вышел, а Лита снова подъехала к кни-
гам. Толстые фолианты и свитки аккуратно расположились
на нижних полках, но ничего похожего на ящик среди них
не было. Она подняла взгляд выше – так и есть, он стоял
на самом верху, зажатый между двух массивных томов в пе-
реплётах из бронзы и дерева.

Можно было бы попытаться достать его копьём и скинуть
вниз, но не разобьётся ли от этого корпус шкатулки. Выгля-
дел он весьма древне, покрытый тёмным налётом, и не было
понятно, сделан он из металла или дерева. «Надо встать», –
подумала вдруг Лита. – «Я смогу, лишь бы эта штука была
не слишком тяжёлой».

Женщина поставила коляску на тормоз, чтобы та не откатилась назад и схватилась обеими руками за стойку стеллажа. Поморщившись от укаловшей спину боли, она подтянулась, встала на ноги и прижалась к полкам, чтоб немного отдышаться. «Слабеть стала», – подумалось ей. Ноги, ещё очень слабые, предательски подрагивали – одно неверное движение, и она упадёт. Осторожно отпустив одну руку, Лита протянула её вверх.

Пальцы коснулись сундучка, нащупали щель между корпусом и крышкой и вцепились в какой-то заусенец. «А теперь осторожно...» – прошептала она и потянула его на себя. Но то ли сундучок был слишком тяжёлым, а может его сильно зажали стоявшие с боков книги, но пальцы соскочили с заусенца, до крови расцарапавшего один из них.

Лита негромко ойкнула и сунула пораненный палец в рот. Затем осторожно опустилась в коляску, достала из кармашка платок и замотала им рану. Можно конечно позвать Стрижевского, либо дожждаться, пока придёт Чарред, но упрямая натура взяла верх. Лита поставила коляску к стеллажу боком, снова встала, подтянувшись за стойку. Только на этот раз она, помогая рукой, поставила левую ногу на сиденье коляски, после чего, подтянувшись за верхнюю полку, встала на коляску второй ногой.

На мгновение в душу закрался страх – что будет с ней, если она сейчас упадёт? Вдруг новое падение полностью поставит крест на её возможности ходить, и она окажется

всю оставшуюся жизнь прикованной к инвалидному креслу. И всё из-за того, чтобы взглянуть на потерявший силу медальон?

Глупо. Но полдела сделано, сундучок был прямо перед её глазами. Можно не снимать его, а просто открыть крышку и посмотреть. Лита снова сунула пальцы в щель, оставленную, по всей видимости, слесарным инструментом, и попыталась открыть крышку. Не тут то было. Видимо, петли настолько заело, что усилий одной руки оказалось недостаточно.

Женщина вздохнула и, обхватив сундучок рукой, подвинула его на край полки. И сразу поняла, что он довольно тяжёл. Действуя всё так же одной рукой, Лита смогла опустить его на две полки ниже, так, чтобы достать до него сидя в коляске. Потом, повиснув на руках, поставила ноги на пол и осторожно опустилась в кресло.

Всё тело было мокрым от пота, майка покрылась тёмными пятнами на груди и спине. Руки заметно дрожали от приложенных усилий. «И это того стоило?» – спросила она сама себя. Сундучок лежал у неё на коленях. И даже ещё не полностью обретшие чувствительность ноги ощущали его вес.

Лита нашла в груде оружия короткий, толстый кинжал и, действуя им как рычагом, открыла крышку настолько, чтобы в щель можно было просунуть пальцы обеих рук. Вцепившись одной рукой в крышку, а второй в корпус, она потянула изо всех сил, даже закрыв от натуги глаза. Петли поддались

с трудом, крышка открывалась медленно, миллиметр за миллиметром. Но в какое-то мгновение она открылась так резко, что сундучок вырвался из рук и с тяжёлым лязгом упал на пол вверх тормашками. Из-под него выкатился медальон и остановился прямо у ног Литы. «В последний раз ты был похож на золотой», – прошептала она и подняла его.

Тонкий диск был мертвенно-серым, словно сделанным из неотшлифованной платины. Поистёртые символы всё ещё были видны на нём, но она знала, что это лишь декорация. Сама суть находится в нём самом, да в его создателе. «А где была бы я, если б не ты? Наверно, топор палача давно срубил мне голову».

Лита печально вздохнула и, небрежно бросив медальон на стеллаж, направилась к выходу. Уже закрывая дверь, она посмотрела на валяющуюся на полу летопись монахов.

– Иван!

– Я здесь, – донеслось с первого этажа.

– Я уронила тут кое-что тяжёлое, поднимешь?

– Хорошо, потом. Давай, спускайся, перекусим салатиком.

Вечером все вновь собрались за ужином. Стрижевский, как обычно, баловал ребёнка, кормя с ложечки шоколадным пудингом. Девочка, всякий раз, когда ложка с лакомством оказывалась перед её носом, широко открывала рот и довольнo зажимуривалась.

– Но она же сама может кушать, – слабо протестовала

мать.

– Может. И совсем скоро скажет, мол я большая, дед, и не надо меня кормить с ложечки. Так что пока она так ест – буду кормить, – возразил Иван Сергеевич.

Отправив ребёнка в рот последний кусок пудинга, он протянул ей стакан с соком и, не спеша, принялся за ужин сам.

– Чарред ещё не был в сокровищнице? – поинтересовался Николай. – По-моему, он единственный, кто совершенно проигнорировал её. Лита была, Таня и Саша тоже. И все, как один, только об алмазах потом и говорили.

– Эх, молодежь, – проворчал Стрижевский. – Лежащие там летописи – вот истинная ценность.

– Только кого они здесь интересуют? – хмыкнул Александр. – Неизвестный науке язык, неизвестные страны и места. Да и любой анализ даст им не больше двухсот лет. Только та, что я в пещере нашёл с медальоном, чего-то стоит, и то, если переплавить.

– Ага, Лита её сегодня, смотрю, на пол бросила.

Лита вдруг замерла, так и не донеся до рта вилку с кусочком огурца. Она вспомнила звук удара, с каким сундучок упал на пол.

– В смысле, переплавить?

– Ты даже не посмотрела его содержимое? Там страницы из чистого золота.

К счастью, Стрижевский не стал запихивать сундучок с золотыми страницами наверх, а положил на нижнюю полку рядом с какими-то рванными свитками. Стоило только протянуть руку, взять и открыть его и... «И что потом?» – спросила сама себя Лита. – «Что я увижу? Что должна буду делать? Никто не знает о моём новом даре. Все считают это летописями монахов Лабeka – так сказал Николай, а он читал её. Это лишь рассказ о том, как они попали на Остров и построили храм. Неужели это и есть та золотая книга, в которой можно прочесть прошлое, настоящее и будущее? Допустим, я увижу что-то страшное, и что я скажу моим близким? Они, конечно, много во что способны поверить, но вряд ли поверят моим пророчествам».

Лита медленно прикоснулась рукой к холодной бронзе, ожидая, что сейчас почувствует нечто божественное. Но нет. Это был всего лишь бездушный кусок металла. Сразу улёгся сумбур в голове, она усмехнулась, подумав, насколько стала мнительной. Сундучок оказался у неё на коленях. Руки вновь открыли его крышку – на этот раз петли поддались сравнительно легче. Сердце всё-таки ёкнуло в груди, когда в свете ламп заблестело золото страниц.

Тонкие пластины покрывали выбитые чеканом буквы знакомого Лите с детства алфавита. Может, только слова из них

складывались старинные, по сравнению с современными звучавшие немного по другому, но, не смотря на это, звучавшие предельно ясно. Вдох разочарования невольно вырвался из её груди. Всё так, как говорил Николай. Книга золотая, но она не та Золотая книга. Лита почему-то почувствовала себя обманутой. Казалось, вот он, момент истины, то, ради чего смерть отказалась взять её душу. Но вновь это всего лишь книга.

Лита машинально пролистала несколько страниц, пробежав взглядом по тексту, но вдруг замерла в шоке. Буквы отчего-то поплыли, словно листья в водовороте лесного ручейка. Какая-то неведомая сила так притянула взгляд к страницам, что ей показалось, что она сама проваливается в них. Начали мелькать неясные образы из прошлой жизни. Лица, города, события проносились в непонятном водовороте. «Хватит!» – взмолилась вдруг женщина, обуянная ужасом. – «Я ничего не понимаю! Пожалуйста! Перестань!» Всё прекратилось, и Лита очнулась стоящей на ногах, держа в руках Золотую книгу.

Вновь начала чувствоваться слабость в коленях, и она поспешила сесть в коляску. «Нет, это не обман! Это действительно она! Но я ничего не понимаю, я вижу лишь то, что происходило со мной, да и то очень сумбурно, неясно». Первый страх перед неизвестным прошёл, осталось лишь усиливающееся с каждой минутой любопытство, жуткое желание узнать, что же может показать эта книга.

Лита вновь устремила взгляд в золотые страницы и тихо прошептала: «Как мне научиться читать тебя?» В тот же миг в сознании раздался тихий, похожий на голос её дочери, голос книги: «Ты научишься. Запасись терпением, и скоро твой дар раскроется со всей своей силой».

– Дорогая, может, спать пойдём? Уже полночь, – прозвучал за спиной голос Чарреда.

– А ты решил тоже посмотреть сокровищницу? – спросила Лита и, закрыв шкатулку, повернулась к мужу.

Он прошёлся вдоль манекенов с доспехами, осмотрел каждый скучающим взглядом. Так же равнодушно посмотрел драгоценности, а потом подошёл к жене и положил руки на ручки коляски.

– Это всего лишь вещи. Некоторые из них баснословно дороги... но это всего лишь вещи. А это что у тебя за сундук? Книга с золотыми страницами?

– Да, хочу почитать её.

– А я думал, ты не хочешь вспоминать о прошлой жизни.

– Не хотела. Но Иван сказал мне, что надо научиться жить с тем, что есть. Воспоминания не вычеркнешь. Так или иначе, но они будут приходить снова и снова. Поэтому, надо научиться относиться к ним спокойно, без страха.

– Возможно, он прав. Не мне судить его. И если тебе от этого легче, пусть так и будет.

Чарред наклонился и поцеловал жену в мочку правого уха.

– Хорошо, идём спать, – она заразительно зевнула.

Сон разбудил её рано утром, едва забрезжил рас-свет. Страшный, пугающий, он заставил Литу вскрикнуть, и от этого она тут же проснулась. Сквозь занавешенные ок-на пробивался слабый свет утренних сумерек, едва освещав-ший спальню. Лита утёрла со лба холодную испарину, за-тем сняла промокшую от пота ночную рубашку. Что же это было? Почему-то она уже ничего не помнила, сновидение стёрлось из памяти, и сколько женщина не пыталась вспом-нить, перед глазами появлялось лишь одно – раскрывающий-ся чёрный цветок.

Она посмотрела на стоявшую у кровати коляску – книга лежала на сиденье. Потом украдкой посмотрела на Чарреда – муж мирно сопел, повернувшись к ней спиной. Затем сно-ва на книгу. Рука, словно ведомая чужой волей, потянулась к бронзовому сундучку.

Свесив ноги с кровати, Лита положила на них Золотую книгу. Давившая на мышцы приятная тяжесть придала уве-ренности. Крышка открылась, и женщина впилась взглядом в раскрытую наугад страницу. Буквы завертелись, закружи-лись в немыслимом хороводе, блеск золота сменила непро-глядная тьма. «События имеют место и время», – прозвучала подсказка книги. «Так значит место и время», – прошептала Лита. Она представила себе, как смотрит на Остров с недо-ступной птицам высоты.

Огромное, покрытое зелёными лесами пространство рас-

секали тонкие, синие ниточки рек. Местами, где вверх поднимались горные хребты, зелень сменяли серые пятна скал. Крохотными точками казались города. Фарнадо. Почему-то в этот момент вспомнились рассказы отца и матери о великой битве. В тот же миг ей показалось, что она падает вниз.

Перед её глазами вдруг появился город с его могучими крепостными стенами. Мелькнуло несколько видений, словно она смотрела фильм в быстрой перемотке. И вот глаза увидели схватившиеся в смертельной схватке огромные армии. Лафирцы уже прижаты к городу, армия короля Александра отчаянно рвётся вперёд, вот храбрые всадники ворвались на улицы Фарнадо. Но что это?! Серой змеёй вдоль опушки леса ползёт ошестинившаяся копьями колонна. Тот самый резерв.

Лита моргнула, и в следующее мгновение возникла новая картинка – окружённые со всех сторон воины. Она знает их имена – Эллирий, Вителий, Бирнезий. А вот чёрный клин монахов-воителей, стремительно рассекающий ряды врага. И в острие его сам король Александр и... монах по имени Илиар, тот, который на самом деле был хитроумным Лабekom. Лита до сих пор не могла понять всех тонкостей затеянной им игры.

И вот, всё кончено. Король мёртв. Но случилось нечто, что обернуло безусловное поражение в победу. Лита, затаив дыхание, смотрела, как буйство иномировых сил вдохнуло в павшего короля новую жизнь. Он восстал из праха и, сжи-

мая в руках обратившийся в пламя меч, сокрушил захватчиков...

— Вот это да! — воскликнула она, с трудом оторвавшись от книги.

Рядом, потревоженный возгласом, заворочался Чарред, что-то пробормотал во сне и, повернувшись лицом, попытался нащупать рукой жену. Лита поспешно схватила его за запястье, и тот снова засопел.

Лита снова взялась за книгу и, на этот раз, посмотрела битву при Фарнадо от начала и до конца. Она научилась, где нужно, ускорять ход времени или замедлять его, так что за каких-то полчаса увидела всё, что происходило в течение суток.

За окном совсем рассвело. Было слышно, как запели птицы, как где-то на фьорде прогудел мотор катера. Как хотелось встать на ноги, подойти к окну и, отдёргнув в сторону занавеску, подставить обнажённое тело солнечным лучам. Лита всхлипнула от жалости к себе. Как же ей ещё далеко до того момента, когда она сможет жить полной жизнью. В сердцах она вдруг пнула правой ногой коляску и почувствовала сильную боль в ушибленном пальце. И обомлела от радости. Нога смогла нанести удар, да так, что довольно тяжёлый предмет едва не опрокинулся. И боль... к пальцам возвращалась чувствительность.

За завтраком, когда Чарред увёл Викторию умывать измазанное джемом личико, Лита, не удержавшись, рассказала

Стрижевскому о том, что с каждым днём состояние её ног становится лучше.

– Скрываешь от него? – Иван Сергеевич хитро улыбнулся и подмигнул ей.

– Он знает об улучшении, но я не хочу раньше времени обнадеживать его. Вдруг, это максимум, на что я способна.

– Если нерв был лишь пережат осколком кости, что, судя по всему, и произошло, ты должна восстановиться полностью, девочка моя. Думаю, тебе не помешают физиопроцедуры – это поможет ускорить процесс выздоровления.

Через несколько дней в одной из пустующих комнат появилась обтянутая плёнкой больничная кушетка, под ложем которой был смонтирован прибор с торчавшей из него длинной гибкой трубкой, заканчивающейся диском в корпусе из пластика. Она легла на кушетку, Стрижевский прижимал к её спине этот диск и включал прибор минут на двадцать. Лита почти ничего не чувствовала, если не считать исходившего от диска приятного тепла.

Всё это время книга с готовностью раскрывала тайны прошлого. Будь то освоение Острова или объединение Арриго – любое из событий можно было видеть во всех подробностях в беспристрастном изложении этого кладезя знаний. И Лита с жадностью впитывала в себя эти знания, порой забывая о счёте времени. Но лишь после того, как однажды услышала в новостях о крупнейшей за полвека аварии на химическом предприятии в Южной Америке, она вспомнила, для чего ей

дан этот дар – предотвратить беду.

Пока Чарред нежился в ванне, что-то негромко напевая, Лита достала из-под прикроватной тумбы заветный сундучок. Она старалась поменьше попадаться на глаза мужу вместе с ним, поэтому каждый всплеск воды заставлял вздрагивать и порываться прятать обратно Золотую книгу. Что может подумать о ней Чарред? Слишком часто он видел её вместе с книгой. Решит, что его жена снова сошла с ума?

Но Чарред не спешил – ему безумно нравилось мокнуть в тёплой мыльной воде. Если бы позволяло время, он проводил бы в ванне по полдня. «Раньше полуночи он не выйдет», – подумала Лита, посмотрев на часы, показывающие четверть двенадцатого.

Негромко скрипнули петли, мягко засияли при свете лампы золотые страницы. «Мне надо увидеть будущее». Но только сейчас ей в голову пришла обескураживающая догадка – видеть она могла только тот мир. И получается, что беда угрожает именно ему. И как она сможет помочь, если путь туда закрыт навсегда?

«Бред какой-то», – Лита разочарованно покачала головой. Она уже хотела закрыть книгу и навсегда забыть и о ней, и о бесполезном даре, но любопытство остановило её. Листы книги вновь поглотили взгляд. Обрывки видений замелькали перед глазами, и было непонятно: прошлое это, будущее или настоящее. Сначала перед глазами появился город. Пустые улицы, тёмные глазницы окон, ветер, несущий

песчаную пыль. Потом шумный праздник. Огромный бело-мраморный зал украшен цветами и разноцветными лентами. Разодетые гости, ломящийся от яств стол. Во главе его счастливая молодая женщина, держащая на руках двух малышей. А потом – скалы, дырявая, словно сыр, от нор сусликов земля на которой распускаются чёрные цветы. И среди едва колышущегося на ветру чёрного моря ребёнок, мальчик лет пяти в старом, драном халате. Он протягивает худую, смуглую ладонь, на которой лежит большой, блестящий, тёмно-фиолетовый, почти чёрный боб. Ребёнок что-то шепчет, и Лита читает по его губам: «Джуммэ».

Она с усилием отбросила от себя книгу и хрипло задышала, вытирая руками льющиеся из глаз слёзы. Всё тело трясло, словно в лихорадке, отчего-то болели суставы и, до безумия, хотелось вскочить и бежать без оглядки.

Из ванной комнаты донеслось шлёпанье босых ног по полу, и это привело Литу в чувство. Она первым делом спрятала шкатулку под кровать, а потом зарылась глубже в одеяло, так, чтобы на лицо не падал свет. Но Чарред не спешил, и ей выдалась возможность обдумать увиденное, пока была свежа память. Она ещё раз прокрутила в сознании видение и остановилась на городе. Лишь он показался ей знакомым, похожим на Азулахар, опустевший, пришедший в упадок после войны и после того, как сила Лабека открыла к нему дорогу пескам Фаджула. Но остальное? Женщина, дети, кусок степи и скал, мальчик с бобовым зерном в руках. Кто они? Где это

место, на котором растут чёрные цветы? Единственное, что она поняла, это, скорее всего, связано с Арриго.

Всепроникающая, въедливая песчаная пыль стала сущим наказанием с тех пор, как сила светловолосой блудницы открыла Асул для ветров и песков Фаджула. Она проникала даже сквозь закрытые ставни и оседала на великолепной мебели, на дорогих коврах, на беломраморном полу зала. Пыль хрустела на простынях, пыль хрустела в пище. Она накапливалась в углах, но её никто оттуда не убирал. Кто не погиб в той страшной резне, тот пытался покинуть медленно умирающий Азулахар.

Неизвестно, кому удалось выжить в дороге, но жителей в городе становилось всё меньше и меньше. Молодые и сильные, а таких осталось после войны совсем мало, ушли первыми. Потом ушли те, кто ещё чувствовал в себе силы и не боялся сложностей пути. Теперь, спустя три года, в Азулахаре остались в основном старики, выживавшие лишь благодаря огромным запасам зерна и вяленины в кладовых покойного кишара, да озера под боком.

Ещё выручали, хотя и не бескорыстно, жители двух городков на противоположном берегу. Но и те пустыли – озеро стремительно мелело, его берег отступил уже на сотню шагов. Пройдёт несколько лет, и на его месте останется скалистая впадина со зловонной лужей на дне. И тогда Асул умрёт. А потом, ещё несколько лет спустя, всё поглотит песок.

Худой, сгорбленный старик тряпкой смахнул со стола пыль и поставил на него серебряную тарелку с рисом, немного сдобренным мелко порезанным вяленным мясом. Устало опустившись на стул, он без аппетита съел свой обед, запил его кубком озёрной воды. Морщась от хрустевшего на зубах песка, он ополоснул посуду в деревянном чане. Даже здесь, на расположившейся в цоколе кухне, где не было ни одного окна, властвовал песок.

Для жителя Азулахара старик был довольно светлокож – его прадед был выходцем из Суррикеша и попал сюда, будучи искусным врачом, поддавшимся на щедрые посулы кишара. Благодаря нему, у семьи появился большой, красивый дом на берегу озера.

В тот страшный день из всей большой семьи остался лишь он, да внук с внучкой, близнецы. Остальные – трое сыновей, дочь, две снохи, пятеро взрослых внуков и две внучки погибли. Кто на улицах от рук озверевших захватчиков, кто в обрушившемся дворце кишара. Лишь он, да два одиннадцатилетних подростка догадались спрятаться в стоявших в этой кухне больших ларях.

– Дед, дед, смотри! – дверь со скрипом открылась, и в кухню вбежал долговязый подросток, выглядевший старше своих четырнадцати.

Следом за ним появилась его сестра. Отряхнув за порогом платье от набившейся в складках пыли, она вошла следом за братом.

– Нишерле, – недовольно заметила она. – С тебя сыплется пыль – выйди и отряхнись.

– Да подожди, – юноша отмахнулся и, сняв с плеча холщовую сумку, вывалил из неё на стол большую зубатку. – Дед, теперь тебе не придётся ужинать этими подошвами, которые ты называешь мясом.

Старик довольно улыбнулся. Внук научился неплохо ловить рыбу и, теперь, почти каждый день, приносил к столу улов. Но такая большая рыбина – нечастая добыча.

– Как твой огород, Бэудиша? – спросил он внуку.

Во дворе одного из заброшенных соседних домов девушка выращивала кое-какие овощи и зелень. Высокие стены немного защищали от несущего песок ветра. Ей осталось лишь при помощи брата натаскать сохранившийся под слоем песка земли из конюшни и посеять семена. Много сил и времени уходило на полив, но эти труды вознаграждались хорошим урожаем.

– Песок лезет отовсюду, – поморщилась Бэудиша. – Но пока в конюшнях можно набрать земли – у нас будут овощи.

Старик подозвал к себе девушку, притянул её голову к себе и нежно поцеловал в лоб, затем похлопал по плечам внука. Улыбнувшись, посмотрел на каждого из них и поспешил отвернуться, пряча подступившие к уголкам глаз слёзы. Если бы не они, в Азулахаре его бы ждала ужасная смерть от скорбута.

– Выбираться вам надо отсюда, – тихо проговорил он. –

Тебе, Бэудиша, замуж пора. Здесь достойного жениха уже не найти. Да и тебе, Нишерле, надо девушек в свои сети ловить, а не рыбу. Вы сильные, сможете преодолеть пустыню.

– А ты? Мы не бросим тебя одного, – сказала девушка дрожащим от волнения голосом.

– Мне не дойти. Если только вы сможете поймать одичавших верблюдов.

– Я обязательно поймаю, – встрепенулся юноша. – И мы уйдём отсюда вместе. Но что нас ждёт там? Нихайа Сеитэ ненавидит Азулахар и тех, кто живёт в нём.

– Несущая погибель даже не заметит нашего появления. Её месть свершилась, и до простых смертных ей нет никакого дела.

– Тогда мы уйдём отсюда вместе, дед. Дай лишь время, и у нас будут верблюды, много верблюдов. И для нас, и для припасов, для воды, для семейных богатств...

– Болтун, – сердито буркнула Бэудиша.

Она схватила нож и принялась чистить рыбу. Мелкая чешуя из-под ножа сразу облепила её загорелые руки, отчего они стали, словно покрытые перламутром.

– Пойдём со мной, Нишерле, оставим твою сестру в покое, иначе будем ужинать пересоленной рыбой, – усмехнулся старик. Девушка бросила на них сердитый взгляд и продолжила своё занятие.

Старик и юноша поднялись на опоясывающую дом веранду. Под ногами захрустел песок. Сколько не сметай его, всё

равно проходит полдня, и вновь беломраморный пол скрывается под слоем рыжеватой песчаной пыли. Они остановились, облокотились о перила. Раньше рядом с домом плескались воды озера, и даже отсюда можно было ловить снующую на мелководе рыбку мелочь. Но теперь берег лежал примерно шагах в ста от этого места.

– Ещё совсем недавно мы все думали, что живём, словно боги. У нас было всё, чтобы жить счастливо и в достатке, – с горечью в голосе проговорил старик. – А сейчас мы медленно умираем. И знаешь, я порой завидую тем, кто лежит под грудой камней, оставшейся от башни кишара.

– Ими можно гордиться, – отозвался Нишерле. – Они предпочли смерть позору, не сдались Несущей погибель.

Немного помолчав, посмотрев на молчавшего деда, он добавил, с трудом сдерживая дрожь в голосе:

– Я хотел бы отомстить ей за Азулахар... Но знаю, что не смогу.

– Не сможешь. Её охраняют лучшие воины Арриго. Говорили, и сама нихайя превосходный боец – ученица мастера Шайруэга. И забудь о своих мыслях, не у тебя одного в голове бродит подобное. Месть – это путь к самоуничтожению. А тебе и сестре нужно жить, воспитывать детей, продолжать род. Я вот о чём хотел с тобой поговорить... Раз уж мы затеяли с тобой разговор о том, чтобы покинуть Азулахар, я расскажу тебе о моём хорошем друге из Феюса. Его зовут Мафаштан, и он тоже целитель. Если со мной что-то случится,

или мне придётся остаться здесь — идите к нему, я напишу для него письмо. Этот благородный человек не оставит вас, поможет...

— Дед, перестань, — возмущённо перебил его Нишерле. — Я обещаю, что поймаю верблюдов, и мы уйдём отсюда вместе.

Старик усмехнулся, пожал плечами и медленно пошёл по веранде, стряхивая рукой пыль с перил.

Южная ночь стремительно опустилась на несчастный Азулахар, окутала вымирающий город непроницаемой чернотой. Раньше, все городские улицы всю ночь полыхали огнями светильников; в любом закоулке было светло, словно днём. А сейчас лишь в редких домах окна светились робкими огоньками.

Рядом с крепостной стеной изредка слышался грозный рык льва. Огромные кошки, когда-то загнанные безжалостными охотниками в труднопроходимые скалы, осмелели и стали появляться в окрестностях города и даже за его стенами. Выходить на улицу после заката стало очень опасно. И едва солнечный диск касался горизонта, все спешили по домам, чтобы не оказаться в зубах хищника.

Засыпая, каждую ночь Нишерле прислушивался к доносившимся из-за плотно закрытых ставен звукам. То это были жалобные крики ночной птицы, то зловещий хохот спящих рядом с городом гиен. Но в эту ночь, впервые со времени разрушения Азулахара, он услышал полный страха чело-

веческий крик. Кричали рядом, быть может из дома на соседней улице, где когда-то жил хранитель винного погреба кишара. Теперь там жила перебравшаяся ближе к воде семья купца с окраины. «Купчиха мышь увидела», – подумал Нишерле. Но крик повторился. Ему вторил отчаянный визг дочери купца, толстощёкой и некрасивой Булы. А потом закричал купец, и юноша, прислушавшись, разобрал отдельные слова. Человек звал на помощь, потом просил не убивать.

Холодный, липкий пот страха сразу выступил на теле. Дрожь сковала ноги, но Нишерле всё-таки поднялся из постели и, осторожно подбежав к окну, преник глазом к щели в ставнях. Этот дом был виден отсюда довольно хорошо, но крошечная тьма за окном ничего не дала рассмотреть. Лишь несколько раз мелькнул жёлтый огонёк фонаря.

Криков больше не было, но юноша вдруг услышал, как всхрапнула лошадь. От осознания этого ноги подкосились, и он чуть не упал на пол. Это означало, что в город пришли чужаки, случилось то, что предчувствовал дед уже давно – соблазнённые заброшенными богатствами Азулахара, пришли грабители.

– Нишерле, – голос старика заставил юношу схватить упавшийся под руку кувшин. – Нишерле, одевайся.

Дед вошёл в комнату со светильником в одной руке и серебряным свёртком в другой. Он положил его на кровать и развернул – у юноши перехватило дыхание – кольчуга

и сабля. И только сейчас он заметил, что целитель тоже одет в доспех, а на широком, украшенном золотом поясе, висят ножны с длинной саблей.

– Зачем? – спросил он, хотя и сам знал ответ.

– Пришли через пустыню. Мародёры. Одевайся скорее и пошли к Бэудише.

Дрожащие от волнения руки рывками натянули кольчугу. Тяжесть легла на плечи, придавала немного уверенности. Пальцы судорожно сжались на гладких деревянных ножнах. Нишерле несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь успокоить себя. Где-то совсем рядом витал, тянул свои липкие щупальца, страх, подобный тому, который он испытал ещё мальчиком в страшный день падения Азулахара. Но оружие в руках, настоящее боевое оружие, преградило путь этому страху.

– Боишься? – тихо спросил дед.

– Немного.

Комната Бэудиши находилась рядом. Старик негромко постучал в дверь и позвал внучку:

– Бэудиша, открой, это мы.

Дверь открылась сразу же – девушка стояла, прижавшись спиной к стене, и дрожала всем телом. Было слышно, как стучат её зубы. Нишерле схватил сестру за холодную, влажную от пота руку, и она, всхлипнув, прижалась к закованному в железо плечу брата.

– Там кричали, просили о помощи, – прошептала она.

– Мы слышали, – ответил брат.

– Не стойте, – поторопил их дед. – Нам нужно спрятаться внизу. Если грабители решат навестить нас – это единственный шанс уцелеть.

Ночь они провели в подвале рядом с ларями для зерна, прислушиваясь, не раздастся ли треск выламываемой двери, не застучат ли в коридорах тяжёлые сапоги. Брат и сестра уснули лишь под утро, когда через крохотную отдушину в стене проник лучик серого, предрассветного света.

Утро началось с раздавшихся на улице гневных криков и плача. Поднявшиеся из подвала трое сразу же бросились туда, откуда раздавался этот шум. Нишерле первым выбежал из дома, едва не упал, поскользнувшись на засыпанных песком мраморных ступенях дома.

– Оттуда, там где Була живёт, – махнул он рукой в сторону возвышающегося на соседней улице дома с плоской крышей-террасой.

Они пробежали через двор заброшенного дома напротив, перепрыгнув через развалившуюся каменную ограду, и остановились, увидев окружавшую крыльцо дома купца толпу. Человек двадцать, мужчины и женщины, все, живущие неподалёку, причитали на разные лады, вознося к небу руки. Мужчины сыпали проклятиями, да такими, что брату и сестре стало не по себе, женщины плакали, кляли несправедливую судьбу. Нишерле и Бэудиша стояли, не решаясь пройти дальше, но их заметили, расступились.

– Боги отвернулись от нас, дети. Жадные стервятники добрались до несчастного Асула, – проговорил глухим от гнева голосом пожилой мужчина, темнокожий, как большинство жителей Азулахара.

Бэудиша вскрикнула и спрятала взгляд в плечо брата – перед крыльцом, в луже запёкшейся крови лежали три обезображенных тела. Купец, его жена и их дочь Була.

– Теперь мы все в опасности, – заплакала какая-то женщина. – Эти шакалы не успокоятся – в Азулахаре осталось много богатств. Видели бы вы, что творится в этом доме – там всё перевернуто вверх дном...

– Они придут и этой ночью, и следующей. И после каждой ночи мы будем находить мертвецов, – проговорил подошедший целитель.

– Так что же делать?! В городе почти не осталось мужчин, способных держать в руках оружие. Кто защитит женщин и стариков?! – женщины в толпе зашумели, заволновались.

– Надо отыскать разбойников и предложить откупиться, – предложил кто-то. – Хвала богам, в каждом доме золота предостаточно.

– Не только золото нужно им, – старик присел рядом с телами и горько покачал головой. – Они хотят и крови. Это не люди... это звери.

Толпа на мгновение замолчала, обдумывая слова целителя, а он, немного подумав, предложил:

– Единственное, что мы можем сделать – собрать всех, кто может держать оружие и уничтожить зверей. Не думаю, что их много. Нам хватит сил справиться с ними, если мы будем едины. Каждый из вас сегодня должен обойти всех своих знакомых и рассказать о случившемся, об угрожающей нам всем опасности. И пусть они тоже расскажут это своим друзьям и знакомым.

– Но как мы узнаем, где грабители?

– Этой ночью они снова придут в город. Думаю, найдутся добровольцы, чтобы выследить их. А утром мы атакуем и уничтожим всех до единого.

Тела погибших оставили на улице до завтрашнего утра, чтобы каждый мог прийти, увидеть их и понять, какую угрозу несут незваные гости. Кто-то посетовал, что их души обидятся на такое пренебрежительное обращение, но целитель был непреклонен. Решили только прикрыть убитых куском белого полотна, чтоб мухи не оставили в их плоти личинок.

Город переполошился, узнав о произошедшем, и уже к вечеру собрался отряд из двух сотен мужчин. Молодых было немного, около четырех десятков, а остальные в возрасте и даже совсем старики. Но каждым двигал гнев и желание спасти от ужасной участи своих друзей и близких.

– Тебе предстоит бессонная ночь, Нишерле, – сказал дед. – Ты ловок, умён, хорошо знаешь город. Ты должен выследить их сегодня ночью. Справишься?

– Конечно, справлюсь, – ответил юноша с напускной бра-

вадой. – Я смогу следить за ними с крыш, а они не заметят меня.

– Я надеюсь на тебя, внук. Только, молю тебя, не лезь никуда. Что бы не происходило – один ты всё равно не справишься.

– Хорошо, дед.

Нишерле проводил солнце взглядом. Бросив последние лучи на несчастную землю, красный диск исчез за горизонтом, и на Азулахар опустилась темнота. Юноша отпил немного воды из фляги и лёг на тёплый камень. Отсюда был виден его дом, тусклые жёлтые огоньки в окнах. Но вот они погасли, и силуэт здания исчез во мраке.

Кроме него ещё полтора десятка мальчишек расселись по крышам в разных районах города, чтобы не пропустить способных прибыть откуда угодно грабителей. В конюшнях спрятались две сотни ополченцев, готовых, если что, придти на выручку тем, кому не повезёт в эту ночь. Шум города стих, всё погрузилось в тишину напряжённого ожидания.

Нишерле в сотый раз схватился за рукоять дедовского кинжала, проверил, достаточно ли легко и бесшумно он выходит из ножен. Его воображение уже рисовало, как он, невидим и стремителен, убивает одного разбойника за другим, а те мечутся в панике, не понимая, откуда, из-за какого угла настигает их смерть.

Спать совсем не хотелось. Обычно, в это время юно-

ша спал крепким, здоровым сном. Но не отпускавшее ни на мгновение нервное напряжение не давало глазам закрыться. В темноте до предела обострился слух, и юноше казалось, что он слышит даже, как в подвале дома копошатся в зерне мыши.

Время шло. Тонкий серп луны поднялся в зенит и уже клонился к горизонту, но тишину ночи не нарушало ни единого звука. «Они сегодня не придут», – подумал Нишерле и, расслабившись, зевнул. Но в этот момент в начале улицы прозвучал стук копыт, потом засияли точки факелов.

Подкравшуюся дрёму разом смело накатившим сначала животным страхом, который сразу сменился азартом выслеживающего опасную добычу охотника. Нишерле вжался в камень балкона и осторожно выглянул из-за мраморной балясины.

Всадники приближались молча, стараясь привлекать к себе как можно меньше внимания. Да и копыта коней стучали не так сильно, как обычно. Юноша пригляделся и увидел, что они обмотаны тряпками. Он принялся считать разбойников. Один десяток, второй, третий... Вновь подкрался страх – их было ровно пять десятков, и каждый одет в доспехи... очень знакомые доспехи. Юноша вспомнил, как оставшиеся в живых три года назад мрачными взглядами обречённых на смерть людей провожали армию Несущей погибель. За ней на горячем вороном коне ехал бритоголовый темежин с похожей на волчий оскал улыбкой. А следом скакали точно

такие, как сейчас, всадники.

– Проклятый Азулахар навсегда запомнит темежина Машада и его удальцов, – громко сказал бритоголовый человек, и следовавшие за ним воины захохотали.

– А мы не слишком много оставили им сокровищ, а командир? – окликнул Машада один из солдат.

– Пусть подавятся ими. Мы всегда сможем вернуться и забрать их.

«Всадники Машада вернулись за сокровищами!» – осенило Нишерле. – «А они легко порубят две сотни, которые и сабли то держать толком не умеют. Надо предупредить!»

Дождавшись, когда всадники отъедут от места, где он спрятался, Нишерле вскочил и быстро спустился вниз по за-благовременно привязанной к одной из балясин верёвке. В отчаянном прыжке он попытался перемахнуть через покорёженную кованую ограду, но нелепый случай сыграл с ним злую шутку. Какой-то изогнутый прут зацепился за пояс, и Нишерле повис почти вниз головой, беспомощный, словно приколотая иголкой муха. От отчаяния он едва не закричал, но здравый смысл подсказал, что это будет поступком, весьма опасным для его жизни. Если всадники услышат крики, ему придёт конец.

Юноша подумал, что сидевшие в засаде люди здравомыслящие и полезут в драку лишь тогда, когда им не оставят выбора, когда ценою этого выбора будет чья-то жизнь или смерть. А в неожиданной атаке со всех сторон шанс на побе-

ду всё-таки был. Ну, а если всё обойдётся – у него достаточно времени, чтобы освободиться, найти разбойников и проследить за ними.

Он закинул на ограду ногу и попытался подтянуться, чтобы отогнуть в сторону прут. Узорные вензеля больно, чуть не до крови, впились в икру, но Нишерле, пересиливая боль, стал сгибать освободившуюся от веса его тела железку. От усилия перед глазами пошли круги, боль невыносимо резала ногу. В какое-то мгновение юноша подумал, что все его усилия напрасны. Но вдруг последний рывок дрожащих от напряжения рук согнул прут. Он освободился! Схватившись за ограду руками, Нишерле разогнул ногу и спрыгнул вниз. Затекающую мышцу свело резкой болью. Бежать было просто невозможно, разве что осторожно идти, держась за что-нибудь руками.

Нишерле принялся растирать ногу, чтобы восстановить кровообращение, как когда-то учил его дед. Боль быстро отступала, суставы начинали нормально сгибаться.

– Нишерле-е!!! – до его ушей донёсся отчаянный, испуганный крик сестры. – Нишерле-е!!!

Кровь застыла в жилах от нахлынувшего ужаса. В эту ночь стервятники избрали жертвой его дом, его родных.

– Нишерле-е!!! – голос сорвался на невыносимый визг.

Забыв о боли, обо всём на свете, юноша выхватил кинжал и бросился бежать на помощь сестре прямо по улице, ни сколько не заботясь, что беспощадный враг увидит его.

Не больше тысячи шагов и один поворот улицы – расстояние совсем небольшое для человека, у которого за спиной словно выросли крылья от сжигавшей душу ярости. Но он не преодолел и половины этого расстояния, как вдруг ночную тишину разорвал звон клинков и крики сражающихся. Началось.

Нишерле даже сбавил ход, стараясь прислушаться к звукам боя. Живое воображение сразу нарисовало картину кровавой схватки, и он почувствовал, как подкашиваются ноги. И лишь страх за сестру не давал ему проявить малодушие.

Юноша добежал до здания бывшего постоянного двора, оставалось лишь завернуть за угол, потом ещё полсотни шагов и... Шум боя прекратился так же внезапно, как и начался. Лишь приглушённый топот копыт коней подсказал, что грабители решили ретироваться. Он вжался в стену, ожидая, что сейчас всадники промчатся мимо него, выхватил кинжал, но судьба оказалась милосердной – грабители поскакали другой дорогой.

Нишерле отпрянул от стены и забежал за угол. И с трудом сдержал готовый вырваться из горла крик. Перед ним, у крыльца его дома на песке лежали десятки тел. Около сотни оставшихся в живых добровольцев ходили с факелами между ними, пытаясь найти выживших. Уже начинали собираться женщины – близкие тех, кто в эту ночь встал на защиту города. Уже слышался их скорбный плач и причитания.

Нишерле медленно, пошатываясь от головокружения, по-

дошёл к людям. Его узнали. Кто-то молча взял его за руку и подвёл к широкой мраморной лестнице перед входом. На нижней ступеньке полулежал дед. Он громко стонал, пока соратник перевязывал ему голову. Рядом лежала небрежно брошенная кольчуга, и внук заметил на ней кровь.

– В голову ранили и в живот, – подсказал державший его за руку мужчина.

– Бэудиша? – хриплым от волнения голосом спросил Нишерле.

И только сейчас он заметил сестру. Она лежала на песке под плащом, прижавшись спиной к каменному божку – хранителю дома. Лихорадочно блестевшие в свете факелов глаза смотрели в одну точку.

– Бэудиша? – тихо позвал Нишерле. – Бэудиша, ты слышишь меня?

Девушка услышала его голос, приподнялась и посмотрела на него так, что у брата застонала душа.

– Нишерле, – она всхлипнула и протянула к нему руки.

– Что с тобой? Ты в порядке? – Нишерле бросился к ней, обнял, попытался поднять на ноги.

– Нишерле... они... – она попыталась договорить, но слова захлебнулись в безудержном плаче. – Нишерле-е!

Подбежали женщины, мягко отстранили его в сторону и, поддерживая за руки, увели сестру прочь.

– Бэудиша?! Куда вы её уводите?! Постойте!

Он бросился следом, но одна из женщин, старая Рахша,

жившая неподалёку, остановила его.

– Постой, сынок, не ходи, – она взяла его за плечи тонкими, узловатыми пальцами.

– Зачем её увели?

– Так надо, Нишерле, – на лице старухи читалось искреннее сочувствие.

– Но что с ней случилось?!

Женщина вздохнула, покусала губы, словно решалась переступить некую черту. Но, поняв, что юноша не отстанет до тех пор, пока не узнает всей правды, ответила:

– Эти мерзавцы надругались над ней. Сейчас надо вычистить из плоти твоей сестры злое семя, пока оно не пустило корни. А ты иди, помоги деду.

На следующее утро у дома Нишерле собралось почти три сотни ополченцев со всех концов огромного, хотя и опустевшего, города. Слух о случившемся с уважаемым в городе семейством мало кого оставил равнодушным. Вооружённые мужчины ещё до полудня выступили в поход против разбойничьей шайки. Грабителей осталось не так уж и много – в ночном бою они потеряли больше половины, так что шансов справиться с разъярёнными горожанами у них не было. Самым разумным с их стороны было убраться поскорее из Асула, но мальчишки-разведчики донесли, что мерзавцы не вняли голосу разума. Как и ожидалось, они остановились в высохшем лесу у колодцев, в которых ещё оставалось

немного воды на дне.

Их окружили, и когда те услышали, как трещат под ногами ополченцев сухие ветки, было поздно...

Гора развалин, бывшая когда-то дворцом кишара, теперь напоминала гигантский алтарь для жертвоприношений. Туда и бросили двух связанных по рукам и ногам пленников. Каким-то чудом их не разорвали на части, решив сохранить их жизни для суда.

Вместо раненого целителя на суд народа пригласили Нишерле. Он удивлённо посмотрел на стоящих перед ним мужчин и тихо спросил:

– А можно мне остаться дома с дедом?

Те переглянулись. На их лицах недоумение соседствовало с безусловным пониманием.

– Нишерле, – заговорил один из них. – Право судить сейчас принадлежит тебе. Твоя семья пострадала от их рук, а значит, жизни негодяев принадлежат тебе. Ради деда, ради сестры, Нишерле?

Юноша больше не спорил. Он надел пояс с саблей и вышел из дома шагом уверенного в себе человека. До развалин дворца от дома было рукой подать, и Нишерле сразу увидел собравшийся на площади народ. Людей было много, и парень присвистнул от удивления. Он никак не ожидал, что в Азулахаре осталось так много жителей.

– Расступитесь! Расступитесь! – сопровождавшие Нишерле мужчины помогли ему пройти через толпу.

Юношу удивило, что расступаящиеся перед ним горожане кланялись ему, словно кишару. Он даже немного растерялся, но, увидев лежавших связанными на обломках двух пленников, сразу забыл обо всём. Он увидел перед собой их покрытые коркой застывшей крови и грязи лица, и рука сама потянулась к сабле.

Нишерле остановился в шаге от разбойников, и толпа замерла в ожидании. Наверно каждый думал, что сейчас на солнце сверкнёт сталь клинка, и головы негодяев покатаются по песку.

– Что пялишься, щенок, – прошептал разбитым ртом пленник с раскосыми глазами и гладко выбритой головой. – Давай, руби скорее, темежин Машад и нихайа уже заждались нас.

– Что ты сказал? – Нишерле замер.

– Руби! Или ты тупой?! Руби! Это твою сестрёнку мы так славно попользовали? Давай, отомсти нам!

– Что ты сказал про нихайу Сеитэ?

– А... вот оно что. Вы же тут сидите как мыши и ничего не знаете?

– Рассказывай.

Толпа вокруг заволновалась. Разбойник мог рассказать свежие вести, да странный намёк о Несущей погибель заинтересовал всех так, что попроси пленники пощады, возможно, их оставили бы в живых.

– Воды нам дайте, – разбойник демонстративно покаш-

лял.

Тот час обоих напоили из фляг.

– Ну? – Нишерле нетерпеливо топнул ногой.

– Экий ты грозный, – засмеялся тот хриплым смехом. –

Что рассказывать то?

– Что ты сказал про нихайу Сеитэ? И что вообще происходит за границей Фаджула?

– Мы расскажем, а ты сохранишь нам жизни. Ну, как? Договорились?

Нишерле оглянулся на замолчавших в ожидании его решения земляков, задумался на мгновение.

– Хорошо, – ответил он, и толпа за его спиной взволнованно загудела. – Никто из нас и пальцем вас не тронет. Клянусь.

– Замечательно, – рассмеялся разбойник. – Так что ты хочешь знать?

– Я уже сказал тебе. Рассказывай.

– Хорошо. Начну с того, что правят теперь Арриго три предателя – Фахтар, Гунэр и Нафаджи. Они выдали нихайу врагу, они убили Машада, и теперь власть в их грязных лапах. Но вы, думаю, хотите знать, помнят ли об Азулахаре? Помнят, и ещё как помнят, молодой господин. Или, думаешь, с чего мы появились здесь? Всё очень просто – надо набрать себе богатств Асула, прежде чем на них не наложит лапы эта троица. Три года они не вспоминали о вас. Но сейчас по ваши души собирается армия. Людей не тронут, ес-

ли только не будете сопротивляться. Эту армию интересует золото, чтобы пополнить опустевшую казну. Так что ждите в скором времени гостей.

– Как скоро?

Разбойник ухмыльнулся и пожал плечами.

– Отвечай! – Нишерле сорвался на крик и ударил лежащего у его ног человека в бедро.

– Полегче, – сморщился тот и нехотя ответил. – Точно не знаю, думаю, ближе к весне, когда не будет так жарко.

В толпе раздался плач. Какая-то женщина упала на колени и, заламывая руки, запричитала:

– Нас всех убьют! Они придут, чтобы добить тех, кто уцелел! Они сровняют город с песком и высушат наше озеро! Боги отвернулись от Азулахара!

Кто-то бросился успокаивать её, другие зашумели, взволнованно обсуждая страшное известие. Мало кто верил, что солдаты не тронут жителей. Слишком велика была в их душах ненависть к Азулахару, посеянная ещё Несущей погибель.

– Развяжи нас, – обратился разбойник к Нишерле. – Мы рассказали, что ты хотел. А если хочешь ещё что-то узнать, давай продолжим разговор в тени за чашкой холодной воды.

Нишерле посмотрел на него холодными, совсем не детскими глазами, затем повернулся и пошёл прочь.

– Постой, – один из знакомых деда остановил его. – А что делать с ними? Неужели, просто так отпустим, после того,

что они сделали?

– Ты обещал отпустить нас, – испуганно взвизгнул разбойник.

– Я обещал, что вас никто пальцем не тронет. Да будет так.

– Стой! Стой, сопляк! А развязать?! Мы же и суток не протянем на жаре без воды!

Но Нишерле не слушал его криков и медленно шёл в сторону своего дома. Расходились и остальные, обсуждая услышанные известия. Никому не было дела до орущих благим матом двух негодяев. Никто их и пальцем не тронул. Они остались лежать связанными на груде камней под беспощадным, палящим солнцем. Ещё несколько часов были слышны их крики, но к вечеру они стихли. А на утро случайный прохожий увидел два объеденных гиенами труп.

Безумно страшный сон держал, не отпуская сознание. Она бежала по коридору: мрачному, сырому, с паутиной и плесенью на каменных стенах, а за ней по пятам гналось чудовище. Сгусток тьмы, не имевший ни имени, ни лица, медленно нагонял, и чем ближе подбирался он, тем труднее становилось дышать. Наконец что-то тёмное, похожее на руку, отделилось от подобия туловища и потянулось к жертве, коснулось её шеи...

Горло сдавила судорога, и Лита проснулась. Из лёгких вырвалось хриплое, натужное дыхание. Воздуха не хватало. Женщина с трудом дотянулась до окна и, распахнув створку, подставила лицо свежему, прохладному ветру. Страх немного отпускал. Но она знала, что стоит уснуть, и опять начнутся кошмары. Если только... Лита заметила, что после занятий с Золотой книгой всегда выдаётся пара ночей спокойного сна.

Последнюю неделю она часто видела Азулахар, но чего-то ясного, конкретного так и не удавалось увидеть. Вот и сейчас придётся немного посидеть с книгой, погрузиться в её малопонятный мир. Исправно показывающая прошлое и настоящее, будущее книга показывала малопонятными, абстрактными образами.

Поломанная, окровавленная белая роза падает на песок

и растворяется в нём. А спустя мгновение из него начинают расти чёрные цветы. Мрачная поросль застаёт врасплох двух испуганных шакалов. Они мечутся в бессильном страхе на сужающемся пятачке песка. Наконец, цветы поглощают песок, и несчастные животные начинают биться в агонии. Их тела иссушаются, словно чёрные цветы пили их воду...

Чарред крепко спал, отвернувшись в противоположную сторону. Едва ли он проснётся – лишь настойчивый писк будильника способен разбудить его. Лита достала из-под прикроватной тумбочки книгу, раскрыла её и устремила взгляд в раскрывающиеся перед ней образы. Надо найти угрозу.

Снова Азулахар. Снова опустевшие, занесённые песком улицы. Огромная куча обломков на месте дворца кишара. Окружившая их толпа. Двое связанных мужчин просят пощады. Их банда ночью грабила горожан, так что вряд ли их пощадят. Над ними стоит юноша – он будет вершить суд. Вот они – шакалы. Их оставили умирать на палящем солнце. Но чёрные цветы и этот юноша? В чём здесь связь? Снова юноша. Он утешает рыдающую девушку. Это его сестра. Это роза. В её душе много боли. Несчастную изнасиловали разбойники...

Лита с усилием оторвалась от книги и надрывно вздохнула, словно вынырнувший с глубины ныряльщик. Чёрные цветы – символ их мести. Догадка озадачила её. Богиня намекала на что-то страшное, угрожавшее не городу, а чуть ли не целому миру. Что за угрозу могут нести решившие ото-

мстить брат и сестра. Впрочем, когда-то и она, движимая местью, смогла сделать практически невозможное. Правда, не сама, с посторонней помощью...

Лита спрятала книгу и легла в постель. Чарред тут же повернулся и, прижавшись лбом к её плечу, засопел.

«Ну вот, допустим, угроза найдена», – подумала женщина, закрыв глаза. – «И что я смогу сделать? Мало того, что я только-только начала немного ходить, да и то при помощи костылей, так ещё все события развернулись там, куда больше не попасть. Сила покинула медальон».

Всё это глупость, просто совершенная глупость. Нелепая шутка богини, вернее сказать – наказание. Натворила бед – теперь либо мучайся от ночных кошмаров, либо смотри в Золотой книге на дело рук своих. Лита тихо всхлипнула. От нахлынувшей жалости к себе на глаза навернулись слёзы.

Она лежала с открытыми глазами до рассвета, рассматривая потолок. Лишь когда первые лучи солнца осветили сквозь окно спальню, Лита уснула спокойным, глубоким сном.

После завтрака Чарред и Виктория ушли на прогулку к ручью. Отец посадил дочку на плечи и бодро зашагал к лесу, провожаемый завистливым взглядом жены.

– Ничего, девочка моя, – проговорил Стрижевский, склонившись к её уху. – Скоро и ты сможешь ходить туда вместе с ними. Ты быстро, удивительно быстро идёшь на поправку.

– Поскорее бы, – вздохнула Лита.

Иван Сергеевич покатил коляску в сторону комнаты, где стояло оборудование для физиотерапии, на ходу рассказывая, что завтра Саша и Таня переедут в город, поскольку ей уже подходит срок. Через две-три недели в этом небольшом посёлке появится ещё один очаровательный малыш, на этот раз, судя по показаниям УЗИ, мальчик.

Лита переоделась за ширмой в пижаму и, опираясь о плечо Стрижевского, сама, осторожно делая шаги, дошла до кушетки.

– Молодец, просто молодец, – расплылся тот в довольной улыбке, помогая ей лечь.

Она почувствовала, как к пояснице прикоснулся электромагнит. Прибор включился, негромко загудел, и спину обволокло приятным теплом.

– Я пойду, если что, зови, – Иван Сергеевич, как обычно, собрался оставить её одну.

– Нет, не уходи, – неожиданно попросила его Лита.

– Что-то случилось?

Он присел так, чтобы его было видно сквозь прорезь в кушетке, куда обычно опускали лицо. Лита взволнованно кусала губы, собираясь сказать нечто важное, но слова застряли в горле.

– По глазам вижу – о серьёзном хочешь поговорить, – встревожено проговорил Стрижевский. – Это тяготит твою душу, мешает обрести спокойствие.

– Три года назад, в Крендиле, когда я бросилась в окно... –

дрожащим от волнения голосом начала она.

– Нет, не надо. Забудь, что было в прошлой жизни...

– Тогда богиня снова пришла ко мне и дала новый дар.

– Стоп! Что за дар? Ну-ка, расскажи, – Иван Сергеевич выключил прибор, усадил Литу, а сам сел напротив. – Рассказывай, что за дар такой в этот раз дали тебе. А то предыдущий оказался бедой для всех. Не дай бог, в этот раз опять окажется что-то непотребное.

– На этот раз дар может причинить вред лишь моему рас- судку, – Лита улыбнулась бледной, вымученной улыбкой.

– Ты меня совсем не успокоила, скорее наоборот. Расска- жи и ничего не утаивай.

– Мне дано в дар умение читать Золотую книгу.

– Золотую книгу? Это, случаем, не тот сундучок, в кото- ром спрятаны золотые листы с летописями монахов этой га- дины... Лабека.

– Он самый. Но это не летописи, всё гораздо сложнее. Дар мне дан не просто так. Богиня предчувствует беду, но не мо- жет понять, в чём суть угрозы, и не может воспользоваться даром, подобным моему – всё это какие-то нелепые правила игры, придуманные этими, – Лита ткнула пальцем вверх.

– А ты, стало быть...

– Книга показывает мне прошлое, настоящее и будущее того мира.

– И что за беда грозит тому миру, если... хм... богиня разволновалась так? И смысл тебе этим заниматься? Путь

туда закрыт навсегда.

– Вот и я так думаю. Мне кажется – всё это в качестве наказания. А что за беда – пока не поняла. Книга прекрасно показывает прошлое – я даже посмотрела во всех деталях Фарнадскую битву, более-менее сносно настоящее. Но будущее... Я вижу какие-то образы, абстрактные образы. Трактовать их – дело неблагодарное.

– И что там?

– Последнее время я чаще всего вижу Азулахар и думаю, что некая угроза исходит оттуда. Я вижу брата и сестру, им лет по четырнадцать-пятнадцать. Судя по всему – они пострадали от набегов мародеров, девушку изнасиловали. Вот вам и мотив для мести. Но что же это за месть, которая напугала богиню.

– А ты как-то рассказываешь ей об увиденном?

– Если ты о том, говорю ли я сама с собой или с призраками – отвечу, нет.

Стрижевский поднялся, прошёлся вокруг кушетки, задумчиво теребя бородку.

– Чарред знает?

– Нет, не хочу его беспокоить.

– Правильно, пока не надо ему ничего говорить. И сама старайся не волноваться, да и забудь лучше про эту книгу. Давай утопим её во фьорде.

– Нет, не надо, – встрепенулась Лита, и Иван Сергеевич заметил в её глазах страх.

– Это ещё почему?

– Если я долго не смотрю книгу, ночью мне снятся жуткие кошмары. Помогает только она.

– Опять сны, – Стрижевский вздохнул. – С них начались все наши приключения. Хорошо, тогда смотри свою книгу, только не принимай всё увиденное близко к сердцу. Мы всё равно ничем не сможем помочь – медальон мёртв. А теперь давай-ка, ложись, продолжим процедуру.

Иван Сергеевич снова помог Лите лечь, расположил диск прибора над её поясницей.

– А сама что думаешь? – вдруг спросил он. – Что такого страшного могут сотворить два подростка?

– Если только соберут из оставшихся в Азулахаре войско и пойдут войной на лесные общины. Может, богиню беспокоит, что обиженные обитатели Асула перебыют всех её слуг?

– Думаешь, так? Как-то мелко. Сколько там жрецов – тысяча, может две. Из-за такой ерунды давать этот дар?

– Две тысячи живых душ – ерунда? – Лита скосила взгляд туда, где стоял Стрижевский, но увидела лишь потёртые кроссовки на его ногах.

– Я не это хотел сказать. Смерть даже одного человека – трагедия. Я говорил про то, что опасность должна быть очень серьёзна.

– Так какую беду могут принести мальчишка и его сестра? Я назвала самое вероятное – на что-то большее Азулахар уже

не способен, там же почти не осталось жителей.

– Расскажи-ка лучше, какие ты видела образы?

– Ну, видела чёрные цветы, видела сломанную белую розу, видела ребёнка с бобовым зерном в руке, видела шакалов, которых убили чёрные цветы. Пока всё.

– Не густо. Знаешь что, девочка моя. Рассказывай мне, что видела. Вместе постараемся догадаться, что же за беда грозит Арриго.

– Хорошо, попробуем.

После процедуры они вышли прогуляться по набережной. Ярко светило солнце, отражаясь в спокойных водах фьорда сияющим пятном. Вдоль берега дул лёгкий, приятный ветерок. Лита закуталась в плед – северное лето совсем не похоже на пекло в Арриго. Здесь недолго и простуду схватить, особенно с разогретой спиной. Рядом раздался крик чаек – две белоснежные птицы кружили рядом, выпрашивая подачку.

– Прилетели, – довольно ухмыльнулся Стрижевский и, достав из кармана несколько кусочков хлеба, высоко подкинул их в воздух.

– Знакомые?

– Вроде того.

Запах смолы и моря кружил голову. За проведённое здесь, на берегу фьорда, время Лита ещё не успела привыкнуть к этому дурманящему сочетанию. Она откинула голову на подголовник и закрыла глаза.

– Когда гуляю по набережной, всегда клонит в сон.

– Поспи, а я покатаю тебя.

Лита не заметила, как провалилась в некое подобие сна. Перед глазами появилась уже знакомая ей бесконечная пустота, и кроме мерцающего силуэта женщины здесь больше ничего не было.

– Богиня? Я, случаем, не умерла?

– Нет, Лита, просто пришло время поговорить.

– О Золотой книге?

– О том, что ты увидела в ней.

– Я видела кое-что. Но всё это лишь непонятные образы.

– А юноша и девушка?

– Так значит, нет необходимости рассказывать всё по второму разу?

– Нет, я читаю твои мысли.

– Объясни мне – к чему мне это знание, если тот мир для нас более недоступен. Своего рода наказание?

– Может и так, – Лите показалось, что богиня улыбается. – Но, в конце концов, кому я могу доверить прочесть Золотую книгу, находящуюся в совсем другом мире? Только тебе.

– Но мне пока не чем похвастаться. Я не могу понять – какую беду могут принести эти подростки?

– А разве подозревал Магадхи, чем обернётся для всех твой побег из дворца? Из малой искры может разгореться огромный пожар. Гляди в оба, Лита. Беда близко, я чувствую, я слышу плач, я вижу зарево погребальных костров.

И я не хочу, чтобы тот мир, мир, созданию которого я отдала свои силы, мир, которому я посвятила вечность, опрокинулся во тьму...

Сон внезапно прервался, и Лита обнаружила, что лежит на кровати, а рядом, посапывая на ухо, прикорнула Виктория.

– А я гадаю, проснёшься ты к обеду или нет, – слышался голос Чарреда.

– Проснулась, – Лита потянулась и осторожно вытащила из-под дочки затёкшую руку.

– Иван говорит, ты скоро сможешь ходить? – Чарред нежно погладил её бедро, и она закрыла от удовольствия глаза. – Если так, скоро вместе обойдём все окрестности. Здесь много интересного. Надо будет только попросить его купить фотопарат.

– Все на обед! – раздался снизу голос Стрижевского.

– Идём, – Лита щёлкнула мужа по носу, а потом разбудила девочку.

Виктория непонимающе захлопала глазками, задавая немой вопрос – зачем меня разбудили. Но когда услышала, как её любимый дед позвал всех обедать, сама встала с кровати и поспешила к столу.

– Нагуляла аппетит, сама побежала, – засмеялась мать.

– Пойдём и мы, – Чарред легко поднял жену на руки и спустился с ней на первый этаж.

– Бэудиша! Бэудиша, я рыбу принёс! – позвал сестру Нишерле.

Он выложил из заляпанной холщовой сумки зубатку длинной в локоть и положил на стол. Ему снова повезло – такую добычу удавалось приносить домой не каждый день. За дверью раздались осторожные шаги, и в кухню вошла Бэудиша. Она куталась в тёплый плащ, хотя здесь было совсем не холодно, скорее наоборот. Стыдливо опустив глаза в пол, девушка быстро шагнула к столу и принялась чистить рыбу.

– Сестрёнка! – у Нишерле защемило сердце от жалости.

Он бросился к ней, повернул к себе за плечи и крепко обнял её. Бэудиша уткнулась в грудь брата и тихо заплакала. Юноша почувствовал, как рубашка намокла горячей влагой, на мгновение отстранил от себя сестру, посмотрел на бледное, залитое слезами лицо и обнял снова.

– Я до сих пор не верю, что это ты предал их такой жестокой казни, – вдруг сказала она.

– А они не заслужили иного, – глухо ответил он. – После того, что сделали эти мерзавцы, было бы излишне милосердно давать им лёгкую смерть.

– Мне страшно, Нишерле. Эти были первыми, но они не будут последними. Многие захотят поживиться сокровищами Азулахара.

– Перед смертью разбойники сказали, что наместник Фахтар собирает армию, которая придёт сюда за золотом.

– Они не пощадят нас.

– Я знаю это, Бэудиша. Нам надо скорее выбираться отсюда.

Бэудиша тихонько высвободилась из объятий брата и продолжила чистить рыбу, яростно отскребая ножом серебристую чешую.

– Я боюсь, дедушка не перенесёт такой дороги. Ему нужно лежать, – проговорила она.

– Я к нему, – мрачно ответил Нишерле и выбежал из кухни.

Поднявшись на второй этаж, юноша вошёл в комнату старика. Тот сидел, облокотившись на наваленную у стены горю подушек, и что-то читал. Взглянув на внука из-под кустистых бровей, он снова направил взгляд в книгу и зашевелил запёкшимися губами, вчитываясь в каждое слово. Нишерле осторожно подсел рядом, с интересом изучил обложку. Но на старой, потёртой коже, которой была обтянута деревянная обложка, не было ни одного слова.

– Пить хочется, да пока нельзя много, – старик вздохнул и, взяв со столика кубок с водой, ополоснул рот, позволив лишь нескольким каплям попасть в желудок, а остальное выплюнул в бронзовую чашу.

– Как ты, дедушка?

– Не очень, дружок. Ранение неудачное. Не знаю, зажи-

вёт ли. Так что, если захотите покинуть Асул, оставьте меня. Я не вынесу дороги, а здесь за мной присмотрят.

– Сюда придёт армия, придут и другие мародеры. Пока в городе есть хоть крупинка золота, нас не оставят в покое. И они уничтожат всех, кто встанет между ними и сокровищами. Оставить тебя здесь, значит тоже обречь на смерть, – горячо воскликнул Нишерле.

– Вот оно что, – старик задумался, на мгновение оторвавшись от книги. – Но почему ты так решил?

– Пленники сказали перед смертью. Думаю, они не врал.

– А мне, кто навещал, ничего такого не рассказали. Не хотели волновать, получается. И ты прав – вряд ли нас пощадят. Слишком много злости накопилось у тех, кто живёт за пределами Фаджула, по отношению к нам. Мне, правда, сказали, что нихайа пропала на далёком острове. Но и те, кто сейчас у власти, не проявят к нам милосердия.

– Что же нам делать?! – юноша вскочил, сжимая кулаки в бессильном гневе, и принялся ходить по комнате из конца в конец.

– Не надо, не мельтеши перед глазами, – дед сморщился. – Сядь, так ничего хорошего в голову не придёт.

Нишерле сел, кулаки разжались, и он, закрыв глаза, несколько раз глубоко вздохнул, умиряя свой гнев. Старик снова уткнулся в книгу и продолжил чтение, не обращая внимания на парня. Тот попытался заглянуть в страницы, но разочаровано вздохнул. На пожелтевшем пергаменте

струилась рукописная вязь незнакомых ему букв.

– И ты это понимаешь? – спросил он унылым голосом.

– Это старинное письмо, ходившее в Азулахаре три века назад. Им пользовались целители и травники для записи своих секретов. Непосвящённый никогда не сможет прочесть этих слов.

– Зачем прятать от людей рецепты лекарств?

– Это то, как раз и не прятали, Нишерле. Скрывали те знания, которые могли бы нанести вред.

– Здесь написано про такое? Ведь так?

Старик посмотрел в загоревшиеся мстительным огнём глаза юноши, на мгновение задумался, словно принимал какое, очень важное решение, и сказал:

– Да, это так. В этой рукописи достаточно тайн, способных принести много несчастий.

– Тогда нужно...

– Нет, не нужно! Мечь, о которой ты гредишь, поражает не только того, на кого направлена, но и мстителя. Вспомни нихайу Сеитэ, да чего её довела мечь?

– Значит, пусть приходят, пусть убивают, насилуют?! А мы будем терпеть и рассуждать о саморазрушении? Только не говори, что любой из нас может покинуть Азулахар, спрятаться в каком-нибудь Пешрафе или Ааре. Это не выход.

Старик вдруг скривился от боли, приложил руки к животу, и Нишерле разом опомнился, забыл о своей гневной тираде.

– Что такое? Тебе плохо?!

– Нет... нет, сейчас пройдёт. Немного разволновался, вот и заболела рана.

– Ох, прости, прости, дедушка! Я совсем забылся.

Боль немного отпустила, и раненный, облегчённо вздохнув, откинулся на подушки. Руку юноши ласково сжала его сухая, горячая ладонь. Старик улыбнулся слабой, вымученной улыбкой и проговорил:

– Я понимаю тебя. Ты молод, ты полон стремлений, ты ищешь справедливости и мести. То, что они делают с нами, с нашими женщинами, не должно оставаться безнаказанным...

– Тогда расскажи, что в этой книге такого, если она написана тайными символами?

– Дай мне время подумать, Нишерле. Я не могу вот так, сразу, решиться вложить в твои руки это оружие. Слишком много сложностей, слишком много опасностей, особенно для тебя.

– То есть, ты уже не против того, чтобы наказать наших врагов?

– Не торопи меня, Нишерле. Тебе и Бэудише я желаю только добра, поэтому должен крепко подумать.

Юноша склонил голову в знак согласия. Но любознательная натура не давала покоя, он хотел попросить деда хотя бы намекнуть, что же это за оружие, которое позволит отомстить за Азулахар и Бэудишу, но в этот момент дверь

открылась, и в комнату вошла сестра с подносом в руках.

– Иди, ешь. Не мешай дедушке, – шикнула она на брата и, сев на кровать, принялась аккуратно кормить деда маленькими кусочками варёной рыбы.

Нишерле встрепнулся, хотел рассказать Бэудише, что у деда есть страшные тайны, при помощи которых можно наслать на недругов множество несчастий, но старик, словно почувствовав это желание, строго посмотрел на внука и показал глазами на дверь. Юноше ничего не оставалось, как спуститься вниз, где его ждал приготовленный сестрой обед.

В послеобеденный час, когда солнце палило землю, жизнь в Азулахаре замирала. И без того обезлюдевший город в это время мог показаться совсем вымершим. Редко кто без крайней нужды решался покидать дом.

Старик отложил в сторону книгу и закрыл глаза. Нещадно ныл желудок, мешая сосредоточиться. Даже несколько крошек рыбы разбередили рану. Пока внучка кормила его, он держался, старался улыбаться, пересиливая боль, чтобы не расстраивать её. Но когда Бэудиша ушла, несчастный весь сжался и едва сдержал рвавшийся из груди стон. Сейчас немного отпустило, по крайней мере, боль стала не такая иссушающая.

Ему, всегда твёрдо принимающему решения, на этот раз было тяжело. Он колебался, раздумывая о том, стоит ли посвящать детей в тайны этой книги. Имеет ли он право вложить в их руки смертоносное оружие возмездия. Если сде-

лавший записи его предок, между прочем, как говорят, посвящённый Тёмной богиней в знания, ничего не напутал и не привирает, бед это оружие принесёт гораздо больше, чем вся армия нихайи Сеитэ.

Старик вздохнул, закрыл глаза. В памяти снова всплыли мёртвые тела их соседей, раздувшиеся от жары и обезображенные, испуганные лица женщин и детей Азулахара, сотрясающаяся от рыданий несчастная Бэудиша, гибнущие от сабель врага, вставшие на защиту своего дома мужчины. Но и там, на другой чаше весов, кроме негодяев, жаждущих протянуть свои руки к богатствам Асула, есть ни в чём не повинные люди – старики, женщины, дети. Какая участь ждёт их, если он позволит страшному демону вырваться на свободу?

Старика вдруг осенило, он снова взялся за книгу, открыл её, и с самого начала принялся читать, уделяя внимание лишь самому важному. Коричневый, узловатый палец медленно скользил по пожелтевшему от времени пергаменту вслед стремительной вязи букв.

...Название недугу – джуммэ – я дал не случайно. В тот день, на редкость тёплый для выдавшейся в этом году прохладной зимы, соседи, семейство благородного купца Шамфиха, позвали меня для того, чтобы показать внезапно заболевшего младшего сына. По словам его отца, болезнь эту он получил после игры с верблюжонком, привезённым из Азу-

лахара. Небольшое государство в оазисе Фаджула всегда славилось этими чудесными животными, но никто никогда не мог купить их. Запрет на продажу верблюдов за пределы Фаджула вынудил Шамфиха прибегнуть к услугам охотников. Северо-западный угол оазиса, рядом с горной грядой, считался местом тихим, безлюдным. Там можно было поймать верблюжонка незаметно для глаз грозного правителя.

Недуг развился стремительно. Жар обрушился на несчастного малыша, он метался в бреду и постоянно повторял: «А у меня бобовые зёрнышки». Я заметил нечто, похожее на чёрную фасоль «Джуммэ», выращиваемую в Ааре, на сгибах рук, на подмышках, рядом с пахом. Судя по всему, мальчик заразился от верблюжонка неизвестным паразитом...

...Через четыре дня несчастный мальчик умер. Последние два дня он сильно кашлял, разбрызгивая вместе с мокротой капельки своей крови. А в день похорон, когда тело его везли в семейный склеп на берегу Яраны, умер и его отец. Ещё вчера он жаловался на головную боль, ломоту, и все, в том числе и я, считали это следствием переживаний за судьбу сына. Но сейчас, в траурной процессии, когда я подошёл, чтобы осмотреть его тело, то заметил на его руках такие же бобовые зерна. Таинственный джуммэ не был паразитом...

...Не знаю, что спасло меня. Быть может милость давшей мне знание богини, а может и то, что я утром, днём и вече-

ром принимал горячую ванну и окуривал свой дом целебными травами. А вокруг царила смерть. Весёлый, полный жизни Аррикеш превратился в склеп. Люди умирали сотнями. Здоровые, сильные мужчины уходили утром работать, а вечером многих из них находили мёртвыми. Женщины падали замертво, готовя своим мужьям ужин. На улицах больше не было слышно детского смеха.

Загадочная джуммэ теперь часто не оставляла на теле следов в виде чёрных бобов. Я произвёл несколько вскрытий умерших без видимой причины и обнаружил, что грудная клетка погибших, их органы дыхания сгнили заживо и наполнены чёрной сукровицей. Мне приходится закутывать себя с головы до ног в одежду, оставляя лишь щёлочку для глаз. Потом одежда сжигалась, а я обтирался крепким горячим вином и регулярно мылся. Дом мой настолько пропах благовониями, что я не знаю, смогу ли когда-нибудь избавиться от их запаха...

...Слухи о страшной болезни докатились до нас из Феюса. Видимо, купцы или кто-то другой принесли её туда из нашего несчастного города. Сегодня меня призвал к себе солнце-подобный Махди. Мне пришлось идти следом за гонцом через наполненный смертью город, задыхаясь от ужасающего зловония. Во дворце, о спасибо мудрому Заху, дворцовому лекарю, меня обтёрли горячим вином, омыли в настоящей на травах горячей воде и поставили перед взором правителя. Он слышал обо мне, как о мудром, талантливом целите-

ле, поэтому и позвал меня. Приказ его был ясен, как летний день – найти лекарство от страшного недуга. Знал он или нет о моих опытах, в которых я пытался победит болезнь – не имею ни малейшего представления. Но ни один из опытов ещё не принес желаемого результата...

...Смерть царила повсюду. Благословенная земля Тэхо медленно умирала в объятиях джуммэ. Почти каждый день до нас, оставшихся в живых, доходили вести об ещё одном вымершем городе. Умирали не только люди. В полях лежали погибшими огромные стада, табуны прекрасных лошадей умирали в несколько дней. В заводях, среди тростника, лежала мёртвая птица. Трупный яд отравил воды рек, и рыба, отвратительная и гниющая, плавала кверху брюхом, наполняя воздух ужасающим зловонием. Но я заметил, что некоторые переболевшие, у которых не были затронуты лёгкие, выживая, больше не заболели. Я вскрывал их отвратительные гнойники и лечил компрессами из горячего вина и отваров целебных трав. Выживали единицы, и я не знаю, моя ли в этом была заслуга, или это милость беспощадной Смерти. Но для меня важным было то, что они могли без вреда для себя ходить по городским улицам...

...Странный человек нашёл меня утром. По виду – коренной азулахарец, худой, если не сказать истощённый, чёрный, словно земляная смола. Глядя на него, нельзя было сказать о возрасте гостя. Что-то от тридцати до шестидесяти. На мой вопрос, как он не побоялся отправиться в столь далёкое пу-

тешество в такое время, он лишь загадочно улыбнулся. Меня он нашёл по рекомендации Заха для того, чтобы передать очень старый манускрипт. Сейчас, когда я смотрю его, не устаю поражаться мудрости лекарей древности и своей необразованности. Четыре века назад Азулахар едва не погиб от того, что я назвал джуммэ, а написавший рукопись мудрец – «Чёрная смерть».

Болезнь пришла в город точно так же – охотники привели из долины у скал на северо-западе оазиса разных животных для развлечения правителя. Пришла вместе с на редкость прохладной зимой. Но самое важное для меня было то, что я нашёл рассказ о том, как целители Азулахара боролись с недугом. Как оказалось, джуммэ не любит жары. Жаркое лето сразу убьёт заразу. Так же, безопасными становятся горячая вода и вино. Хорошо помогал чеснок. Хотя это и не лечило болезнь, но защищало человека от заражения. Но самое интересное – азулахарцы научились спасать от смерти уже больных, причём выживали не единицы, а много больше половины, даже три четверти заболевших.

Лекарством служила вытяжка из крохотных оранжевых грибочков, растущих порой в наших подвалах на чём-нибудь подгнившем. Но особым искусством было получение лекарства из крови больного. Хвала богам, все методы были описаны очень подробно, и мне лишь оставалось собраться с силами для схватки с джуммэ...

...Заболевшие стали выздоравливать. Раньше избегало

смерти двое-трое из сотни, а теперь умирало лишь двое-трое из сотни. Мои лекарства помогли людям выжить, а пришедшая летняя жара окончательно победила болезнь. Но нам ещё долго приходилось исправлять причинённые ей беды. Тысячи погибших, и людей, и животных ещё лежали и в городах, и в полях. Их находили и сжигали. Предали огню и разрушению семейные склепы на берегу Яраны...

...Теперь, если болезнь придёт снова, у меня есть чем встретить её. Я научился хранить достаточно долгое время и вытяжку из грибов, и лекарство из крови. Но, думаю, это не понадобится. Долину в Асуле объявят запретным местом. Как пишет целитель из Азулахара, «Чёрная смерть» живёт там: в земле, в траве, в цветах, в животных. Странно, но есть такие звери, которые не замечают этой угрозы и спокойно живут с текущей в их крови смертью. Отныне ни один здравомыслящий человек не рискнёт охотиться в этих местах. Увидевший с каменистых холмов покрытые прекрасными цветами равнины должен со всех ног бежать прочь, ибо на них властвует джуммэ...

Старик закрыл книгу и аккуратно положил рядом с собой. Вот оно – есть и то, что несёт смерть, но есть то, что способно остановить её, защитить невиновных. Можно выпустить на волю страшного демона и обезопасить от него избранных. И, если его предки были людьми рачительными, то сохранили эти лекарства, и они сейчас находятся в подвале. Сам он,

как это ни странно, ни разу не спускался туда, тем более вход в него, сколько он себя помнил, всегда скрывался за большим кухонным шкафом с всевозможными мисками и плошками.

– Нишерле! – громко позвал он и скривился от уколовшей живот боли.

Снаружи сразу раздался топот ног по каменному полу. Дверь распахнулась, и в комнату вбежал запыхавшийся юноша. Его лицо показалось целителю взволнованным, и он спросил, улыбнувшись:

– Зачем ты так спешил?

– Я подумал... – начал Нишерле, но смутился и замолчал.

– Не волнуйся, со мной ничего не случилось. Я позвал тебя, чтобы ты помог мне спуститься на кухню...

– Тебе нужно лежать, дед. Немедленно ляг и скажи, что тебе нужно – я всё принесу.

– Постой, не торопись, дай договорить.

– Хорошо, хорошо... Прости, – юноша замер перед ним, приготовился внимательно слушать, словно ученик перед учителем.

– Сейчас мы спустимся в кухню, и ты попробуешь отодвинуть шкаф с посудой, дружок. Если не сможешь – позови на помощь соседей.

– Но зачем, дедушка?

– Ты просишь меня дать в твои руки оружие возмездия, – вздохнув, ответил целитель. – Я готов сделать это. Но пер-

вым делом мне надо проверить кое-что, ну, а потом дать тебе необходимое знание.

Нишерле просиял от радости, словно речь шла о новой лошади или свидании с темнокожей красавицей.

— А для начала сделай, что я просил, — предотвратил старик крики восторга.

Он молча смотрел, как юноша силится сдвинуть с места тяжеленный шкаф. Деревянная махина со скрежетом, по пальцу за раз, смещалась в сторону. Уже показался потемневший от времени, покрытый трещинами дверной косяк. Увидев его, Нишерле удвоил усилия и едва не опрокинул на себя несколько горшков. Стоявшая рядом Бэудиша успела придержать их рукой.

Дети. У старика навернулись на глаза слёзы. Вот только в душе они давно уже стали взрослыми, слишком взрослыми. Они уже ощутили на себе всю жестокость этого мира и готовы платить ему той же монетой. О, проклятые времена. В другой жизни красавица Бэудиша могла бы стать женой сына кишара, а не по годам сильный и смыслённый Нишерле стал бы джаурсином гвардии правителя Азулахара. Но безжалостная судьба распорядилась иначе. Сейчас целитель начинал понимать, почему нихайя Сеитэ встала на путь мести. Они готовы идти тем же путем. Но в их распоряжении нет верных солдат. У них будет нечто другое, более страшное и смертоносное. Он вспомнил описание мора из книги, и его передёрнуло от ужаса.

– Дед, дверь! – тяжело дыша, воскликнул Нишерле, смотря на старика задорно блестящими глазами. Он утёр со лба пот и подёргал потускневшее бронзовое кольцо. – Закрыто. – Вышиби.

Юноша ударил плечом в пыльные доски. Что-то громко треснуло, дверь распахнулась, и он едва не полетел кубарем в чёрную пустоту.

– Ух ты, не рассчитал, – засмеялся он. – Что там, дед? Кладовая с оружием и доспехами?

– Скорее с доспехами, – усмехнулся старик. – Или не носить мне имя ан-Химеш. Возьми светильник, Нишерле, идёмте, посмотрим.

От волнения он совсем перестал чувствовать боль, хотя и понимал, что как только пройдёт эйфория от познания нового, она нахлынет с новой силой. Но это будет потом, а сейчас... Ан-Химеш бодро спустился следом за внуком по крутой, довольно длинной лестнице. Шедшая сзади Бэудиша всё норовила поддержать его, но старик обходился и без посторонней помощи. Путь им преградила ещё одна дверь. На этот раз вышибать её не пришлось. Нишерле сделал шаг вперёд и ахнул. Они очутились в большом зале, размеры которого сначала даже не удалось определить – свет одного светильника выхватывал из темноты лишь крохотный, шагов в пять, пятачок.

– Бэудиша, неси сюда все светильники, что найдёшь в доме, – попросил старик внуку.

Она недовольно проворчала, что с дыркой в животе надо в постели лежать, а не по подвалам шастать, но послушалась.

– Что здесь, дед? – тихо спросил Нишерле, боясь и шага ступить в сторону.

– Здесь когда-то работал наш предок. Создавал лекарства, чтобы лечить разные болезни. И здесь, возможно, есть то, что поможет нам.

– Лекарство?

– Да, Нишерле. Скажи мне, ты знаешь, что такое джуммэ?

– Фасоль какая-то, – пожал плечами юноша. – А ещё, кажется, болезнь так называли... Ты хочешь наслат мор на наших врагов?! Моровые поветрия способны насылат лишь злые боги. А мы кто?!

– Откуда столько веры в божественное, мальчик? Болезни приносят не боги. Как говорят мудрецы, это живые существа, которые поселяются в нас и отравляют своими ядами.

– Вот как? Но где взять этих существ, которые есть джуммэ?

– Подожди немного, Нишерле, всему своё время. Первым делом надо научиться защищать от болезни тех, кто пойдёт с вами. И только потом вы узнаете, как нести смерть.

На лестнице раздались осторожные шаги, и в подвал вошла Бэудиша с корзинкой в руках, где позвякивали собранные по комнатам масляные светильники. На её уставшем лице читалось лёгкое раздражение, словно девушка хотела сказать – разве этот подвал стоит того, чтобы я таскалась с кор-

зиной. Она поставила её у ног Нишерле и, сделав шаг назад, скрестила на груди руки, показывая всем своим видом, что больше помогать не собирается.

– Зажги светильники, Нишерле, – проговорил старик. – Посмотрим, что оставили нам предки.

Юноша зажёл от своего все принесённые Бэудишей и принялся разносить их по помещению. Жёлтый, трепещущий свет постепенно приоткрывал тайну этого подвала. Темнота отступала, открывая огромный, превосходящий размерами весь их дом, зал. Под довольно высокими потолками висело десятка два больших люстр, похожих на колесо дорогой кареты, такие же тонкие, изящно сработанные. Для каждой из них в стене располагался подъёмный механизм, позволяющий либо поднимать их, либо опускать на тянущейся к люстрам цепи.

Весь зал занимало множество стеллажей со стоявшими на них сосудами из стекла или керамики. Между рядами располагались столы с различными приспособлениями – на одном были весы и ступка с пестиком, на других хитроумные устройства для нагрева и выпаривания, на третьих в плоских каменных чашах лежали хирургические инструменты из бронзы, потемневшие без дела за долгое время. И всё это покрывал толстый слой серой пыли. Вездесущие пауки наплели в проходах паутину от пола до потолка, поэтому казалось, что дальние углы зала окутал таинственный туман.

– Здесь надо прибраться, – ан-Химеш обернулся к Бэуди-

ше.

– Но что здесь, дедушка? – внучка не посмела возразить ему, хотя, искушение было очень велико.

– Брат твой хочет защитить Азулахар, девочка. Но не силой оружия – мы не сможем собрать достойной армии. Однако есть другая сила, гораздо более страшная, чем копья, мечи и стрелы. Против неё не помогут ни доспехи, ни крепкие стены. Джуммэ проникает всюду и убьёт практически каждого, если только он не будет защищён особым образом.

– Мор? Вы хотите напустить на Арриго мор?! Но как? Да и зачем – погибнут невинные, множество невинных. Разве можно делать такое ради того, чтобы убить горстку негодяев?! – воскликнула Бэудиша, и в уголках её глаз блеснули слезы.

– Ты знаешь иной способ защитить тех невинных, что живут здесь, в Азулахаре? – старик ласково положил руки на её плечи. – Скоро, Бэудиша, очень скоро сюда нахлынут и мародеры, и посланные тронем солдаты, чтоб наполнить опустевшую казну Арриго. Для них нас просто не существует, они уничтожат всякого, кто встанет на их пути. Нас уничтожат, милая. Но мы можем постоять за себя. Одной рукой мы будем сеять смерть, но другой раздавать невинным жизнь. Здесь, Бэудиша, в этой комнате должно быть то, что спасёт невинных. И когда мы научимся использовать эту силу, я расскажу вам, где взять смерть.

Золотой трон, символ бесконечной власти над Арриго, оставался пустым уже который год. О его прошлой владелице напоминал лишь зелёный шёлковый шарф, сиротливо лежавший на мягких подушках. Давно, возвратившись из-за моря, Гунэр положил оставшийся у него предмет гардероба его госпожи, как напоминание. С тех пор ни он, ни Нафаджи, ни Фахтар не дерзнули сесть на этот трон. У его подножия появилось три простых кресла, на которых восседал правивший империей триумвират.

Истощённая войной и потерями, Арриго уже не была такой, какой раньше. Отобранные в казну сокровища кишаров подходили к концу – приходилось кормить, и хорошо кормить армию, возросшую почти в два раза по сравнению с тем, что было при прежнем Махди. Если все готовы были идти за нихайей Сеитэ, то, отнюдь не большинство поддерживало Фахтара, Гунэра и Нафаджи. То и дело в разных местах империи возникали бунты недовольных, и приходилось щедро платить солдатам, чтобы они беспощадно подавляли восстания.

Деньги таяли, налогов собиралось много меньше обычного, с каждым годом держать в своих руках власть становилось всё тяжелее и тяжелее. И тогда Нафаджи вспомнил об Азулахаре. После штурма Лита побрезговала заби-

рать с собой проклятое золото. Лишь благодаря жадности Машада они забрали немного, чтобы отблагодарить воинов за удачный поход. Но сколько осталось сокровищ в богатейшем из кишаев, Нафаджи просто не мог себе представить. Много. Безумно много, возможно даже больше, чем они отняли у всех других кишаров вместе взятых. Конечно, там ещё оставались люди, которые будут защищать сокровища, но их, наверняка, немного. Слухи о том, что оставшиеся в живых пытаются бежать из Азулахара, давно слышали все обитатели дворца Аррикеша. Горстка оставшихся в оазисе не устоит перед жадной до наживы армией Арриго.

И Фахтар, и Гунэр согласились с Нафаджи. Правда, Гунэр всё же предложил обойтись с азулахарцами по-доброму, помочь им покинуть погибающий без защиты скал оазис. Но Фахтар махнул рукой и сказал, что нечего церемониться с этими негодаями. Лишние рты не нужны империи. Ей нужно лишь золото.

– Как там наши разведчики? – спросил Гунэра Фахтар, перегнувшись погрузневшим телом через ручку кресла.

Бывший телохранитель с сожалением посмотрел на дочитывающего отчёт казначея и пожал плечами.

– Пока ничего особенного. Они первым делом занялись личным обогащением – как-никак машадово отродье. Так что в первом письме с голубем лишь похвальба о том, что азулахарцы забились от страха в щели, словно мыши. Плохо это, Фахтар, не правильно. Они ничего не узнают. И, зная их,

думаю, нарвутся они, разъярят местных.

– Мне кажется, они раскидают тех, кто остался там, как котят.

– Надо было послать моих ребят...

– Твои слишком ценны, чтобы посылать их в такую дыру. Лишь благодаря им я чувствую себя в безопасности.

– Фахтар, мы начинаем бояться своего народа. Пора задуматься над этим.

– Гунэр, ты слишком придирчив к себе. Кого ещё сажать на этот трон? Не скажешь? То-то же. Нет того, кто достоин занять его. Династия Сейкшеров прервалась, а искать бастарда – наверняка есть кто-нибудь – у меня нет ни малейшего желания. А наша госпожа так и пропала, не оставив после себя ни наследника, ни завещания. Но, если помнишь, именно меня она просила быть её наместником.

– Помню.

– Так что ты думаешь о разведчиках?

– Думаю, что их кости прибавятся к тем, что уже белеют вокруг города.

– Тьфу, Гунэр. Мне не нравится такое твоё настроение. Но я не собираюсь посылать ещё кого-либо. Если ты прав, и кости машадовых негодяев уже грызут гиены, мы будем знать, что там ещё есть храбрецы, готовые защищать сокровища с оружием в руках. В любом случае, двести сотен пехоты и конницы сомнут их. И чем быстрее мы пошлём туда армию, тем быстрее наладятся дела в Арриго. Послушай это-

го, – Фахтар ткнул пальцем в побледневшего казначея. – Его слова не просто о количестве золота в наших подвалах. Они о том, что скоро мы потеряем власть. Наша власть не может держаться на пламенных словах, как это получалось у госпожи. Наша власть способна держаться лишь на звонкой монете.

– Я знаю это, Фахтар. Знаешь, я сам хочу пойти в Азулахар. Быть может, всё обойдётся малой кровью.

– Тьфу, опять ты за своё. Нечего церемониться с ними. Пустьдохнут в своём оазисе. Ведь так, Нафаджи?

Бывший третий темезин, слушавший доклад казначея, вздрогнул и резко обернулся к Фахтару.

– Чего я?

– Давно вот ты не читал нам стихи.

– Не будет больше стихов, Фахтар, – Нафаджи сдвинул брови.

– Всё скучаешь о госпоже? Забудь её, да и не тебе было отдано её сердце. Пока ты сидишь тут и меланхолию разводишь, Чарред нашу госпожу...

– Перестань, – Гунэр одёрнул не в меру разошедшегося Фахтара. – Отпусти лучше казначея.

– Иди, любезный, – Фахтар милостиво кивнул тому. – Передай другим, что сегодня мы больше не будем слушать докладов, у нас совет.

Казначей, кланяясь и пятясь, добрался до двери и быстро выскочил в неё, словно находился не в тронном зале дворца,

а клетке со львами.

– Жаль, Машада угробили вы, – наместник почему-то засмеялся. – Я бы его в Азулахар послал. А теперь придётся самому туда отправляться.

– Пошли меня, – ещё раз предложил Гунэр.

– Нет уж, лучше здесь оставайся. Толку больше будет. А я с собой Нафаджи возьму. Как считаешь, temeжин?

– И что я там не видел, – проворчал тот.

– Поможешь, да и развеешься. А то скоро позеленеешь от тоски.

– Как скажешь.

– Хорошо, тогда скоро отправимся. Сейчас в Фаджуле ещё такое пекло, что можно яичницу без костра жарить.

– Я бы перед этим снова разведку послал, – проговорил Гунэр.

– Да погоди, может, эти вернутся.

– Думаю, не вернутся.

– Да тьфу на тебя.

Фахтар, рассердившись, поднялся и оттолкнул в сторону кресло. Повернувшись к Гунэру и Нафаджи, он, выпучив глаза на побагровевшем лице, потряс пальцем, хотел ещё что-то сказать. Но махнул рукой и вышел из зала.

Гунэр откинулся на спинку и устало закрыл глаза. С каждым днём общение с Фахтаром давалось ему всё тяжелее и тяжелее. Власть сделала из мужественного, достойного уважения воина кровожадного и жестокого тирана. Удиви-

тельно, что он позволил им двоим встать рядом с ним у руля власти. Впрочем, ему ли бояться таких политических противников. И он, будучи человеком расчётливым и удачливым, оставил рядом с собой ценных помощников.

Бывший телохранитель приоткрыл глаза, скосил взгляд на Нафаджи. Тот задумчиво изучал искусно сработанную рукоять своего кинжала, ожидая, что скажет товарищ. Поэт, балагур, душа компании, он стал молчаливым и печальным. Только после возвращения с Острова, Гунэр понял, что несчастный Нафаджи был влюблён в госпожу ничуть не меньше, чем Чарред. Он обожал и боготворил её, посвящал ей стихи – Гунэру как-то попались на глаза свитки с его творениями. А потом он видел, как Нафаджи бросал их в камин и тихо плакал, смотря, как пламя весело пожирает доверенную бумаге частичку его души.

– Что думаешь, Гунэр? – тихо спросил Нафаджи, так и не дождавшись, когда друг заговорит первым.

– Думаю о том, что натворили мы и кем стали.

– Лучше не думай. Всё плохо, мы не смогли добиться того, что хотела госпожа. Вместо всеобщего процветания мы получили ещё большую нищету и ещё более жадных кишаров. Даже Малеха, и тот...

– Ты думаешь, госпожа хотела всеобщего процветания? – Гунэр удивленно посмотрел на товарища. – Ты ошибаешься. Она хотела всего лишь отомстить. Мести она хотела и вершила её, не останавливаясь ни перед чем. Лишь Чарред

и ты, наивные глупцы видели в ней несущую избавление от несправедливостей этого мира.

– А ты? Что видел в ней ты?

– Полководца и воина, который знает, чего хочет. Идти за таким легко.

– Хорошо, оставим эти никчемные воспоминания. Теперь то, что мы творим?

– Выжить пытаемся, друг мой. Если ты думаешь, что можешь всё бросить и спрятаться где-нибудь, то глубоко заблуждаешься. Нафаджи, третий темезин – ты слишком известен. И ты не представляешь, сколько у тебя в Арриго может быть врагов, которые жаждут твоей смерти. Не меньше чем у меня или Фахтара.

– И этот несчастный Азулахар поможет нам продержаться ещё несколько лет? Ты это хочешь сказать?

– Да. Нафаджи. Пока мы можем платить тем, кто хранит наши жизни, мы будем живы. Как только деньги кончатся, наши солдаты первыми же поднимут нас на копья.

– Да будь всё проклято! – Нафаджи в сердцах швырнул свой кинжал на пол. Я не пойду ни в какой Азулахар, пусть Фахтар сам разбирается с сокровищами!

– Придётся, Нафаджи. Только ты сможешь удержать нашего наместника от расправы над теми, кто ещё остался в оазисе.

– А зачем мне это? Что это даст мне? Или спасённые жизни помогут мне искупить грехи? По мне, так пусть этот про-

клятый Асул весь занесёт песком!

– Ты всё равно пойдёшь с Фахтаром, Нафаджи.

Бывший темезин вскочил, ударом ноги опрокинул кресло и вышел из зала. Гунэр снова закрыл глаза. «Лита, Лита, знала бы ты, к чему приведёт твоя месть. Ты поломала не только свою жизнь, ты поломала жизни многих. Я не знаю, где ты сейчас, что с тобой, но надеюсь, у тебя всё хорошо, и ты не видишь того, что видим мы. Надеюсь, ты не осудишь меня, если вдруг когда-нибудь узнаешь, что я задумал. И ты, надеюсь, простишь меня, друг... брат Нафаджи. Но если оставить Фахтара в живых, мы погубим и себя, и единую империю».

Мягкие, тёплые ладони осторожно легли на его лицо, закрывая глаза. Уха коснулось лёгкое дыхание. Гунэр не испугался, не вздрогнул. Хотя он не услышал не единого звука, он почувствовал приближение человека и успел бы дать отпор, будь то непрощенный гость, а не она. Бывший телохранитель глубоко вдохнул лёгкий аромат розы и улыбнулся.

– Я тебя не слышал, Нирмала.

– Зато чувствовал, – проворковала женщина и прижалась губами к щеке Гунэра. – Я видела, как отсюда выходил Фахтар, а потом Нафаджи. И тот, и другой были не в самом хорошем настроении.

– Фахтар тебя видел?

– Видел, и что с того? Он давно не обращает на меня внимания и, наверняка, знает о нас с тобой.

– Надеюсь, знает не всё, – усмехнулся Гунэр.

Нирмала грациозно выпорхнула из-за его спины, встала перед ним, соблазнительно выставив бедро. Бывший телохранитель невольно залюбовался одетой в полупрозрачные шёлковые штаны и блузку черноволосой красавицей. На её смуглом лице для него всегда играла ласковая улыбка. Что бы ни случилось, даже когда Фахтар, выпив лишнего, бил свою наложницу, она, приходя к Гунэру, улыбалась всегда.

Впервые они встретились на пиру в честь возвращения на родину. Тогда то Фахтар и заставил её сесть рядом с Гунэром, не подозревая, что это обычное застольное знакомство превратится в нечто большее.

– Вы опять повздорили? – спросила она, сев у его ног.

– Немного. Фахтар, всё-таки, отправляется в Азулахар – я так и знал, что он не захочет отпустить меня туда. Но с ним будет Нафаджи.

– Всё, как ты хотел.

– Да, Нирмала. Вот только я ума не приложу, как ты заставишь его взять тебя? Особенно, когда он охладел к тебе.

– Ты думаешь, любовь моя, кто-то кроме меня согласится сопровождать этого старого осла в пустыню? Вряд ли, – Нирмала засмеялась, да так заразительно, что и Гунэр не удержался. Но вдруг задумался и помрачнел.

– Я так не хочу отпускать тебя. Я боюсь, очень боюсь.

– Не бойся, любимый, – она потянулась к нему и поцело-

вала в губы. – Я ничуть не хуже, чем мой покойный брат, а он служил самому Магадхи. Это же о чём-то говорит.

Всегда, когда Нирмала вспоминала брата, Гунэр холодел, и в его душу забирался страх. Он помнил берег Яраны, лежавшие у кромки воды два тела. И ещё двое. Его госпожа и подосланный убийца. «Моё имя Тесава», – вспомнились слова. А потом быстрые стрелы отправили брата Нирмалы в небытие.

Как такая женщина очутилась в гареме Фахтара – загадка. Говорили, что голодную и умирающую, её подобрал на дороге сам наместник и оставил рядом с собой. Может это и так. Гунэр никогда не позволял себе спрашивать об этом. И он никогда не говорил ей, что причастен к смерти брата.

Несколько раз они сходились в учебных поединках в бывших тренировочных залах мастера Шайруэга. И после каждого раза Гунэр оставался под неизгладимым впечатлением. Порой казалось, что он сражается не с человеком, а то со смертоносной коброй, то с разъярённой тигрицей, то с коварной пумой. Но оружие в её руках каждый раз замирало в волоске от его тела.

Интересно, будет ли это так же, если она узнает, что именно он отдал приказ убить Тесаву. Самое смешное, что Фахтар так и не узнал, что помимо талантов доставлять мужчине удовольствие, у неё есть совсем другие таланты. Он всегда видел в ней послушную, красивую куклу и не подозревал, что держит в своих руках смертоносное оружие.

– Самое важное, чтобы ты сделала это незаметно. Пусть думают, что он умер естественной смертью, или от рук азулахарцев, – вздохнул Гунэр. – Только тогда ты останешься в живых. Иначе, даже Нафаджи не сможет, а может и не захочет уберечь тебя от гнева солдат.

– Я сделаю всё так, что не останется ни малейшего следа, любимый. А потом вернусь к тебе. Но скажи, почему ты не хочешь избавиться от него во дворце?

– Здесь, пусть даже умрёт он своей смертью, подозрений не избежать. Придётся потерпеть пару месяцев.

– Потерпи, любимый. Что такое два месяца ожидания, если потом впереди у нас будет целая жизнь.

Она села к нему на колени и впилась своими губами с такой силой, что он едва не задохнулся.

– Идём ко мне, скорее, – прошептал Гунэр, теряя голову от страсти.

Она закрыла глаза и прижалась к его плечу, когда он, подхватив её на руки, быстро зашагал к расположенной за тронном тайной двери.

Красивые, смуглокожие юноша и девушка, брат и сестра стояли перед огромным, грязным, словно только что отрытым из земли, сундуком. Трухлявый, ржавый замок в одно мгновение рассыпался пылью под сильными руками молодого человека. Затем он открыл прогнившую крышку и запустил внутрь руки. Не было видно, что лежало там, но вот юноша выпрямился, держа в руках две переливающиеся жемчужным сиянием кольчуги. Они одели их – и та и другая казались сделанными точно по их фигурам. А потом из земли около ног начали расти цветы, страшные чёрные цветы. Каждый из подростков сорвал по одному, и они вдруг превратились в чёрные мечи, острия которых светились багровым пламенем.

– Джуммэ! – проговорил юноша.

В этот миг Лита увидела свои руки. Они отчего-то покраснели, припухли, а потом на них появились болезненные чёрные волдыри. Она закричала и проснулась. Перед собой она увидела взволнованное лицо Чарреда, потом почувствовала его руку на своей щеке.

– Что с тобой? Ты металась в постели, словно пыталась что-то сбросить с себя. Твои ноги... они двигались. А потом ты закричала и проснулась.

– Сон, Чарред. Просто страшный сон.

– Эти сны преследуют тебя с тех пор, как ты стала хранить под тумбочкой тот сундучок. Не пора ли отправить его обратно в сокровищницу?

– Ты преувеличиваешь, – Лита натянуто улыбнулась.

– Может быть. Но я вижу, что с тобой происходит что-то странное.

– Успокойся и спи. Обещаю, больше не буду кричать и драться.

Чарред покачал головой, но лёг, повернулся на другой бок и через несколько минут засопел.

«Спасибо тебе, милосердная богиня, за этот дар. Чувствую, что скоро он сведёт и меня, и Чарреда с ума. Сколько можно смотреть этот абстрактный бред. Ничего понятного, полная неразбериха. Бред. Бред. И ещё раз бред».

С этими мыслями Лита почему-то успокоилась, закрыла глаза и быстро уснула спокойным сном без сновидений.

За завтраком Стрижевский обрадовал обитателей дома неожиданным известием. Подождав, пока все прожуют свою порцию омлета с ветчиной, он тихонько постучал вилкой по пустому стакану и объявил:

– Сегодня в полдень население нашего посёлка увеличится на двух человек.

– Приедут родители Тани? – предположила Лита.

– Нет, дорогая. Не угадала. Родители нашей будущей мамы уже приехали, только они пока в городе, живут в гости-

нице рядом с больницей. Через неделю и их увидите, и малыша тоже.

– Тогда кто это? – Чарред недовольно нахмурился – ему совсем не хотелось видеть здесь чужаков.

Лита тоже удивлённо-настороженно посмотрела на Стрижевского. Уж от кого, а от него она не ожидала, что Иван Сергеевич позволит неизвестно кому войти в их круг. Тот с достоинством выдержал недовольные взгляды, улыбнулся своей неподражаемой, жизнерадостной улыбкой и сказал:

– Не волнуйтесь, эти люди проверены вдоль и поперёк. Они не болтливы и не любопытны. Достаточно долго работали в России, поэтому прекрасно владеют русским. Кроме того, их порекомендовали друзья.

– При всех указанных добродетелях должно быть нечто особенное, ради чего мы берём их, – заметила Лита.

– Ты права. Женщина, Ута Ларгессон, двадцать восемь лет, великолепный массажист. Её звали в олимпийскую команду, но она предпочла моё предложение.

– Сколько же ты будешь ей платить?! – изумился Чарред.

– Не в этом дело. Она не хотела оставлять отца одного. А я согласился с этим условием. Поэтому, второй наш гость – Свен Ларгессон, пятьдесят лет, как говорят, великолепный повар.

– Тебе надоело готовить? – Лита засмеялась, прикрыв рукой рот. Тут же захихикала, подражая матери, и маленькая Виктория.

– Надоело или нет, – Стрижевский легонько щёлкнул расшалившегося ребёнка по носу. – А он наверняка будет готовить вкуснее. И наша Виктория станет толстой-претолстой, как бегемотик.

Он надул щёки и подразнил девочку, а она показала деду язык и отвернулась, состроив сердитую рожицу.

– Идём, погуляем, дочка, – Чарред вытер её лицо салфеткой и снял со стула.

– Мама, пока, – Виктория помахала матери и выбежала через дверь во двор.

– К полудню придём, – сказал Чарред и вышел следом.

Лита и Стрижевский переглянулись.

– На-ка ещё кусочек, – Иван Сергеевич положил ей оставшийся на сковороде кусок омлета. – И Расскажи, что ты сегодня за сон такой видела? Я крик твой слышал.

Она вздрогнула, в глазах появился страх, не укрывшийся от взгляда собеседника.

– Не держи это в себе. Ты же знаешь, мне то можно такие вещи рассказывать, – тихо проговорил Стрижевский и ласково взял её за руку.

– Этот сон... я его видела, словно смотрела в книгу. Не обычный кошмар, а видения. Снова были те самые юноша и девушка. Сначала они надели на себя какие-то доспехи, а потом сорвали распустившиеся у их ног чёрные цветы. И эти цветы превратились в мечи. Юноша сказал слово – «Джуммэ». И я сразу же увидела свои руки... я чувствовала

это, словно наяву... они распухли, на них появились чёрные нарывы. А потом я проснулась...

– Чертовщина какая-то, – Стрижевский поморщился. – Странно, что тебе приснилось то, что ты должна видеть в Золотой книге. Или... или может случилось что-то настолько важное, что тебя предупредили во сне?

– Не знаю... ничего не знаю... Но, мне кажется, речь идёт о какой-то болезни. Неспроста же руки...

– Стоп! Джуммэ? У нас существовало созвучное слово в арабском – джумма, боб, или... О, господи... Чёрные нарывы на руках, чёрные цветы... Так арабы называли чёрную смерть, чуму.

– Чуму? – тихо переспросила Лита. – Что это? Хотя, чувствую, что это нечто очень неприятное.

– Неприятное... Неприятной её можно назвать в нашем мире – мире вакцин и антибиотиков. Но если вспомнить историю тех времён, когда не было этих чудес медицины – кровь стынет в жилах от одного упоминания этой болезни. Чума убивала миллионы, Лита. Некоторые города вымирали практически полностью. Огромные армии, сметающие всё на своём пути, превращались в горстку насмерть перепуганных людей. Если такая болезнь появится в Арриго – это будет катастрофа, – Стрижевский с неподдельным страхом в глазах вцепился пятернёй в волосы и покачал головой.

– А как её лечили раньше?

– Лечили? Едва ли. Были средства, помогающие предот-

вернуть её. Самое простое – постоянно жевать чеснок. Пандемия...

– Что? – переспросила Лита.

– Пандемия, – повторил Стрижевский. – То есть, когда болеют не десяток, не сотня человек, а сотни тысяч. Так вот, пандемия остановилась сама. Чумная палочка очень капризна – ей не нравится ни холод, ни жара...

– А зимой в Арриго как раз не жарко и не холодно.

– Катастрофа, – снова покачал головой Иван Сергеевич. Но, вдруг, хмыкнул, поджал губы, размышляя о чём-то. – Но как эти твои брат и сестра собираются устроить всё это? Мало того, что источник заразы надо где-то раздобыть, надо ещё и защититься от неё. Или они самоубийцы?

– Во сне были доспехи, – напомнила Лита.

– Мда, доспехи были, оружие было. В Азулахаре умеют делать биологическое оружие. Вот так новость. Скажу честно, девочка моя, я про вирусы и бактерии знаю мало, не намного больше среднестатистического обитателя этого мира. Но скажу тебе сразу – я очень сомневаюсь, что это возможно. Если только в Асуле не открыли секретный институт, где разрабатывают биологическое оружие.

– Но как тогда объяснить мои видения? Ладно, пусть это сон. Но те, что были в книге? Чёрные цветы и боб я уже видела один раз.

– Точно, сон. Такой сон мог присниться под впечатлением от золотой книги. Попробуй, посмотри её сейчас. Давай я

принесу, пока Чарреда нет.

Стрижевский, не спрашивая, плеснул ей в стакан сока, а сам, сорвавшись с места, взбежал по лестнице на второй этаж, словно двадцатилетний. Лита машинально схватила наполненный стакан, думая о разговоре. Услышанное не укладывалось у неё в голове. Она ожидала увидеть какого-нибудь тирана с огромной армией или природный катаклизм. В конце концов, падение метеорита. Но чтоб это! Какие-то крохотные существа могут быть страшнее, чем сотни теменов тяжёлой пехоты. Интересно, ожидает ли это богиня? «Ты слышишь меня?» – мысленно позвала Лита. – «Кажется, я знаю, что угрожает твоему любимому миру. Это болезнь, джуммэ или чума. Говорят, от неё нет спасенья, если только нет таких лекарств, какие есть здесь, в этом мире. Так что думай, богиня. Я своё дело сделала и больше ничем помочь не смогу. И, пожалуйста, избавь меня от дара, иначе я рано или поздно сойду с ума».

– Лита, Лита, аюшки, – Стрижевский легонько потряс её за плечо.

– А, да, ты здесь, – она вздрогнула, словно разбуженная во время сна.

– Задумалась?

– Немного, вроде того.

– Давай, попробуем.

Иван Сергеевич положил перед ней на стол сундучок и сам открыл крышку. Лита вздохнула, помассировала виски

кончиками пальцев и наклонилась над книгой. Стрижевский разочарованно вздохнул. Он ожидал увидеть какое-нибудь сияние, появление в воздухе объёмной картинки с видениями, или что-то, сопутствующее чудесам. Но ничего подобного не произошло. Вот только лицо женщины сильно побледнело, глаза остекленели. Очень похоже на гипноз. Возможно, если сейчас попробовать прижечь ей руку огнём, она не почувствует боли. Огнём, конечно, Иван Сергеевич пробовать не стал, но он не удержался от того, чтобы несильно ткнуть ей в большой палец острой вилкой. Лита никак не отреагировала – ни вздрогнула, ни отдёргнула руку, ни выругалась.

– Да уж, – он положил вилку и, откинувшись на спинку стула, принялся наблюдать.

Прошло около часа, и Иван Сергеевич начал беспокоиться. Близился полдень, скоро должны вернуться с прогулки Чарред и Виктория, и очень не хотелось, чтобы они увидели свою маму в таком состоянии. Он уже начинал думать, как привести её в чувство, как вдруг Лита часто заморгала, неестественная бледность щёк прошла в мгновение ока, и она выпрямилась.

– Ну? – нетерпеливо спросил Стрижевский и налил ей полный стакан сока.

Лита выпила его залпом, закашлялась. Задумчиво поджала губы и тихо сказала:

– Это было даже не будущее. Я видела почти всё. Видела старика-целителя – их деда. Видела, как он читал заметки

своих предков. И читала их вместе с ним...

– И что там? – так же тихо, почти шёпотом, спросил Иван Сергеевич.

– Оказывается, давным-давно в Арриго была чума. Всё было так, как рассказывал ты, только намного страшнее. Каждый день умирали тысячи. Но один человек, наделённый даром богини, научился лечить её. Как я поняла, он придумал эти... как ты их назвал... вакцину и антибиотик. И мало того, что придумал – он их сделал очень много, и теперь они хранятся в доме близнецов вместе с рецептом их изготовления. Это кольчуга. А меч – долина на северо-западе Асула между горными грядами. Как сказано в заметках, в той земле прячется смерть.

– Невозможно!

– Они уже вошли в подвал под домом и нашли лабораторию. Может, ещё не разобрались, что к чему, но я чувствую, они быстро всё поймут.

– Нет, постой. Ладно антибиотик – взял плесень, вот тебе и пенициллин. Но вакцина! Лита, это же нонсенс! Думаешь, это так просто? В нашем мире противочумной вакцине около ста лет отроду.

– Не знаю, сложно это или просто, сделать вакцину. Но у них есть то, что втирают в надрезанную кожу, и это помогает не заболеть.

– С ума сойти! И когда они хотят начать? Не видела?

– Старик-целитель научит их готовить лекарства. Сколько

уйдёт на это времени – не знаю. Но они торопятся – армия Арриго скоро придёт в Азулахар за оставшимся золотом.

– Ну ладно, лекарство и вакцина, допустим, есть. Предположим, что они знают, где находится природный очаг чумы. Между прочим, и у нас таких очагов хватает. Но дальше что? Придут они туда – здравствуйте, друзья суслики, откопайте нам немного чумных палочек. Ой, спасибо – пожалуйста, приходите ещё... Может сами они и заразились бы. Но если их вакцина действует, близнецам придётся нести в народ чуму не в своих телах, а как-то иначе. Думаю, это не так просто, как кажется. Тогда вопрос – как? У нас над этим трудились секретные военные лаборатории. И вот ещё что – есть ведь несколько видов чумы. Бубонная, про которую у тебя были видения, не очень опасна. Самая опасная – лёгочная. Это да. Смертность почти сто процентов, и заражаются ей быстро. И начинается всё обычно именно с бубонной чумы, которая может быть, я повторяю – может быть, перейдёт в лёгочную. А может и нет. Вот так, Лита, нестыковок много. Так что не спеши с выводами – вдруг ты не тут смотришь, вдруг есть что-то более страшное, а эти несчастные из Азулахара лишь одержимы идеей сделать мелкую пакость?

– Я не знаю, Иван. Книга показала не кого-то другого, а именно их. В любом случае, мы можем быть лишь сторонними наблюдателями.

– Но ты как-то ставишь богиню в известность?

– Обращалась к ней мысленно пару раз, сказала всё, что

узнала. Не знаю, дошли ли до неё мои слова или нет. Но всё это начинает казаться мне каким-то сумасшествием. Из меня сделали избранную, и только я могу видеть абстрактные картинки, показывающие, якобы, будущее. Я бы охотнее поверила в то, что это моё наказание.

– Ну, хорошо, успокойся, – Стрижевский посмотрел на часы – время перевалило за половину двенадцатого. – Посмотри, вон и Чарред с Викторией.

Он спохватился, забрал со стола Золотую книгу и унес её наверх.

Ровно в полдень на мощёную брусчаткой площадку между домами, довольно урча мотором, въехал «Форестер». Водитель ловко припарковался с краю, выключил зажигание. Собравшиеся в гостинной обитатели поселка подошли к стеклянной раздвижной двери. На улицу вышел лишь Стрижевский. Он бодро подбежал к автомобилю. Тот час из него вышли двое – с места водителя молодая светловолосая женщина, с соседнего – невысокий, пожилой мужчина с ёжиком седых волос вокруг обширной лысины. Они забрали из багажника сумки и направились к дому. Иван Сергеевич что-то рассказывал улыбающейся женщине, бурно жестикулируя свободной от сумки рукой. Её отец шёл молча, наклонив голову к земле и ссутулившись, создавая впечатление, словно его чем-то обидели.

– Позвольте представить, – стеклянная дверь распахнулась, и Стрижевский махнул рукой в сторону гостей. – Ута

и Свен Ларгессоны.

Женщина одарила всех лучезарной улыбкой, а Свен лишь коротко кивнул головой.

– А теперь представляю моих. Это Чарред, это Лита, собственно, ради которой мы и пригласили вас. Это их дочка – Виктория. К сожалению, не могу пока вам представить обитателей соседнего дома – их мы увидим через пару недель.

– Очень приятно познакомиться со всеми вами, – произнесла Ута глубоким, мелодичным голосом.

Затем осторожно толкнула в руку отца. Тот сразу закивал головой, растянул тонкие губы в улыбке и проговорил:

– Да, да, очень приятно. Давайте-ка поскорее положим вещи, и вы, дорогой доктор Стрижевский, покажете мне мою кухню.

– Конечно, конечно. Я немедленно провожу вас в комнаты.

На запоздалый обед собрались около четырёх. Иван Сергеевич и Свен накрыли стол, причём Лита заметила, что у Стрижевского это получалось гораздо ловчее, изящнее. Ларгессон же постоянно путался, пару раз ронял столовые приборы и, как показалось, чувствовал себя, словно не в своей тарелке, бледнел, прятал глаза.

– Госпожа Арриго-Сегитал-Стрижевская? – Ута под села рядом.

– Называйте меня Лита, так проще, – смутилась хозяйка дома. – Удивительно, но вы первая, кто произнесла мою фа-

милию без запинки, не пользуясь шпаргалкой.

– У меня хорошая память, Лита.

Женщины тепло улыбнулись друг другу. Лите с первого взгляда понравилась массажист. Казалось, с её лица, немного удивившего своими мягкими чертами, никогда не сходит улыбка. Поразительные зелёные глаза сверкали, словно два изумруда. И этот взгляд успокаивал, дарил тепло.

– Можно спросить, откуда у вас...

– Можешь со мной на ты.

– ... У тебя такая интересная фамилия. Стрижевская – я понимаю. Но остальное?

– Досталось в наследство от предков мужа, – ответила Лита давно заученной фразой и поспешила перевести разговор. – Ута, твой отец, мне кажется, слишком скованно ведёт себя с нами.

– Ничего страшного. Он всегда сначала немного волнуется, боится не понравиться. Но это пройдёт. Уже завтра ты узнаешь его с другой стороны. Обычно, он душа компании.

Душа компании планировал улизнуть на кухню, лишить обедающих своего общества, но Стрижевский, словно клещ, вцепился в его руку и не отпускал.

– Свен, дорогой мой друг. Мы люди простые, так что не надо показывать свою скромность. Быстро садись к столу.

Ларгессон немного поломался, что-то пробубнил, пытаясь отвертеться от насевшего на него доктора, но быстро сдался уговорам и сел рядом с дочерью.

Первый сеанс массажа Ута провела вечером, перед ужином. Вместе с Чарредом она положила Литу на кушетку для физиотерапии – она как раз подходила и для массажа. Окинув взглядом обнажённое тело, массажист с лёгкой ноткой белой зависти проговорила, натирая маслом руки:

– Несмотря на долгую неподвижность, ты в хорошей форме. В чём секрет, если не секрет? – она засмеялась невольному каламбуру.

– Не знаю, Ута. Видимо, просто повезло.

– Ну, в везение я не очень верю. Итак, массаж, который я буду делать, вернёт мышцам спины и ног тонус, а это позволит быстрее начать ходить. Готова?

– Больно будет?

– Немного – может быть. Но обычно, под моими руками засыпают. Постарайся и ты уснуть.

– Хорошо, – вздохнула Лита и закрыла глаза.

В комнате зазвучала мелодичная музыка, тёплые руки Уты легли на её поясницу и принялись осторожно поглаживать спину от позвоночника к бокам. Сон подступил мгновенно и так незаметно, что Лите показалось всё происходящее реальностью.

Чёрное, бесконечное пространство окружило её. Где-то вдалеке неясной, мерцающей пылью светили звёзды.

– Здравствуй, Лита, – силуэт женщины появился неожиданно и из неоткуда.

– Здравствуй, великая богиня, – Лита подумала, что

не мешало бы и поклониться, но решила не делать этого.

– Я слышала, как ты обращалась ко мне. Ты подозреваешь в надвигающейся беде двух подростков из Азулахара. Что ж, всё может быть. Говорят, Золотая книга не врёт, ну, разве что ты неправильно задала ей вопрос.

– Тогда Арриго угрожает страшное бедствие. Мой друг, Иван Стрижевский, рассказал о том, как в этом мире подобная болезнь убивала миллионы. Да и в другом мире, в далёкой древности, была чума. Но её победил человек, наделённый знанием.

– Я помню, Лита, – задумчиво проговорила богиня. – Но тогда болезнь возникла сама по себе. А сейчас – она клинок в руках жаждущих мести. Даже если наделённые знанием целители вновь создадут от неё лекарство, они успеют спасти лишь себя и тех, кто рядом.

– Только ты можешь спасти их. Теперь, когда угроза ясна, сделай же что-нибудь. В конце концов, выжги огнём Азулахар... весь Асул. К чему жалеть несколько тысяч, если их смерть спасёт миллионы.

– Ты забываешься, Лита. Да, меня называют богиней смерти. Но это только потому, что кое-кто, встретившись со мной за гранью, вернулся назад. И это не значит, что я способна на бессмысленное, бездушное убийство.

– Но тогда...

– Знаю, человек, знаю. И это неизбежно. Можешь считать это божьей карой. Кому как ни тебе знать, что азулахарцы

имеют право на месть. Но не спеши обвинять меня, что я прихотью своей обрекаю на смерть миллионы. Я помогу победить болезнь. Кто-то погибнет, кто-то навсегда останется калекой, но мир уцелеет, люди останутся в нём и, быть может, через несколько десятков лет забудут о джуммэ.

Силуэт богини растворился в сером тумане, звёзды померкли и... Лита проснулась и увидела перед глазами обутое в шлёпанцы ноги Уты.

Ярко горевшие на люстрах свечи и чистота преобразили мрачный подвал. Бока керамических посуды весело поблёскивали глазурью, бронзовые ланцеты светились глубоким, жёлто-красным сиянием. Через прочищенные вентиляционные каналы ушёл затхлый запах склепа.

Довольный ан-Химеш совсем забыл о своей ране. Он сидел в удобном, принесённом Нишерле из его покоев, кресле и запоем читал сложенные стопками на столе рукописи его предков. Откровения открывались за откровениями. Здесь оказалось много чего непостижимого. Не только трактат о джуммэ, подробно рассказывающий о её возникновении и методах лечения.

В особый восторг целителя привела рукопись, где рассказывалось как из особо обработанных стёкол сделать приспособление, позволяющее увидеть мельчайших живых существ. Тех самых, из-за которых появляются болезни, хотя ещё многие в Арриго считали, что болезнь есть вселившийся в тело злой дух.

Читать это богатство можно было бесконечно, но ан-Химеш усилием воли заставил себя уделить внимание лишь одной рукописи, рукописи о джуммэ. Именно она дополняла уже прочитанный дневник, поясняла непонятные моменты и исправляла неточности. Уже на первой странице мудрый

предок предупредил о страшной опасности, которую несла в себе эта болезнь, и рассказывал о заготовленных впрок лекарствах. Как оказалось, всё это множество сосудов ни что иное, как средства против джуммэ – вытяжка из грибов и из крови. Писалось, что эти лекарства могут храниться в особо сделанных сосудах сколь угодно долго, и даже через пять сотен лет их действие будет неизменным.

Особое внимание ан-Химеш обратил на способ их применения. Он выяснил, вытяжка из грибов помогает спасти жизнь уже заболевшего человека, а вытяжка из крови придаёт организму стойкость и не даёт заболеть вообще. Поразительно! Целитель сразу подумал – ведь можно же сделать такие вытяжки и для лечения других болезней, и тогда человек станет недоступен ни одной из них.

Старика волновало: на какое количество человек хватит хранившихся в подвале средств. Оказалось, что они могут спасти от смерти два, а то и три крупных города Арриго. Что ж, довольно много, но... Тонкие, коричневые пальцы перевернули несколько страниц, пробежались по строкам. Так и есть, вот он, способ приготовления. Сложно, но вполне выполнимо. Надо будет попросить Бэудишу, чтобы нашла женщин, готовых помочь ему в этом деле. Вот только сначала каждый, без исключения, азулахарец должен обезопасить себя вытяжкой из крови.

В тот же день Нишерле бросил по городу клич – все, кому не безразлично будущее, кто хочет дать отпор врагу, должны

придти на площадь к развалинам дворца кишара на следующий вечер.

А этим вечером ан-Химеш, Нишерле и Бэудиша собрались за столом в своём доме. Юноша вновь принёс несколько рыбёшек, девушка принесла овощей и зелени со своего огорода, а старик достал из тайника бутылъ с вином.

– Оно было разлито в год падения Асула, – задумчиво проговорил целитель, смотря, как льётся в кубок рубиново-красная жидкость. – С тех пор я не слышал, чтобы в Азулахаре кто-то делал вино.

– Быть может, всё ещё наладится, – отозвался Нишерле.

– Нет, дружок, не наладится. Если только ты не найдёшь способ вернуть на место защищавшие нас скалы.

– Хватит вам, ешьте, – проворчала Бэудиша.

В этот раз ан-Химеш почти не почувствовал боли и с аппетитом съел свой кусок рыбы, заботливо очищенный от костей, и запил бульоном. Затем сделал несколько глотков терпкого, несладкого вина. Хмельная жидкость растеклась по телу тёплой, расслабляющей волной. Он с любовью посмотрел на внука и внучку, потянулся к ним, ласково взял за руки.

– Завтра вы должны вместе предстать перед народом Азулахара. Именно вы, брат и сестра, будете вести нас в этой войне.

– Дед, нам лет-то, – Нишерле усмехнулся. – Найдутся люди постарше и посмышлёнее.

– Завтра узнаешь, что я прав. Они будут приветствовать тебя, как своего кэнуга.

День тянулся бесконечно долго. Дед всё пропадал в подвале, изучая найденные рукописи, Бэудиша возилась со своим огородом. Нишерле слонялся по дому, бесцельно пиная перед собой деревянный мяч для метания. Надо бы, конечно, пойти на рыбалку, но впервые за всё время ему этого не хотелось. Из головы не уходила предстоящая встреча с земляками, где он будет не просто стоять в толпе. Именно он поднимется на камни – немые свидетели падения могучего кишая – и скажет то, что докажет его право вести за собой людей. Но он ещё так молод. Разве будут взрослые слушать его, беспечного мальчишку.

Нишерле попытался придумать пару фраз, но в голову лезла лишь какая-то ерунда. Довольно. Он не выдержал, подхватил снасти и бросился бегом к озеру.

Солнце повисло надо рваной линией горизонта спелым красным яблоком. Длинные тени бежали по занесённой песком площади смешными тёмными полосками. Дневная жара спала, духота уступила место вечерней прохладе. Нишерле и Бэудиша пришли на площадь первыми и, в ожидании других, присели на камень. В какой-то миг показалось, что никто не придёт – кому интересно слушать несущих вздор подростков. Но едва солнечный диск коснулся далёких скал, на ведущих к площади улицах показались люди. Не пара, не десяток – много, очень много.

Площадь постепенно заполнялась. Сначала люди стояли лишь вокруг развалин, но с каждой минутой их становилось всё больше и больше. Наконец, почти всё огромное пространство было заполнено. Нишерле растерянно посмотрел на стоявших перед ним женщин, стариков, мужчин, детей, побледнел от волнения, ни сколько не представляя, что же он может сказать им.

– Говори, Нишерле, – сказал кто-то. – Мы слушаем тебя.

– Нишерле! – отозвались с другой стороны.

– Нишерле! Бэудиша! – взревела толпа так, словно перед ними были не обычные юноша и девушка, а нихайа и Махди.

Не помня себя от страха, брат и сестра поднялись на груды камней. Они обвели взглядом людское море – каждая пара глаз внимала им. Нишерле облизнул запёкшиеся губы и, судорожно схватив сестру за руку, заговорил хриплым, дрожащим голосом.

– Я – Нишерле. Это моя сестра – Бэудиша. Многие из вас знают, что произошло с нами, – он сделал паузу, но толпа – удивительное дело – слушала его, затаив дыхание. – И многие из вас понимают, что это повторится. Мало того – засевающие в Аррикеше самозванцы хотят послать сюда армию, чтобы добить нас и разграбить город. Можем ли мы помешать им? Скажете – нет? Скажете – у нас нет сил тягаться с панцирной пехотой? – Нишерле почувствовал, как в глубине его души разгорается праведный гнев, как ноет и болит сердце за попранный Азулахар, и слова начали рождать-

ся сами собой, словно боги говорили его устами. – Мы можем бороться с ними! Мы можем уничтожить любого, кто встанет на нашем пути. Любой из вас может стать оружием справедливой мести! И нам не нужны копья и мечи. В наших руках будет оружие более страшное и смертоносное. И имя ему – джуммэ!

Удивлённый, испуганный вздох вырвался в один миг у нескольких сотен стоявших перед ним людей. О джуммэ знали далеко не все, но знавших, что это, вполне хватило, чтобы просветить остальных. Толпа шумела недолго, и Нишерле терпеливо выждал, когда шёпот смолкнет.

– А ты знаешь, о чём говоришь, парень? – спросил кто-то в первых рядах.

– Знаю. Мой дед, почтенный ан-Химеш, рассказал мне, что это такое. Я понимаю, вы сейчас думаете – де он сошёл с ума и хочет погубить и нас и врага. Но это не так. Есть способ, благодаря которому джуммэ не причинит нам вреда. Мой дед знает его и готов защитить каждого из вас. И он знает, как сделать джуммэ нашим оружием. И поэтому я спрашиваю вас – готовы ли вы к борьбе? Если скажете нет – мы не в праве будем подвергать вас опасности заболеть этой страшной болезнью. Но если скажете да – вам придётся помочь нам. Нас лишь трое – я, раненый старик и слабая девушка. Нам будут нужны добровольцы, чтобы сделать больше лекарств и защитить всех в Азулахаре, в Фражаке, в деревнях вокруг озера. Работы очень много и надо спешить,

пока армия врага не подошла к стенам нашего города.

– Мы с тобой, Нишерле! – раздался крик.

– Веди нас, Нишерле! – взревела толпа. – Кэнуг!

– Он был прав, дедушка был прав, – горячо шептала ему на ухо Бэудиша, смахивая рукой слёзы со щёк.

Юноша стоял, ни жив, ни мёртв. Несколько сказанных фраз, далёких от ораторского мастерства, и толпа признала его вождём. Его, ещё не доросшего до возраста, когда разрешают встать в боевой строй. Видимо, отчаявшиеся люди были готовы пойти за любым, кто обещал избавление от напасти.

Острый ланцет легко разрезал кожу, оставив короткую, неглубокую царапину. Тонкая струйка крови сбежала по предплечью к локтю. Нишерле поморщился, но, поймав на себе насмешливый взгляд Бэудиши, растянул губы в довольной улыбке.

– Смотрите внимательно, – ан-Химеш передал ланцет девушке, а сам взял на палец немного разведённой оливковым маслом до состояния пасты вытяжки из крови.

Полсотни пар глаз внимательно следили за каждым движением целителя. Совсем скоро они возьмут с собой загадочного серого порошка, оливкового масла и уйдут вдоль берега озера нести асульцам слово Нишерле.

– Промокаем рану чистой, повторяю – чистой тряпицей, а потом, – старик вдавил в царапину пасту и принялся энер-

гично массировать место прививки, не обращая внимания корчившегося от боли Нишерле. – И не забывайте предупредить, что на следующий день ранка воспалиться, будет жар и головная боль. В этом нет ничего страшного. Надо лишь пить побольше воды с лимоном, и через день всё будет хорошо. Все поняли?

Зрители дружно закивали – чего же здесь непонятного. Всё настолько просто, что справится и неразумный младенец. Нишерле отошёл в сторону, присел на камень.

– Теперь ты, Бэудиша. А вы смотрите ещё раз, – не уни-
мался целитель.

Снова блеснул ланцет, девушка ойкнула, скосила испуганные глаза на царапину.

– Не нужно втирать слишком много, – поучал ан-Химеш. – Лучше от этого не будет, зря только лекарство истратите, и кому-то может не хватить его. Все поняли? Давайте, забирайте лекарства и делайте теперь друг другу.

Старик высыпал перед собой из большого мешка много маленьких мешочков, связанных между собой парами. Они отличались разными метками. Там где была синяя точка – вытяжка из грибов, где красная – вытяжка из крови. Люди подходили, забирали снадобья, сами наливали себе в бутылочки кипячёного масла. И тут же, под раскинутым от жары тентом, разбивались на пары, доставали ножи, кинжалы, а то и просто куски заточенного железа или бронзы и начинали резать друг другу плечи.

– Смотрите, чтоб грязи не было на лезвии! – кричал ан-Химеш, заметив на одном из кухонных ножей прилипшую рыбью чешую. – Заразу занесёте, никакая вытяжка не поможет. Быстро все прекратили, сейчас свечи принесём – прокалите. Бэудиша, поспеши.

Девушка бросилась в дом, нерадивые ученики замерли, испуганно смотря на разъярённого целителя. Шутка ли, раз этот мудрый человек говорит, что нельзя грязными ножами резать – значит нельзя. Да и многие помнили – раз порежешь себе палец по неосторожности, так если нож испачкан, рана нарываться будет.

Бэудиша вернулась быстро и не дала деду сказать собравшейся вокруг него бестолочи ещё пару ласковых. Она раздавала свечи и поставила в середине горящий светильник.

– Хорошенько калите, не жалейте сталь, пожалейте лучше себя, – покрикивал целитель.

Сталь раскалялась чуть ли не до красна, лезвия покрывались жёлтыми и фиолетовыми цветами побежалости. Ножи после такого отдать бы кузнецу, чтоб привёл в порядок, но никто не обращал на подобные мелочи внимания. А потом, ещё горячими клинками, люди делали друг другу царапины, морщась от прикосновения обжигающего металла, быстро разводили на том же лезвии каплю масла с несколькими крупинками порошка и тщательно втирали смесь в ранки.

– Помните, – ан-Химеш назидательно поднял палец. –

От того, как вы сделаете это сами, от того, как вы научите этому других, зависят жизни всех нас.

Когда они ушли, старик и дети позволили себе небольшую передышку, чтоб съесть по просяной лепёшке и запить хлеб водой. Ан-Химеш устало развалился в кресле, Бэудиша и Нишерле сели прямо на песок, прислонившись спинами к тёплому камню ограды. Сейчас начнут собираться следующие полсотни. Потом ещё и ещё, а вечером придут отобранные Бэудишей женщины, вызвавшиеся научиться готовить вытяжку.

– Когда ты отправишь нас в ту долину? – спросил юноша.

– Подожди, Нишерле, к чему такая спешка, – старик поморщился, то ли от боли в животе, то ли от недовольства нетерпением внука.

– Но в Аррикеше ждать не будут.

– Это ты привык к местной жаре. А там думают иначе. Сокровища никуда не убегут, подготовиться к обороне Азулахар, по их мнению, не сможет. Так зачем спешить. Можно дожждаться зимы, когда солнце станет не столь жестоко. Но они не знают об оружии в наших руках. А нам как раз лучше, если они придут по прохладе. Тогда удар джуммэ будет смертоносен и неудержим. Так что, дружок, наберись терпения. Ведь ещё понадобится уйма времени, чтобы защитить от болезни наших земляков.

– Но что потом, дедушка? – спросила вдруг Бэудиша.

– Что ты имеешь в виду?

– Придёт сюда армия, мы нашьлём на неё мор. Кто-то умрёт, кто-то может и выживет. Но потом за первыми придут другие. А если кто-то разгадает секрет твоих лекарств? И тогда наши усилия окажутся напрасны.

– Ты верно рассуждаешь, красавица моя, – дед нахмурился. – То, о чём ты сказала, вполне может случиться. Поэтому нам придётся обрушить удар джуммэ на весь Арриго...

– Но дедушка! – девушка вздрогнула. – Мы же погубим многие тысячи невинных.

– Когда империя загнётся от мора, и силы её ослабнут, тогда появитесь вы – спасители, несущие жизнь. А если вы всё правильно сделаете, золотой трон Арриго может стать вашим.

– Дедушка!

– Да, Бэудиша. У вас есть шанс не только отомстить за себя, за Азулахар. У вас есть шанс заполучить в свои руки власть. И не говорите мне, что она вам не нужна, и вы хотите быть свободными от подобной ответственности. Вы ещё слишком молоды для того, чтобы почувствовать в полной мере, как сладка власть. Сейчас она сама идёт в ваши руки, так что не отказывайтесь. Хотя бы ради меня.

– Ута, дорогая моя, вы настоящая волшебница, – Стрижевский галантно поклонился и поцеловал её руку.

– Здесь не только моя заслуга, доктор. У вашей дочери потрясающая воля, стремление победить. И без моей помощи она начала бы ходить, ну, разве что немногим позже.

– Если честно, она мне не дочь, она моя воспитанница. Её родители... – Иван Сергеевич замялся, но Ута, поняв это по-своему, поспешила продолжить:

– Ох, простите, что так бесцеремонно вмешиваюсь в ваш мир. Не продолжайте, не бередите прошлое.

Стрижевский не придумал ничего лучшего, как промолчать и продолжил наблюдать за неуверенными шагами Литы. Опираясь одной рукой на плечо мужа, другой на трость, она осторожно шла по набережной. Рядом крутилась Виктория. Она то и дело пыталась помочь, поддерживала трость, когда мать опиралась на неё, и всё время подбадривала: «Мама, левой ножкой; мама, правой ножкой, мама – молодец».

Чарред и Лита весело смеялись чудачествам ребёнка, радостные улыбки не сходили с их лиц. Но Стрижевский знал, что потом она будет отлёживаться в постели, закрывшись в спальне на ключ и, кусая губы, сдерживать стон, рвущийся наружу от пронизывающей мышцы боли.

– Немного бутербродов перед обедом не желаете? –

неожиданно появился Свен и поставил на столик блюдо с разнообразными канапе.

– Весьма кстати, – согласился Иван Сергеевич и отправил в рот ромбик хлеба с положенным на него кусочком варёного мяса и сыра.

– Ай, какая молодец, – повар сел на пустующий рядом шезлонг. – Сейчас нагуляет аппетит, а у меня как раз сегодня суп фасолевый с грудинкой – то, что нужно, чтобы восстановить силы.

– Вашими стараниями, дорогой друг, мы совсем избаловались. Придётся просить вашу дочь продлить контракт с нами на неопределённый срок.

– Я буду только рада. Вы щедро платите, живёте в великолепном месте и умеете составить компанию, – засмеялась Ута.

– Завтра приезжают наши соседи. Думаю, они будут рады, если вы останетесь.

– В скором времени малышу понадобится массаж. Так что и им я пригожусь.

– А как я пригожусь! Если вы думаете, что я умею готовить только для больших дядь, то глубоко заблуждаетесь. Знаете, какие каши я для малышей варю, – проникновенно сообщил Свен, и Ута с Иваном Сергеевичем снова рассмеялись.

– Поскорее бы она вернулась к нормальной жизни, – лицо Стрижевского вновь приобрело задумчивое выражение.

– Эх, шутка ли, упасть... – начал было Свен, но осёкся, потому что – Иван Сергеевич заметил краем глаза – Ута пре-
большо ущипнула его за руку.

– Почему вы так решили? – он повернулся к повару, удив-
лённый не столько его прозорливостью, сколько поведением
его дочери.

– Ох, простите ради бога, – Ута смущённо потупила
взгляд. – Лита мне рассказала, а я не удержалась, сболтнула
папе.

– Да ничего страшного, – Стрижевский улыбнулся. –
В этом нет тайны, особенно для друзей.

Двое взрослых и ребёнок дошли до края набережной и по-
вернули обратно. С каждым шагом уверенности у Литы при-
бавлялось, её шаги становились твёрже, шире. Лишь осла-
бевшие от долгой неподвижности мышцы мешали отбросить
трость и пойти самой. Ещё немного усилий, ещё чуть-чуть,
и она будет ходить самостоятельно, сможет жить полной жиз-
нью. Жаль только Эйнар уже никогда не увидит, какой стала
его дочь.

– Она удивительная женщина, – проговорила Ута. –
Сколько скрытой силы дремлет в ней. Вы знаете, доктор, че-
го ей потом будет стоить эта прогулка?

– Представляю.

– Ещё не скоро уйдут эти боли; месяц, а то и два. Ей при-
дётся терпеть.

– Вы не рассказывали, кем она была, дорогой друг, – про-

говорил вдруг Свен и как-то хитро улыбнулся, прищулив взгляд. – Надеюсь, это не секрет?

– По-моему, ты слишком любопытен, папа, – Ута резко повернулась к нему, а Стрижевский услышал в её словах странные, угрожающие нотки.

– Ох-ох-ох, прошу прощения, – Свен поднялся, раскинул в стороны руки. – Слишком любопытен. Пойду лучше накрывать на стол. Я ведь здесь именно для этого.

Последнюю фразу он произнёс так, словно хотел сделать дочери какой-то упрёк. Иван Сергеевич заметил, как в этот момент в глазах Уты сверкнули искорки гнева, но она, почувствовав на себе взгляд, спохватилась, повернулась, пряча эмоции за красивой улыбкой.

– Простите моего папу, – проворковала она. – Он, порой, становится крайне несносен. Я пойду, помогу ему, а вы подходите потихоньку.

Она вскочила с шезлонга и бросилась догонять отца. Стрижевский проводил их взглядом. Отец и дочь что-то выговаривали друг другу. Слов слышно не было, говорили они тихо, но было заметно, как виновато смотрит в землю Свен. Казалось, ещё немного, и он провалится от стыда. «Странно, очень странно», – подумал Иван Сергеевич.

Несколько последних дней поведение этих двоих вызывали у Ивана Сергеевича некую озабоченность. Свен часто задавал такие вопросы, честный ответ на которые заставил бы рассказать о чудесах с параллельными мирами. Ута же, ко-

гда слышала их, делала такое лицо, что, казалось, она готова броситься на отца и разорвать его в клочья.

Грешным делом, Стрижевский хвалил себя за то, что не постеснялся поставить в некоторых комнатах систему видеонаблюдения. Рекомендации рекомендациями, но проследить, что делают гости, когда за ними никто не наблюдает – верный способ предупредить возможную угрозу. Эти двое вполне могли быть позарившимися на богатство мошенниками.

Но ничего подозрительного за ними не обнаружилось. Каждый занимался только своим делом, ничего не вынюхивал, не высматривал. Никто из них так ни разу и не поднялся на второй этаж дома. Не придерёшься. Но несколько сцен Ивана Сергеевича озадачили. Он даже пожалел, что система не записывает звук. Порой, Ута обращалась со Свеном не как с отцом, а как с подчинённым или даже слугой. Особенно после каверзных вопросов Ларгессона, она отчитывала его так, что бедняга едва не падал перед ней на колени. Странно, очень странно.

Он достал из кармана телефон и набрал номер из телефонной книги.

– А, привет, старина, – раздался на другом конце приятный мужской голос.

– Привет, дружище. Я тебя не сильно отвлекаю?

– Конечно нет. Я весь во внимании. Кстати, как тебе Ларгессоны?

– Я как раз хотел о них поговорить.

– Что-то не так?

– Не знаю. Они мастера своего дела, как ты и говорил, ведут себя подобающе. Но они какие-то странные. Порой, складывается такое впечатление, что они не отец и дочь.

– Знаешь, Иван. Я их давно знаю. Раньше за ними никаких странностей не наблюдал. Но однажды они ушли в море на яхте. Их двое, жена Свена и ещё пара. Они попали в шторм, в страшный шторм. Помнишь, наверное, два года назад в Бискайском заливе. Выжили только Свен и Ута. Их нашли на одиннадцатый день в разбитой, еле держащейся на воде посудине без еды и воды. Вот с тех пор они и стали странными. Но, должен заметить, оба превратились в настоящих кудесников.

– Спасибо, теперь всё ясно. Извини, что побеспокоил тебя по пустякам.

– Ничего страшного. Дети то как?

– Прекрасно. Таня и Саша завтра вернуться назад с малышом, Лита, стараниями Уты, начала ходить.

– То ли ещё будет. Эта девчонка любого, у кого ноги есть, заново ходить научит. Она самая настоящая целительница.

– Ну ладно, спасибо тебе. До связи.

– До связи.

Стрижевский задумчиво почесал бровь и убрал телефон. Многое проясняется, но многое ещё остаётся неясным. Неужели та трагедия отдалила переживших её вместе отца

и дочь. Обычно, всё случается с точностью до наоборот. Если только на той яхте не случилось что-то ещё. Любопытство подначивало осторожно расспросить о том, что случилось на яхте, но Иван Сергеевич боялся, что его расспросы ни к чему хорошему не приведут. Похоже, придётся мириться с их странностями. Ну и присматривать, на всякий случай.

Рядом раздалися шаги. Лита, уставшая, но довольная, осторожно опустилась на скамейку. Тут же рядом уселся Чарред, а непоседа Виктория запрыгнула на развалившегося в шезлонге Стрижевского.

– Устала, – отдышавшись, проговорила Лита.

– Ты молодец, – похвалил её Иван Сергеевич. – Не забудь за обедом выпить обезболивающего, а то снова зубами скрипеть от боли будешь весь вечер.

– Ну, уж нет. Это моя боль, и я буду её терпеть.

– Ты уже достаточно натерпелась. Так что сделай своему телу поблажку.

– Где Ута и Свен? – Лита пропустила замечание мимо ушей. – Я видела их здесь. Кстати, передай пару бутербродиков с рыбкой.

Стрижевский протянул ей целый поднос, и она осторожно взяла в каждую руку по канапе; один за другим отправила их в рот.

– Свен молодец. Казалось бы – элементарная вещь, а делает так, что пальчики оближешь, – проговорила она с набитым ртом.

– Как тебе они?

– Замечательные. Немного странные, порой непонятные, но прекрасные люди. Кстати, ты так и не ответил, где они.

– На стол накрывают, сейчас обедать будем.

Стрижевский встал с шезлонга и подкатил стоявшую поодаль коляску.

– Садись, хватит на сегодня.

Лита не стала спорить. Подмигнув мужу, она обвила его шею руками. Чарред легко поднял её и осторожно посадил в кресло. Иван Сергеевич налёг на ручки и направился к дверям в витраже столовой. Колёса коляски отсчитывали швы в стыках между каменными плитами дорожки. Один, два, три... невольно начал считать Стрижевский, задумчиво глядя на Литу. Почему-то на душе нарастало беспокойство. Подсознательно, шестым чувством он ощущал что-то, но пока не понимал, что именно.

Широко улыбаясь, Свен поставил на край стола благоухающую базиликом фарфоровую супницу. Подмигнув доктору, он поднял крышку, и столб белого пара тот час устремился к потолку, а запах стал ещё сильнее. В животе Ивана Сергеевича раздалось урчание – организм требовал еды и немедленно.

– Как пахнет, а? – заговорщицким шёпотом проговорил негодяй Ларгессон.

– Не тяни, не мучай, – взмолился Стрижевский.

– Погоди немного, сейчас для малышки отдельное прине-

су – у неё сегодня суп из форели с булочкой.

– Я разолью, – вызвался Чарред.

– Уступаю с благодарностью, – Свен сделал реверанс.

Повар отошёл к кухне и снял с плиты небольшую кастрюльку.

– Виктория, садись за стол, тебе супик несусу.

Непослушная девчушка нырнула под стол – порой, накормить её было настоящим испытанием.

– Вики, быстро за стол, – Лита заглянула вниз – девочка тихо подбиралась к ногам отца.

Стрижевский первым протянул тарелку – от вида блюда голод сделался нестерпимым.

– Не жалея гущи, – напомнил он Чарреду.

Тот помешал половником суп, зачерпнул со дна.

– Подставляй.

Половник приподнялся над супницей. В этот момент Виктория с пронзительным визгом выпрыгнула из-под стола прямо к отцу, не рассчитала, толкнула его. Чарред неловко подался назад, и половник, зацепив за край супницы, опрокинул её вместе с горячим варевом на ребёнка.

Время замедлило свой бег. Лита видела перекошенное от ужаса лицо мужа, видела, как язык горячей коричневой жидкости выплёскивается на Викторию. Выпавшая из руки Стрижевского тарелка медленно падает на блюдо с хлебом. Ута делает какой-то жест рукой, словно хочет оттолкнуть супницу в сторону. Свен роняет на пол кастрюльку и рас-

кидывает руки так, как будто пытается заключить кого-то в объятия.

Всё произошло в доли секунды. Супница вместе с содержимым вдруг улетела через стекло на улицу. Чарред растянулся на полу рядом с плитой, пролетев над полом почти десять шагов, а не успевшая даже испугаться Виктория оказалась на руках Свена.

Лита сдержала едва не вырвавшийся из горла крик и, с удивлением поняла, что вскочила со стула и бросилась к своему ребёнку, словно ещё несколько минут назад её не везли в инвалидной коляске.

– Вики! О, боги! Вики, ты как! – Чарред вскочил и бросился к сидящей на руках повара девочке. – Тебя не обожгло? Я болван, я неуклюжий болван!

Виктория беззаботно улыбалась, глядя на разлившийся по полу её суп. Свен и Ута молча и мрачно смотрели друг на друга. Лита стояла посреди столовой.

– И что это было? – раздался голос Стрижевского. – Свен, Ута, что вы сейчас тут учудили? Летающие кастрюли, летающие люди. Я требую объяснений.

– Иван, постой, – ещё ничего не понимающий Чарред поднял руки. – Это моя вина, я опрокинул суп.

– А я про совсем другое спрашиваю.

Ута молчала, кусая губы и потупив взгляд. Свен, что-то негромко насвистывая, принялся подтирать разлившийся по полу суп.

– Эх, такая вкуснотища пропала, – задумчиво проговорил он, не обращая внимания на Стрижевского.

– Оставь всё это, сядь! – рывкнул на него Иван Сергеевич. – Я ещё раз спрашиваю, что это сейчас было, и как вы сделали это?

Повар посмотрел на рассерженного доктора, как-то загадочно усмехнулся и, не спеша, вальяжной походкой, подошёл к столу и сел рядом с Утой.

– Лита, сядь быстро!

Она так и продолжала стоять, во все глаза смотря на прижавшуюся к отцу малышку. Ещё бы чуть-чуть, и... Страшно подумать о том, что бы стало с девочкой.

– Сядь! – повторил Стрижевский – его голос от нарастающего волнения едва не сорвался на визг.

Лита послушно кивнула, спокойно сделал три шага и села на стул. Странно, ноги слушались и ступали, словно не было тех лет, проведённых в инвалидной коляске. Куда-то пропала тягучая боль, всегда пронзавшая спину во время таких упражнений.

– Иван, мы же не сделали ничего плохого, – тихо проговорила Ута, подняв взгляд на разбушевавшегося Стрижевского.

– Да, если бы не вы, ребёнок попал в больницу с ожогами, – уже более спокойно ответил тот. – Но то, как вы это сделали... Я в своё время достаточно чудес насмотрелся, так что прошу объяснить, что только что случилось.

– Рассказывай, – Свен бесцеремонно толкнул Уту в бок. – Давно пора было сделать это, а ты всё тянула, ждала подходящего момента. Так чем сейчас не подходящий момент.

– Ты прав... Лабек. Давно пора, – кивнула головой та, что взяла себе имя Ута. – Меня знают под именем Ли-та, а он, как вы уже поняли...

– Мы поняли, – прошипела Лита яростно, словно разъярённая кобра.

Лицо её побледнело, в глазах загорелось тёмное пламя нахлынувшего гнева. Рука схватила со стола нож для масла – какое-никакое, но оружие.

– Эй, эй, красавица, поостынь, – Лабек заметил это движение и погрозил пальцем. – Выслушай сначала, а потом с ножами бросайся.

– А я уже однажды наслушалась твоих речей, ублюдок.

– Лита, остынь! – снова рявкнул Стрижевский, да так, что нож сам выпал из её руки. – Пусть говорят, я догадываюсь, для чего они здесь. Чарред, ты тоже сядь и посади ребёнка, нечего столбом стоять.

Ута, точнее Ли-та, тёмная богиня, налила себе стакан воды из графина, залпом выпила. Было такое чувство, что она очень сильно волновалась. Странно конечно, ведомо ли богиням волнение, но рука, державшая стакан, немного дрожала. Не лучше выглядел и Чарред. Его прошлое «я» всплыло вдруг наружу, он на мгновение стал прежним, суеверным.

Его так и подмывало броситься перед сидевшими за их

столом богами на колени и пасть ниц. Лита была похожа на сжатую пружину – дай только повод, и она высвободит разрушительную энергию. Ножа в её руке больше не было, но он лежал рядом, едва касаясь барабанивших по столешнице пальцев. Лишь Свен-Лабек и Стрижевский казались вполне спокойными. Первый молча улыбался, второй сосредоточенно смотрел на богиню, ожидая рассказа.

– Нам нужна ваша помощь, – проговорила Лита. – Увиденное в Золотой книге угрожает жизням миллионов...

– Постой, но мы здесь причём? – перебила Лита. – Медальон больше не действует. И даже если так – чума уже была в Арриго, и не ты ли, милосердная богиня, подсказала посвящённому в Знание, как победить её. Что мешает сделать это снова? Или перевелись в общинах посвящённые?

– Ты правильно говоришь, – богиня вздохнула. – Чуму однажды победили. Но сейчас всё много сложнее. Вы нужны там – для этого мы освободили Лабeka. Он восстановит силу медальона.

– Что же сложного?

– Вы же понимаете, что для создания средства борьбы с болезнью нужно время. Но сейчас его не будет. Если раньше чума сама расползалась по Арриго, то сейчас ей помогут. Мстители из Азулахара разнесут её по всем городам, и она поразит империю в мгновение ока.

– Постой, ты думаешь, этим мстителям нужны горы трупов в городах? – Стрижевский покачал головой. – Я не ду-

маю, что их цель – тотальное уничтожение всего живого. Наверняка они хотят заполучить в свои руки власть.

– Ты прав. Спасая от смерти, они приобретут множество сторонников и в Арриго, и за горами, и даже на Острове. И не будет той силы, которая сможет остановить их. Кроме вас.

– Нас?! Стоп, стоп. Зачем мы нужны вам? Вы же боги. Мановение руки – и злодеи наказаны, умирающие выздоровели, и все опять живут долго и счастливо.

– Мы не можем так вмешиваться в жизнь цивилизации. Есть правила, которые ограничивают нас. Создатель всего сущего хочет, чтобы человек жил своим разумением.

– Даже если это разумение ставит его на грань гибели?

– Да. Если цивилизация довела себя до такого – она не имеет право на существование. Так что мы не можем мановением руки остановить Нишерле и Бэудишу – юношу и девушку, от которых сейчас зависят судьбы миллионов. Такая попытка плохо для нас кончится. И не только для нас. Но мы можем помочь, отправившись вместе с вами под личиной простых смертных.

– О, господи! – Стрижевский схватился за голову. – Что за бред такой?! Какие-то правила, ограничения. Ещё расскажите о том, что пошатнётся равновесие, и мир низвергнется в хаос. А чтобы не пошатнулась равновесие, просто необходимо послать на борьбу с заразой доктора Стрижевского. Больше некого...

– Раз уж вы ввязались в эти игры по самые уши, то больше некого, – усмехнулся Лабек.

– Мы ввязались?! Кто подсунул Давыдову медальон?! Не ты ли? И не говори, что сделал это из благородных побуждений.

– Иван, он уже понёс за свои выкрутасы наказание, – заметила Ли-та. – И кто, кроме вас, достоин вновь преодолеть грань миров? Да и, думаю, друзей не прочь увидеть?

– Вот уж спасибо за оказанную честь, – пробурчал Стрижевский, немного успокоившись. – А насчёт друзей – права.

Он устало упал на стул, отёр пот со лба. На его спокойном лице не читалось ничего, кроме усталости, но Лита чувствовала, как ликует и поёт душа. Они встретились взглядами, и в его глазах блеснули задорные искорки. Казалось, что он сейчас вскочит и крикнет: «Собирайтесь! Мы идём в поход! Мы идём в бой!». И сама она едва не задохнулась от нахлынувшего восторга. Увидеть отца, поговорить с ним, извиниться – вот то, о чём мечтала она все эти годы. И даже опасность, что жива память о её деяниях, что ещё есть те, кто жаждет отомстить, не остановят её.

– Даже не думай, – сказал вдруг Чарред.

– Что? – не сразу поняла она.

– По глазам вижу – ты хочешь туда. Но забудь, я не отпущу тебя. Во-первых то, что ты смогла сделать от страха несколько шагов, не означает, что ты начала ходить. Во-вторых, ты нужна ребёнку. В-третьих – там опасно для тебя.

– Боюсь, друг Чарред, тебе придётся отпустить жену, – без тени усмешки, с совершенно серьёзным лицом, проговорил Лабек. – Она читает Золотую книгу, а это главный козырь в наших руках. Уж извини, но тебе некоторое время придётся нанять Victорию одному. А я обещаю вернуть тебе Литу в целости и сохранности.

– Но она едва ходит!

– Она уже ходит, – Ли-та улыбнулась.

– Но... а как же мы? – губы Чарреда дрогнули, он взял на руки Victорию и крепко обнял её.

– Я вернусь, Чарред, – ласково проговорила она, положив на его руку свою. – Пойми, я должна искупить то, что совершила. Именно ради этого момента мне сохранили жизнь. Я должна платить по счетам.

– Когда вы уходите? – его голос совсем сник.

– Папа, – Victория дёрнула его за воротник. – Маме надо идти. А мы подождём.

– Нескоро, – ответила Ли-та. – Всё зависит от того, как быстро подготовится наш дорогой доктор.

– И опять на мне свет клином сошёлся, – проворчал Стрижевский и достал из кармана рубашки телефон. – Алло, здравствуй. Снова я... Нет, всё в порядке. Свен и Ута? Тоже в порядке, всё замечательно. Звоню вот по какому поводу, только прошу – не удивляйся и не расспрашивай ни о чём. Это касается всё той же страшной тайны. Мне нужна противочумная вакцина и антибиотики... Да, для курса лечения

чумы... Я не помню, вроде тетрациклин и стрептомицин... Тебе виднее... Сколько? – он посмотрел на Уту. – Думаю, много. Перезвонишь? Хорошо. До связи.

– Ну, – подал голос Лабек.

– Что – ну? Думаешь, всё так быстро? Недель через пять привезут. Я вот только не знаю, захочет ли отправляться с нами Николай. Он дедом стал, наверняка предпочтёт по-нянчиться с внуком.

– Пусть остаётся, – Ли-та улыбнулась. – Он сможет навещать друзей, когда всё плохое останется позади.

– К чему эта спешка, Фахтар?! – кричал Гунэр вслед выходявшему из Золотого зала наместнику. – Ты же говорил – зимой?!

– Гунэр, не ори, голова и так болит, – тот обернулся, сморщил багровое от выпитого вина лицо в пренебрежительной гримасе. – Чем тебе сейчас не зима? Сам видишь: холодные ветры перебрались через горы и убили жару. Старики говорят, до следующего лета жары не видать. Так что солдаты выступают сейчас. Чем быстрее мы добудем золото, тем лучше для нас. Кстати, – он вдруг растянул губы в широкой, донельзя гадкой улыбке. – Я Нирмалу с собой заберу. Так что придётся тебе без неё обходиться. Заведи себе другую девку или... кхм, как-нибудь сам.

Фахтар заржал, похлопал по плечу заулыбавшегося стражника и вышел прочь, оставив Гунэра сжимать кулаки в бесильной ярости.

«Ублюдок. Грязный, пропитой ублюдок», – прошептал Гунэр. – «Думаешь, ты делаешь мне больно, забирая мою женщину? Ты глуп и наивен. Себе на погибель ты делаешь это. Что ж, может ты и прав, отправляясь в Азулахар не дождавшись зимы. Не придётся больше терпеть здесь твоего присутствия».

Гунэр встал с кресла. Надо пройтись, погулять в саду,

в тишине, подальше от толпы сброда, которых Фахтар важно называет придворными. А потом проведать Нафаджи. Теперь то он догадался, почему его не было на совете. Наверняка его заставили заниматься сбором войска.

Оправив на себе одежду, он быстрым шагом направился к дверям. Подошвы тяжёлых солдатских сапог гулко стучали по излучавшему золотистое сияние мрамору пола, тревожа эхом своды зала. Стражники распахнули перед ним створки – один из них всё ещё ухмылялся, вспоминая пошлую шутку Фахтара. Но, едва встретившись взглядом с глазами Гунэра, сразу перестал улыбаться и побледнел, словно мел.

– Передашь командиру, чтобы он послал тебя чистить конюшни. На семь дней, – спокойно произнёс Гунэр.

Когда он ушёл, у несчастного стражника вырвался вздох облегчения – легко отделался. А ведь могли убить голыми руками. Как Машада.

Коридоры дворца оказались полны народа. По делу и без дела шли люди: слуги, спешившие выполнить приказ господ, советники разных рангов, собирающиеся на очередные посиделки, их наложницы, прогуливающиеся у фонтанов и обсуждающие чью-то новую игрушку из Сури-Ланатаби. Откровенно скучающая стража без зазрения совести пожирала глазами едва прикрытые полупрозрачной одеждой прелести и предвкушала ночное развлечение с жрицами любви в своей казарме. Гунэру опротивела эта толпа. То, от чего он бежал из святилища Тэхо, вновь оказалось рядом. Как все они

похожи – жрецы Тэхо, советники, стражники – все жаждут вкусной, обильной еды, плотских утех и золота. Быстро, пока его никто не заметил, он свернул на одну из малоприметных лестниц в ответвлении коридора.

Сад встретил Гунэра приятной прохладой. Иссущающая летняя жара растаяла под напором северного ветра, в кои-то веки возжелавшего преодолеть Пограничные горы и навещать Арриго. Теперь любое путешествие станет более безопасным, а крестьяне перестанут жаловаться на нехватку воды на полях.

На дорожках было пусто – в это время все крутились в помещениях дворца, по привычке пережидая время, когда на улице свирепствует дневная жара. Тем лучше. Ноги сами понесли его к небольшому пруду с лотосами в глубине сада. Окружённый кустами аарской розы, он был просто идеален для тайных встреч. Именно здесь встречались они с Нирмалой... Нирмала?! Сквозь кусты донёсся тихий плач. Ноги сорвались на бег. Гунэр пробежал извивающуюся змейкой дорожку между стен из розовых кустов и выбежал на берег пруда.

– Нирмала?

Сидевшая на скамейке в беседке, закутанная в шёлковую шаль женщина подняла голову, вытерла струйку крови над верхней губой и ласково улыбнулась.

– Не ожидала тебя увидеть здесь в этот час.

– Что с тобой, Нирмала? Это снова Фахтар?

Она молча кивнула.

– Я убью эту скотину, – прорычал Гунэр. – Прямо сейчас.

– Сядь рядом. Не делай глупостей. Всё будет сделано так, как мы задумали. Осталось терпеть совсем немного.

– У тебя нос припух, – бывший телохранитель вздохнул.

– Он всё утро смеялся, рассказывая, как тебе плохо придётся без меня. А потом двинул сначала в нос, а потом под грудь. Несильно.

– То-то у тебя кровь из носа течёт.

– Совсем немного. Она то перестаёт, то опять капает.

– Посидишь со мной?

– Только недолго, любимый – завтра выступаем, а мне ещё самой собираться надо и Фахтара собирать.

– У него же слуги?!

– Очередная его прихоть...

– Не прихоть это, а сволочь он. Делает всё, чтобы не дать нам побыть вместе.

Тс! Она приложила палец к его губам и легла, свернувшись калачиком, положив голову на его колени. Гунэр откинулся на спинку скамьи и закрыл глаза. Нет, когда всё закончится, он не останется здесь. Он возьмёт Нирмалу и убежит на север, поближе к горам, туда, где его никто не найдёт. Хорошо бы построить себе домик в уединённом месте, завести кур и коз, огород. И жить так до самой старости. И забыть навсегда, как держать в руках меч и натягивать тетиву лука.

Он не заметил, как лёгкий, безмятежный сон накрыл его

своим покрывалом. А когда проснулся, Нирмалы уже не было рядом, лишь на губах ощущался лёгкий привкус розовых лепестков.

Солнце клонилось к закату. Ещё немного, и его жёлто-красный диск спрячется за крепостные стены, и сад окутают ранние сумерки. Пора возвращаться. Да и Нафаджи не помешало бы разыскать. Гунэр встал со скамейки, потянулся и направился к казармам.

Нафаджи нашёлся в расположенной при казарме кузнице. Бывший темежин сидел на деревянном чурбаке рядом с наковальней, где стояла явно початая бутылка вина и плетёная тарелка с резаным хлебом и козым сыром. Напротив, в топке кузнечной печи ещё алели горячие угли. Нафаджи, подперев голову рукой, задумчиво отщипывал от куска хлеба крошки и небрежным щелчком отправлял их в топку, где они разом сгорали, наполняя воздух кузницы запахом пережжённых сухарей.

Гунэр пробежался пальцем, словно по струнам, по висевшим на торчавших из стены рогульках железным полосам-заготовкам. Железяки издали мелодичный, чистый звон, который свойственен хорошей, прокованной стали, как раз подходящей для острых клинков.

– Присаживайся, Гунэр, – Нафаджи даже не повернул голову.

Он протянул руку к стеллажу со склянками, в которых хранили различные добавки и флюс, нашёл пустую, чистую.

Поставил её на наковальню и налил вина.

– Выпей.

Бывший телохранитель прихватил попавшийся по пути колченогий табурет и сел рядом. Залпом выпил налитое – вино оказалось крепким и слишком кислым. Дешёвое пойло, которое любят солдаты. Пришлось закусить хлебом и сыром, чтобы перебить неприятное послевкусие.

– Ты невесел, Нафаджи. И пьёшь отраву.

– От него хмель быстрее в голову ударяет, – мрачно ответил товарищ.

– Не хочешь в Азулахар?

– Не хочу. Я представляю, что собирается устроить там Фахтар – все солдаты только и говорят, как они доберутся до Асула и хорошенько развлекутся с женщинами, а из мужчин сделают мишени для стрел. А ещё говорят, что им разрешат награть столько добра, сколько они смогут унести. Разве это та армия, которую мы воспитывали?! То, что я вижу сейчас – свора опьяневших от крови гиен!

– Времена меняются, Нафаджи. Каков правитель, таковы и его солдаты. Именно поэтому ты должен быть рядом с Фахтаром. В твоих силах остановить его, если он вдруг решит устроить в несчастном Азулахаре резню.

– А ещё ты хочешь попросить меня присмотреть за Нирмалой, – лицо Нафаджи, наконец, озарила лёгкая улыбка. – Фахтар сболтнул про ваши отношения. Мне жаль, Гунэр, но здесь я едва ли смогу чем-то помочь. Уж точно не смогу

вытаскивать её каждую ночь из постели этого старого ублюдка.

– Я этого и не прошу, – Гунэр скрипнул зубами. – Просто посмотри, мало ли что.

– Хорошо. Только не знаю, какой от этого будет прок, – Нафаджи наполнил стаканы и, не дожидаясь друга, выпил, поморщился. – Я завидую тебе, ты и Нирмала нашли друг друга. Есть, конечно, между вами препятствие, но... – бывший temeжин заговорщицки подмигнул и перешёл на шёпот. – Но оно легко устранимо. Знаешь, друг. Я сделаю это, чего бы то ни стоило. Для тебя и Нирмалы. Пусть хоть вы обретёте счастье в этом проклятом мире. А моё дело уже конченное...

– Ты что?! Перепил вина?! – горячо зашептал Гунэр, оглядываясь на дверь – сюда вполне мог кто-нибудь зайти. – И думать забудь. Если ты сделаешь это, тебя на месте разорвут.

– Да и пускай, тем лучше.

– Возьми себя в руки, дружище, – Гунэр несильно потрянул его за плечи. – Лита далеко, и ты её никогда не увидишь – смирись, заживи новой жизнью. Вокруг столько красивых женщин, неужели ни одна из них не подойдёт тебе.

– Есть женщины, не спорю. Но большинство из них – пустышки. Ты ей рассказываешь о море и звёздах, а она тебе про то, какие красивые украшения у кого-то там, и что она хочет такие же.

Нафаджи горько вздохнул и разлил ещё по чуть-чуть.

– Завтра утром выступаем, – тихо проговорил он. – Я сделаю это для тебя, Гунэр. И не пытайся меня отговорить.

Бывший телохранитель поднял склянку и залпом выпил вино. Всё идёт кувырком. В их с Нирмалой тщательно продуманный план вмешалась третья сила – разочаровавшийся в жизни Нафаджи. Уговаривать его, просить, умолять – совершенно бесполезно. Рассказать? Гунэр едва заметно поморщился – нет, нельзя. Нафаджи сейчас пьян и едва ли сможет правильно воспринять полученное известие. Пусть лучше он пребывает в неведение относительно их планов. А вот Нирмалу предупредить стоит. Пусть знает, что у неё может появиться неожиданный помощник. И пусть действует по своему усмотрению. Вот только, его в тот же миг осенило – она начнёт спешить, не захочет, чтобы Нафаджи опередил её.

– Пойдём, Нафаджи, – Гунэр встал и хлопнул друга по плечу. – Тебе надо выспаться, чтобы проснуться завтра со свежей головой.

– Иди, я ещё посижу немного, – упрямо мотнул тот головой.

Гунэр настаивать не стал.

Покои наложниц Фахтара находились в том же самом месте, где когда-то жили саджихэ. Уединённый, закрытый от посторонних глаз, уголок. Немногим дозволялось входить сюда – бдительная стража день и ночь стерегла покой женщин наместника. Старожилы-слуги удивлялись – такой стро-

гости не было даже при прежних правителях. На лакированную, украшенную росписью из цветов и трав дверь поставили замок, ключ от которого был лишь у Фахтара и гвардейца-караульщика.

Гунэр был одним из немногих, кто мог приказать открыть эту дверь. Не слишком страдавшему от ревности наместнику было всё равно, что делает в гареме его помощник. И бывший телохранитель без зазрения совести пользовался этим для свиданий с Нирмалой.

– Открой дверь, – привычно приказал он стоявшему на страже джаурсину.

– Простите, господин. Приказ наместника Фахтара – не впускать никого, кроме доверенных слуг, – немного покраснев, ответил тот.

– Ну, уж на меня такой приказ не распространяется, – решил перетянуть напролом Гунэр, хотя сомневался, сможет ли убедить в этом офицера. – Ты же знаешь, кто я.

– Наместник приказал ни в коем случае не впускать вас и господина Нафаджи, – тихо проговорил гвардеец.

– Пусти, – бывший телохранитель сурово сдвинул брови.

– Простите, не могу. Меня накажут, если я сделаю это.

Проклятье. Гунэр наградил стражника испепеляющим взглядом, но не стал рваться в дверь силой, хотя ему не составило бы большого труда размазать мальчишку по стенке. Не его вина, парень лишь исполняет приказ. Ублюдок Фахтар знал, что делал. И ладно. Завтра утром, когда во дворце

начнётся неразбериха, он встретится с Нирмалой. Ему хватит и мгновения, чтобы передать весть о Нафаджи.

Дворец встретил восход солнца нетерпеливымфырканием лошадей, криком недовольных своей поклажей вычужных ослов и руганью невыспавшихся погонщиков. Светопреставление началось.

Гунэр поморщился – куда как приятнее просыпаться под пенье птиц в парке. Потянувшись так, что жалобно захрустели суставы, он бодро поднялся с постели и нагишом поспешил в ванную комнату, где в бронзовой купальне, с вечера, его ждала вода. Бывший телохранитель никогда не нежил себя, как Фахтар, горячими ваннами. Он предпочитал воду похолоднее.

Не моргнув глазом, он влез в прохладную воду. Разом улетучились остатки сна, в голове прояснилось, а тело налилось звенящей бодростью. Несколько раз погрузившись с головой, Гунэр выбрался из ванны и принялся энергично растирать себя полотенцем. Несмотря на спешку, он выполнил свой обязательный утренний ритуал. Быстро одевшись, он лишь прихватил с собой вместо завтрака ветку мелкого, жёлтого винограда.

Коридоры и лестницы дворца гудели от множества голосов. В этот ранний час Фахтар поднял на ноги всех, кого только смог. Слуги, советники, даже наложницы – хотя брал он с собой лишь Нирмалу – шатались по коридорам и комнатам кто с делом, кто так, создавая вид занятого человека.

Главное, чтобы наместник видел, что никто не бездельничает.

Мимо Гунэра торопливо прошла вереница слуг, несущих сундуки. Тот удивленно проводил их взглядом – куда столько барахла? Фахтар собирался в военную экспедицию или решил вывезти свой гарем на прогулку? Следом прошёл и сам Фахтар в сопровождении свиты советников и темежинов. Заметив Гунэра, он на мгновение остановился, подумал и махнул тому рукой, приглашая проследовать за ним. На лице его в этот момент не было язвительной улыбки, а глаза казались серьёзными, поэтому Гунэр присоединился к свите. Краем уха слушая указы правителя на время своего отсутствия, он всё время думал о Нирмале и едва не врезался в спину Фахтара, когда тот вдруг резко остановился.

– Гунэр, – он повернулся к нему. – Я обо всём уже распорядился, список указаний в твоём кабинете на столе. Посмотри, но старайся ничего сам не изобретать. Просто контролируй выполнение.

– Хорошо, – машинально ответил бывший телохранитель, не придумав ничего лучшего.

– Вернёмся мы месяца через три, думаю, – продолжал Фахтар. – Не знаю, как дело пойдёт, но этого срока должно хватить.

Гунэр кивнул.

– Какой-то ты сонный, – на лице наместника вдруг проявилась хорошо знакомая гадкая улыбка. – Не пустили тебя

вчера? Бедняга. Ладно, можешь попрощаться с Нирмалой – она на площади, прощается с подругами. Через три месяца я отдам её тебе. Навсегда.

Гунэр едва заметно поклонился и поспешил оставить Фахтара и его свиту.

– Да и вы идите, – отмахнулся наместник от советников. – Я всё сказал.

Оставшись один, он долго провожал взглядом спускающегося по лестнице Гунэра. Гадкая улыбка не сползала с его лица, пока он смотрел, как тот бежал вниз, перепрыгивая через несколько ступенек, спеша на встречу с возлюбленной.

– Ты получишь её. Навсегда, – улыбка превратилась в злобную гримасу. – Сначала одну руку, потом другую. Левую ногу. Правую ногу. Голову. И тогда ты не захочешь больше жить и убьёшь себя сам. А я останусь чистым, потому что не пролью твоей крови. А Нафаджи... Кстати, где этот болван?! С него станется среди солдат у парома торчать, когда он здесь нужен.

Гунэр выбежал на площадь перед парадным входом дворца и на мгновение замер, растерявшись. Народу было – не протолкнуться. Личная охрана наместника – здоровенные лбы, набранные из головорезов Машада, отирались рядом с казармами. Неподалёку от них запрягали лошадей в повозки с припасами. Тут же суетился сам Аргатру, уча конюхов совмещать конную тягу с его новыми творениями – бронзовыми, литыми пушками, лежащими на добротном колёсном

лафете.

Это появилось с лёгкой руки одного из «Ушедших». Будучи человеком чересчур болтливым, он за стаканчиком вина нарисовал Аргатру это чудо и объяснил его устройство, в одно мгновение сделав сокрушившие стены Аррикеша бомбарды безнадёжно устаревшими. Новые игрушки пушкаря оказались дальнобойнее, надёжнее и точнее. А начинённые зельем ядра позволяли крушить ряды врага.

В центре площади стояла дорожная карета Фахтара – монументальное сооружение, больше похожее на небольшой домик. Эту громадину тащила восьмёрка лошадей-тяжеловозов. Не отличавшиеся быстротой, они могли тянуть такую ношу хоть весь день. Странно, что наместник оказался не в пример изнеженнее нихайи. Та не гнушалась путешествовать в седле, преодолевая огромные расстояния. Оправданием служило лишь то, что спешить особо было некуда – куда денется несчастный Азулахар. Разве что песок поглотит его раньше времени.

Вокруг кареты собрались те, кто был зазря разбужен Фахтаром. Устав создавать иллюзию сильной занятости, они решили провести утренние часы в компании красавиц из гарема наместника. Да и женщины гарема оказались на площади по тому же недоразумению. Пришлось идти провожать Нирмалу – какое-никакое, а развлечение.

Гунэр решительно направился в толпу придворных. Поговорить с Нирмалой нужно немедленно, пока Фахтару

не стрельнуло в голову передумать и запретить им проститься. Его совсем не смущало, что такое количество глаз увидят их вместе. К чему скрываться, тем более сейчас, если об их отношениях наверняка давно знает весь дворец.

Увидев мрачного Гунэра, весело щебетавшие мужчины и женщины разом смолкли, расступились, пропуская к карете, рядом с которой стояла Нирмала. Его боялись. Вокруг него всегда витал мистический ореол страха, раздуваемый историями и слухами об его прошлом. Одно убийство Машада чего стоило.

Сам он давно перестал обращать внимание на то, как от него шарахаются люди. Боятся – и пусть. Ему совсем не важно ни мнение, ни отношение этой разряженной, глупой толпы. Большинство из них выбилось во власть из неграмотных, недалёких босяков благодаря Фахтару и его приближённым.

– Нирмала, – позвал Гунэр говорившую с чиасирой женщину. – Фахтар любезно разрешил нам с тобой проститься.

Он обнял её за плечи, прижался щекой к щеке. Лишь на мгновение, ровно на столько, чтобы стоявшие вокруг люди посчитали это прощание приличным, дружеским. Но он успел шепнуть ей на ухо:

– Нафаджи хочет убить Фахтара. Будь осторожна.

Оба сделали шаг назад, церемонно поклонились друг другу. «Я всё поняла, я постараюсь опередить его, иначе он и с делом не справится и себя погубит», – говорили её глаза.

Гунэр повернулся и, не оглядываясь, пошёл обратно во дворец.

Громко взревели трубы из сияющей под лучами восходящего солнца меди. Развернулись над головами гордые знамёна – обрамлённое чёрной каймой с золотыми письменами из священных книг синее поле, и белая, танцующая птица на нём, словно аист над синей гладью озёр. Высокие, несокрушимые створки дворцовых ворот распахнулись, открывая дорогу на длинную, идущую к городским воротам, улицу.

«Трогаемся!» – раздалась зычная команда высунувшегося из окна кареты Фахтара, и колонна стронулась с места. Застучали по камню мостовой подковы, заскрипели колёса. Город встретил выступающего в поход правителя сонной тишиной. Спешащие по поручениям слуги из близлежащих к дворцу домов вжались в стены, пропуская блистательную кавалькаду. Лениво, не торопясь, открывались ставни на окнах. Заспанные лица провожали правителя недоуменными взглядами.

О предстоящем походе Фахтар не очень то распространялся, поэтому мало кто представлял, куда направляется наместник. Правда, когда на глаза попались начищенные до немыслимого блеска пушки, многие решили, что ему предстоит не простая прогулка, а серьёзное, может даже опасное, предприятие.

Карета, подвешенная на мягких, ременных рессорах, рас-

качивалась на каждом ухабе, словно лодка на волнах. Это было, конечно, намного лучше, чем если бы каждый камень мостовой отдавался ударом через сиденье в зад, но отряд наместника не успел преодолеть и половины пути от ворот дворца до городских ворот, а Нирмале очень хотелось свеситься из окна кареты и распротиться со съеденным завтраком.

– Тебе нездоровится? – улыбаясь, спросил сидевший напротив Фахтар. – Или моя новая карета тебе не нравится?

– Слишком качает, – глубоко вздохнув, чтобы сдержать тошноту, ответила Нирмала.

– Ничего, скоро привыкнешь. Иди, ляг, полегче будет.

Женщина упрямо мотнула головой и осталась у окна. Она уже не помнила, когда в последний раз выбиралась за стены дворца, ставшего её золотой клеткой. И теперь глаза жадно смотрели на медленно проплывавшие мимо дома, расположенные на первых этажах постоянные дворы и лавочки, торгующие всякой всячиной, на лица людей, провожающих карету удивлёнными взглядами.

– Жаль, мост только начинаем строить, – разглагольствовал Фахтар. – Широкая река, тяжело придётся, много времени пройдёт, прежде чем будем переходить на тот берег посуху. Так что пока придётся на пароме. Эй, ты хоть слышишь меня, или всё о Гунэре думаешь? Если что-то надумаешь – скажи. Я постараюсь его заменить, – он засмеялся, довольный своей шуткой.

– Нет, дорогой мой, – едко улыбаясь, проговорила Нирмала. – У тебя вряд ли получится заменить Гунэра.

– Посмотрим, – тот, похоже, ни сколько не обиделся, а лишь немного раззадорился вызовом.

Она вновь отвернулась к окну. Перед глазами опять медленно следовал ряд домов – серый камень, двери, выкрашенные, в большинстве своём, дорогой синей краской. Кое-где встречались ухоженные палисадники, радующие глаз цветами. Народу становилось больше – непостижимым образом слухи успели обежать полгорода, пока удерживающая остальных карета Фахтара плавно плыла над мостовой. Уже были слышны приветственные крики, и Фахтар высунулся из окошка. Крики тут же переросли в восторженный рёв – босоногая толпа любила наместника, такого же, как считали они, простого мужика, как и любой из них.

Нирмала услышала мелодичный звон рассыпавшейся по камням мелочи. Правитель, как всегда, взял с собой увесистый мешочек медяков, чтобы порадовать голодранцев. Что ж, теперь они будут любить его ещё больше, особенно после пары стаканов крепкого вина.

Город остался позади. Мимо глаз Нирмалы проплыли окованные стальными полосами ворота из горного дуба, и началось поле, поросшее изумрудно-зелёной, сочной травой. Свежий ветер из-за реки налетел упругим потоком, бросил в глаза поднятую с земли пыль. Женщина зажмурилась, выругавшись, что пропал её труд – она целых полчаса по-

сле пробуждения посвятила своей причёске. А потом глубоко и с удовольствием вдохнула воздух. Ветер-хулиган принёс с собой ни с чем не сравнимые ароматы степного разнотравья.

Карета остановилась неподалёку от берега реки. Фахтар поднялся с сиденья, кряхтя потянулся, и вышел через расположенную в задней стенке дверь. Нирмала, подумав, что ещё успеет насидеться, последовала за ним.

– Нафаджи! Где ты?! – сразу закричал наместник. – Давай сюда быстрее!

Женщина вышла из кареты, огляделась. За её спиной несла свои спокойные воды Ярана, слева шагах в пятистах выше по течению, поднимались ввысь стены города. А справа, рядом с грудой камня, которая должна была превратиться в мост, расположились ряды построившихся для смотра солдат.

Нафаджи нарочито медленно, не спеша, шёл вдоль строя к начинавшему терять терпение Фахтару. На лице наместника заходили желваки, ему так и хотелось хорошенько наорать, но он не стал делать этого при солдатах. Нафаджи они уважали и любили, особенно те, кто прошёл с ним по дорогам прошедшей войны.

И бывший темезин без зазрения пользовался этим. Издевательски улыбаясь, он остановился около какого-то солдата, лицо которого показалось знакомым. Панибратски хлопал его по плечу и продолжил неспешно шагать к стояв-

шему в полусотне шагов от него наместнику.

– Обязательно выпендриваться? – крайне недовольно, но тихо спросил Фахтар, когда тот приблизился.

– Войско готово выступать. Снаряжение и провизия погружены, паромы ждут, – доложил Нафаджи, проигнорировав замечание.

– Хорошо, – правитель немного отмяк. Он знал, что если Нафаджи докладывает, что всё в порядке, значит всё действительно в порядке. – Давай тогда наперво перевези меня и стражу – не хочу на этом берегу торчать.

– Как скажешь, – пожал плечами Нафаджи.

Копыта коней и колёса кареты загрохотали по тяжёлым деревянным сходням, соединявшими берег с паромом. Огромный деревянный плот покачнулся, и возникшая волна плеснула на берег, едва не промочив туфли подошедшей к кромке воды Нирмалы. Запах воды и тины на мгновение достиг её носика, она поморщилась и сделала шаг назад.

– Эй, поднимайся, хватит там ноги мочить, – окликнул её Фахтар с борта парома.

Нирмала бросила на господина мрачный взгляд и поспешила выполнить его приказ. Она не Нафаджи, с ней он церемониться не станет, отлает распоследними словами и перед советниками, и перед строем солдат.

– Нашла время лягушек рассматривать, – бурчал наместник. – Ещё успеешь, пока солдаты переправляются.

Наложница проигнорировала его слова, а тот махнул ру-

кой. Расторопные слуги уже успели соорудить на плоту небольшой столик с закусками, и успевший проголодаться Фахтар поспешил присесть рядом. Подцепив золочёной вилкой тонко нарезанное варёное мясо, он отправил его в рот, смакуя, прожевал кусок, запив его вином из кубка.

– Есть то будешь? – удосужился он спросить Нирмалу, но та, встав около борта, лишь покачала головой.

Рабочие убрали сходни, взялись за шесты, которыми оттолкнули плот от берега. Тот час закрипел ворот, перебиравший толстенный, соединяющий два берега канат. Паром дрогнул и медленно поплыл через реку. Под днищем захлопала, заплескалась вода. Вновь почувствовался запах тины, но на этот раз гораздо слабее, чем около берега.

Нирмала облокотилась о поручни и, наклонив голову, смотрела на воду, да так пристально, словно хотела что-то высмотреть в глубине. Мутная от ила река подсвечивалась лучами восходящего солнца. Лучи наискось прорезали воду, изредка отражаясь серебристыми бликами на чешуе проплывающей рыбёшки.

Отсюда была видна верхушка громады дворца. Огромное здание, облепленное террасами и увенчанное шпилями, показалось настолько далёким, что защемило сердце. Гунэр остался в золотой клетке. Что ждёт их? Нирмала на мгновение скосила взгляд на Фахтара. Убить этого борова не составит труда. Гораздо сложнее будет самой остаться после этого в живых. Она вздохнула. Хорошо хоть времени более чем до-

статочно. Наместник хотел обернуться за три месяца – этого вполне хватит.

С оставленного берега донёсся грохот копыт и колёс по доскам, крики людей, чьи-то команды – Нафаджи начал загружать оставшиеся три парома. Ещё мгновение, и битком забитые плоты отчалили от берега и двинулись следом за первым.

Паром ткнулся в берег, и Нирмале пришлось крепко ухватиться за поручни, чтоб удержаться на ногах. Загремели спускаемые на берег сходни.

– Давай в карету, – окликнул Фахтар.

Щёлкнул кнут, и карета, немилосердно раскачиваясь, съехала на берег и начала взбираться на холм.

– Сейчас остановимся там, где несколько лет назад стояла армия, штурмовавшая Аррикеш, – любезно сообщил Фахтар. – Жаль, меня тогда не было здесь. Госпожа оставила меня в своей столице – в Изарафахе...

– А бывшие здесь темежины покрыли себя неувядаемой славой, – продолжила Нирмала, вложив в свои слова как можно больше яда.

– Ну, покрыли, – легко согласился наместник, ни сколько не обидевшись. – Моя задача была не менее важна, так что я не считаю себя обделённым. И, кстати, ни на меня ли оставила госпожа Арриго до своего возвращения?

– Но она не вернётся. Значит ли это, что ты будешь править до своей смерти?

– У, ты! Сплюнь, не поминай, – Фахтар поморщился. – Сколько смогу, столько и буду править. Мне приказали, а я выполняю приказ.

– Ну, а кто будет править после тебя?

– Мои наследники, – наместник и глазом не моргнул. – К чему ты эти разговоры завела?

– Ни к чему, – буркнула Нирмала и поспешила выйти из остановившейся кареты.

Фахтар, улыбаясь, проводил её взглядом. Потом взял из корзины яблоко, отрезал кинжалом небольшой кусок и отправил его себе в рот. Старый лис чувствовал – что-то с девочкой происходит. Уж не решилась ли она отправить его на тот свет, коль заводит такие разговоры.

Интересно, как она собирается сделать это, если конечно собирается? Взгляд его упал на сундучки и дорожные мешки, принадлежавшие наложнице. Стоит проверить. Пузырёк с ядом или отравленное оружие – самое вероятное из того, что можно найти, задумай Нирмала злодейство. И если что-то такое окажется в её вещах – глупой девке несдобровать. Придётся вернуть её Гунэру много раньше. По частям.

Женщина спустилась по склону холма к берегу реки и очутилась на окружённой кустами небольшой прибрежной полянке. Пара солдат из гвардии Фахтара увязались следом. Непонятно для чего – следить или охранять. Нирмале было всё равно. Пусть делают, что хотят, только не мешают. Она бросила взгляд на паромы. Первый уже спешил к противо-

положному берегу, три других, начавшие движение немногим позже, заканчивали высаживать солдат.

– Вот, здесь это было, – раздался голос одного из гвардейцев.

– Лазутчиков убили то? – переспросил другой. – Как уж их там, которых Магадхи послал?

Нирмала услышала эти слова, напряглась – она никогда точно не знала, как погиб её брат. Но вот сейчас всё должно проясниться, если только речь идёт не о других людях Магадхи.

– Да вроде Тесава, Ниасар и Диура, – подумав, сказал первый. – Личности то известные.

Они! Брат и его товарищи! Женщину так и подмывало броситься к гвардейцу и встряхнуть из него всё, что он знает о брате. Но она замерла, смотря немигающими глазами на реку, слушая рассказ.

– Я тогда был в телохранителях госпожи, а нами Гунэр командовал. И вечером, когда мы пришли к реке, она вместе с чиасирой на берег сбежала без нас. Эх, тогда те, кто зеванул, нескольких зубов не досчитались. У Первого тяжёлая рука. Побегали искать. А здесь, на берегу уже три трупа – двое убийц и служанка. И госпожа стоит, а перед ней Тесава, готовы оба с саблями друг на друга броситься. Не дали мы им силой помериться. Гунэр сразу приказал из луков бить. Эх и напиговали мы убийцу, стал на дикобраза похож. Гунэр потом собственноручно трупам головы отрубил и Магадхи

отправил...

Нирмала почувствовала ком в горле. Он душил, вызывал боль. Хотелось плакать, но она не могла. Слезы умерли внутри неё. Не смотря на сопровождавших солдат, она бросилась со всех ног назад, к карете. Не может быть! Это какое-то нелепое совпадение. Гунэр и Тесава – мужчины, каждого из которых она по-своему любила, оказались смертельными врагами. И один убил другого. Пусть не своей рукой, но именно он отдал такой приказ.

Нирмала не заметила, как добежала до кареты, не заметила расставленный навес и стоявшие под ним кресла. Она упала на землю, прижавшись спиной к колесу, и закрыла глаза.

– Иди сюда, чего там расселась, – недовольно позвал её Фахтар.

Но наложница не услышала его голоса. В голове вновь и вновь звучал тот короткий рассказ гвардейца, сразу изменивший в ней всё. Что же теперь? Что теперь будет, Гунэр? Моя любовь и моя ненависть к тебе выжгут мой разум. Но я сдержу слово – Фахтар умрёт. А потом я буду твоя, а ты мой... до самой смерти.

Зелёные поля и фруктовые рощи сменила бескрайняя, ровная, словно стол, степь. В этот год благодатная прохлада не дала безжалостному солнцу выжечь её травы и цветы, и вот уже который день армия Фахтара шла через благоухающее мёдом разнотравье. И люди, и лошади с наслаждением

вдыхали этот сладкий, бодрящий аромат, не дававший усталости овладеть телами.

Весёлое настроение ни на минуту не покидало солдат. Тот тут, то там заводились походные песни, перемежавшиеся пристойными и непристойными шуточками. Даже Фахтар поддался всеобщему веселью. Теперь днём он обычно вышлся на коне среди офицеров, сам травил шутку за шуткой, слушал других. Порой, со стороны могло показаться, что наместник просто вышел на прогулку, а не отправился в карательный поход.

Немного оттаял и почувствовавший свежий, степной воздух Нафаджи. Он уже не ехал в стороне от всех, склонивши голову и преисполнившись мрачными думами. Теперь его видели то оживлённо беседовавшим с Аргатру, то с солдатами, горланящего песню. Пару раз он до хрипоты в голосе о чём-то спорил с Фахтаром и после этого не уходил в себя, совсем наоборот, в его глазах загорались задорные искорки.

Нирмала с утра до вечера смотрела на жизнь их отряда из окна кареты, подмечая разные мелочи. Она старалась не думать ни о Гунэре, ни о Тесаве. О них она вспомнит потом, тогда, когда нить жизни Фахтара прервётся, и она освободится от данного возлюбленному обещания. И тогда священный Тэхо подскажет, как быть. Помнить о прошлом и разрушить будущее, либо забыть о том, что было, и жить дальше.

Пятнадцать дней отряд неторопливо шёл к границам Фа-

джула. Наконец, яркие краски степи поблёкли. Исчезли цветы, трава пожухла. В воздухе чувствовалась неприятная сухость. Порой, с порывами ветра, летели занесённые из пустыни песчинки, покалывающие незащищённые одеждой части тела. Веселье в отряде приутихло. Близилась цель их похода. Ещё день-два пути, и их будет разделять лишь Фаджул.

В полдень вернулись ускакавшие далеко вперёд разведчики. Покрытые с головы до ног серо-жёлтой пылью, на взмыленных конях, они устало спрыгнули с сёдел. Старший пошатнулся, поспешил сделать несколько глотков из фляги, чтоб немного восстановить растраченные в рысканье по степи силы.

Армия продолжала путь вперёд. Солдаты оборачивались на них, смотрели жадными, вопрошающими взглядами, но не смели нарушать строя. Ничего, Нафаджи всё узнает и расскажет, ничего не скроет. Огромная карета наместника тоже проследовала мимо – и Нирмала проводила разведчиков скупающим взглядом. Лишь Нафаджи и Фахтар остановились рядом с уставшими людьми, спрыгнули на землю. Все семеро уселись в кружок на пыльной траве, и наместник, заметив на лицах степных всадников радость, пустил по кругу свою флягу с вином.

– По глазам вижу, хорошие вести принесли, – проговорил он, подмигнув старшему.

– Да, господин. Хвала Тэхо, что в этот год он не дал солнцу высушить эту землю. Озеро полно воды, река, вытекаю-

щая из него, тоже полноводная. Нам всем хватит и напиться, и наполнить фляги, и взять с собой в бочках.

– Далеко до него?

– К вечеру дойдём.

– Купцы или ещё кто?

– Никого, господин.

– Молодцы, теперь можете отдыхать.

Разведчики поднялись на ноги, поклонились Фахтару и, вскочив на коней, направились к одной из походных кухонь, в надежде, что кашевар сжалится над ними и даст что-нибудь пожевать в обмен на добрую весть.

– Вот видишь, Нафаджи, – Фахтар встал, потянулся. – Я оказался прав – источник не высох. Теперь мы можем не беспокоиться за воду.

– Обычно летом он высыхает, – задумчиво проговорил бывший temeжин. – Нам повезло.

– Повезло. Повезло, что лето в этом году не на много теплее зимы. Повезло, что часто идут дожди. Я всё это учёл, Нафаджи. И не ошибся. И, благодаря мне, мы можем собрать золотой урожай много раньше того срока, что планировал умник Гунэр.

Нафаджи пожал плечами, вовсе не желая спорить. Наверняка и Гунэр, как и он сам, догадывался, что озеро будет полно воды. Но совсем другое заставляло откладывать сроки этого похода. Зимой Фахтар должен был отправиться в северные кишай, и тогда бы они без лишней крови сделали то,

что сделает сейчас Фахтар, вырезав оставшихся азулахарцев. Собственно говоря, если бы наместник не превратил боевой поход в прогулку, им бы не пришлось делать пусть и небольшой, но крюк, чтобы пополнить запасы воды.

Нафаджи посмотрел в спину ускакавшего вперёд Фахтара, презрительно плюнул и вскочил на коня сам. Руки так и чесались выхватить из притороченного к седлу саадака лук и вогнать стрелу в затылок этому зарвавшемуся индюку. Но что потом? Нет, Фахтар должен умереть тихо, во сне. Не зря же он достал пузырьёк с нарисованными на нём черепом и костями. Его содержимое незаметно отправит правителя в вечный, безмятежный сон.

Солдаты, почувствовав приближающийся отдых, прибавили шаг. Вновь понеслись над головами непристойные шуточки, весёлые, разухабистые песни. Всё, что предстояло в Асуле, опять казалось нестрашным, каким-то далёким.

Нафаджи догнал карету. Её массивные, обитые железной полосой деревянные колёса гремели по кочкам, корпус раскачивался, порой казалось, что всё это сейчас развалится. Бедняга кучер, восседавший на козлах, трясся в такт неровностям дороги. Неизвестно, спасало ли его зад мягкое сиденье, но вид у него уже был измученный – недаром ещё два его сменщика предпочитали отдыхать от этой пытки, шагая вместе с пехотой.

Нирмала по-прежнему сидела у окошка, положив голову на сложенные перед собой руки. Она быстро привыкла к этой

качке и редко садилась на коня верхом.

– Думаешь о Гунэре, прекрасная Нирмала? – тихо спросил Нафаджи. – Я уверен, очень скоро вы сможете быть вместе, и никто не будет мешать вашему счастью.

– Откуда такая уверенность, темежин? – она печально улыбнулась.

– Бывший темежин. С тех пор, как моя госпожа оставила нас, мне не за кого водить в бой солдат, – он ответил такой же печальной улыбкой.

– А что же сейчас? Не ты ли ведёшь эти двести сотен?

– Нет, я лишь иду вместе с ними. Иду не по своей воле. Мог бы – остался в Аррикеше. Но наимудрейший Фахтар сказал, что я ему очень нужен.

– Солдаты тебя уважают.

– И что с того? Они же без зазрения совести отрубят мою уважаемую голову, если Фахтар даст такой приказ. Возможно, правда, извинятся.

Нирмала засмеялась, а улыбка Нафаджи на этот раз стала гораздо шире и задорнее.

– Говорят, ты раньше сочинял стихи? – она подмигнула собеседнику.

– Сочинял. Теперь нет. Я всё забыл, всё оставил в прошлом.

– Она ушла, а ты потерял то, что помогало тебе? Неужели нихайя Сеитэ была именно такая? Я помню лишь горе и смуту, которые она принесла на нашу землю со своим появле-

нием. Извини, но мне не за что её любить.

– Она была именно такая. Одни её обожали до безумия, другие люто ненавидели. Середины не было, лишь эти две крайности, расколовшие Арриго на два враждующих стана. Я, Гунэр, Машад, Чарред – все мы боготворили её... Особенно Чарред. Я был лишь тенью... Писал ей стихи на бумаге, и тут же сжигал. А там, куда мы сейчас идём, её ненавидели. Причём все, от мала до велика...

– А кто был для неё Гунэр? Я слышала, он много раз спасал ей жизнь, даже как-то спас из рук головорезов Магадхи. Расскажи, прошу! Дорога длинная, а мне так скучно.

Последние слова она произнесла с таким жаром, что Нафаджи удивлённо посмотрел на неё.

– Не думаю, что есть повод ревновать, Нирмала. Гунэр был другом и защитником. И если остальные чаще видели в ней красивую женщину, тот больше обращал внимания на её таланты. Он спасал её, причём, как правило, не от врагов, а от самой себя. А что касасяемо людей Магадхи – я видел, ты как раз прогуливалась у реки по тому месту, где это случилось – заслуги Гунэра в этом нет. Наверно, то бы единственный раз, когда он не справился. Тогда её спас случайный патруль...

– Говорили, Гунэр отрубил убитым головы и послал Магадхи, – перебила рассказ Нирмала.

– Нет, это сделал Машад. Только у него хватало ума на подобные глупости.

Нирмала вдруг взвизгнула от радости, словно маленькая девочка, высунулась из окошка кареты и, обняв опешившего Нафаджи, крепко поцеловала его колючую щёку.

– Ты странно себя ведёшь, красавица, – он пристально посмотрел на неё. – Если у тебя есть какие-то сомнения в Гунэре, лучше спроси меня. Я расскажу всё, как есть. И скажу сразу – человека честнее и благороднее я пока не встречал в Арриго. А то, что он любит тебя – вне всяких сомнений.

Нафаджи так пристально смотрел в её глаза, что Нирмала смутилась. На мгновение показалось, что этот взгляд проникает в самую суть, читает сокровенные мысли, и сейчас бывший темезин воскликнет: «Да ты же сестра Тесавы!». Но нет, взгляд Нафаджи неожиданно потеплел, он ласково улыбнулся, и женщина покраснела, словно девчонка, познавшая чувство первой любви.

– У меня нет повода сомневаться в Гунэре, – смущённо пролепетала она. – Просто я хотела больше узнать о нём от его друга. Он мало рассказывает о себе, впрочем, у нас никогда не было много времени, чтобы узнать о прошлом друг друга.

– Он редко вспоминал о нём. Я лишь знаю, что одно время он был жрецом Тэхо, но сбежал из храма. Сама понимаешь – эти лысые старикашки в тогах лишь кажутся набожными и святыми. На самом же деле, они обычные люди с самыми обычными слабостями и пороками. Гунэр как-то сказал – зайди кто-нибудь посторонний в жилища святых

жрецов, и он увидит такое, что увидишь только в трактирах и публичных домах мирсинского порта. Вино, дурман, чревоугодие, гулящие девки – всё это есть в храме Тэхо. Вот поэтому Гунэр и сбежал – не этого он ждал от святого места.

– А как он попал туда? – Нирмала оказалась немало удивлена таким известием. Гунэр-жрец?!

– Этого он никогда не говорил. Но тебе он точно расскажет. Спроси его, когда вернёмся.

– Не знаю, Нафаджи. Если честно – боюсь. Вдруг это разбередит какие-то старые раны. То, о чём он наверняка хочет забыть, вновь окажется рядом.

– Может случиться и так, – согласился Нафаджи.

Сзади раздался дробный топот копыт, и в следующее мгновение их догнал подозрительно довольный Фахтар. На его раскрасневшемся, под стать закатному солнцу, лице сияла широкая улыбка. Он обдал Нафаджи запахом вина и, хихикнув, сказал:

– Она уже занята, Нафаджи. Тебе надо у Гунэра разрешения спрашивать. Я вот спросил – он мне дал поиграться на время похода.

– Ты пьян, как портовый грузчик, Фахтар, – не выдержав, заявила Нирмала и, задернув плотную занавесь на окошке, скрылась в карете.

– Эээ! Суровая какая! – наместник пихнул локтем в бок насупившегося Нафаджи, потом приблизился к нему и шепнул на ухо. – Сегодня ночью отправит на улицу спать – точно

тебе говорю. А ты – смелый парень. Ну воспользуйся случаем, будь мужиком.

– Не позорь себя, – процедил сквозь зубы Нафаджи, едва сдержавшись, чтоб не рубануть пьяницу саблей. Отпихнув Фахтара, он пришпорил коня и поскакал в голову колонны.

Солнце клонилось к закату, когда впереди показалось долгожданное озеро. Оно лежало в низине, похожее на огромный диск из бирюзы под бескрайним синим небом. На склонах к зеркалу воды сбегала густая поросль сочной зелёной травы, сохранившейся в такой близости от Фаджула из-за обилия живительной влаги.

Местами, берега заросли тростником, откуда, потревоженные людьми, вылетали птицы. Небольшое стадо антилоп на противоположном берегу перестало пить, насторожилось, но убегать не спешило – берега разделяло расстояние сотен в пять шагов. Из озера, в окружении густых зарослей, вытекала речка. Как говорили знающие люди, текла она в никуда. Немного пропетляв между холмов, она впитывалась жадной до влаги землёй и пропадала, словно её и не было. Питавшие озеро, неведь откуда взявшиеся здесь, родники летом, в зной, обычно засыпали. Озеро мелело и часто исчезало совсем, чтоб появиться ближе к зиме, когда начинавшиеся дожди пробуждали источники.

В этот год, несмотря на летнюю пору, озеро было полно чистой, прохладной воды. Солнце оказало милость, не иссу-

шив родники.

Едва солдаты увидели озеро, строй походной колонны сразу рассыпался. Люди наперегонки бежали к воде, забыв обо всём на свете. Лишь небольшой костяк ветеранов сохранил порядок. Но и те, не выдержав, то и дело озирались на Фахтара. Тот махнул рукой.

Мало кто отважился залезать в воду – она оказалась поразительно холодной, почти как река, берущая начало в горах среди ледников. Но зато все старались поскорее умыться, чтобы смыть с лица и рук въедливую дорожную пыль, напиться и сменить тёплую, затхлую воду во флягах.

– Как дети, как дети, – распинался Фахтар. – Дадим им пару-тройку дней отдыха, а, Нафаджи?

– Дадим, – согласился тот, а сам ещё раз недовольно подумал, что наместник превратил боевой поход в праздную прогулку.

Он оставил правителя и карету, и спустился к воде. Глубоко вдохнул свежий, влажный воздух.

– Джаурсины! По сотням, по порядку, вдоль берега в четыре линии, – скомандовал он, и его сильный голос разнёсся над озером, заставив солдат замереть.

Сотники разом прекратили неорганизованный водопой. Прозвучали команды строиться, сопровождаемые пинками и зуботычинами для особо бестолковых. Таких, правда, оказалось совсем мало. Большинство, с кровью и потом впитавшие солдатскую дисциплину, в одно мгновение построились

ровными квадратами.

– Строг ты, друг Нафаджи, – рядом вновь оказался Фахтар. – Ну погуляли бы парни толпой – что с того, зачем орать про всякое «стройся».

– У нас не толпа, а воинский отряд, – отрезал бывший темезин. – Гулять будут, когда лагерем встанут.

– Бе-бе-бе. Ты ещё скажи, за брёвнами до ближайшего леса сбегать, стену возвести.

Нафаджи не обратил внимания на болтовню до сих пор не успевшего протрезветь наместника. Скрестив на груди руки, он смотрел то влево, то вправо, внимательно наблюдая за исполнением приказа.

– Да ну тебя, Нафаджи. Выпил бы лучше, чем такое чудо из себя строить, – обиженно проворчал Фахтар за его спиной. – Э, слушай, а кто это там такие?

– Где?

Нафаджи обернулся – Фахтар вытянул руку в сторону большого холма на противоположном берегу. Заходящее, красное солнце уже коснулось его верхушки, отчего контуры засияли ярким, золотисто-красным огнём. Из этого сияния, словно призраки, выходили один за другим люди, кони, верблюды, несущие большие тюки.

Небольшой караван спустился к озеру под пристальным взглядом солдат. Люди потянулись к воде – шутка ли, идти по степи, высушенной находившимся под боком Фаджулом. Было видно, как они так же умывались, пили, напол-

няли фляги и мехи, поили животных. Кто-то из них, Нафаджи издали не разобрал, смотрел в их сторону, приложив руку к голове козырьком. Потом махнул рукой и, вроде что-то сказал своим. Караван тот час снялся с места и направился в сторону армейского лагеря.

– Это купцы, – уверенно сказал Нафаджи. – И они, кажется, хотят составить нам компанию.

– Торгашей ещё не хватало, – недовольно процедил сквозь зубы Фахтар. – Гнать их в три шеи.

– Это не по законам степного гостеприимства, – покачал головой бывший темезин.

– Не по законам, не по законам... Вот и встречай их сам, и развлекай сам. А мне пора ужинать и спать.

«А вот теперь пора», – прошептал ан-Химеш, сидя на ступеньке занесённой песком лестницы парадного входа. Он поднял взгляд к усыпанному сияющими звёздами чёрному ночному небу. «А что скажете вы, боги?». Серебристым ро-счерком сверкнула падающая звезда. Старик вздохнул. Быть может это и есть хороший знак? Ему не спалось. То ли от холодной боли в желудке, то ли от самого обычного волнения.

Утром, с восходом солнца, Нишерле, Бэудиша и два десятка наиболее преданных азулахарцев начнут свой путь. Сначала в долину, где прячется джуммэ, а потом... Скупая слеза скатилась по его щеке. Он знал, что никогда их больше не увидит. Жить ему оставалось совсем немного – рана внутри не только не зажила, но и превратилась в нечто страшное, проникающее своими щупальцами во все уголки тела. Некоторые умудрялись жить с таким недугом годами, но ан-Химеш чувствовал, что слабеет с каждым днём.

Он старался не показывать при внуках, что ему плохо, держался, как только мог. В этом ему помогали занятия с ученицами, которых он учил находить нужные для вытяжки грибы, в изобилии облюбовавшие подвалы домов, и делать из них лекарство.

Ещё он объяснил им, как приготовить вытяжку из крови переболевшего джуммэ человека. Теперь он был уверен, что

у Нишерле и Бэудиши будет в достатке не только оружие, но и защита. Все эти заботы днём позволяли отвлечься от боли. Но ночью она сжимала его желудок холодными пальцами. Сколько ему оставалось? Месяц? Может полгода? Путь Нишерле и Бэудиши будет несравнимо дольше.

Ещё одна звезда скатилась по небосводу. Целитель встал на ноги, отряхнул с одежды песок. Надо попытаться уснуть, чтоб не быть утром уставшим и разбитым. Он вошёл в дом, поднялся на второй этаж. Заглянул в спальни внуков – и Нишерле, и Бэудиша спокойно спали в своих постелях. Счастливые. Они ещё могут вот так, запросто, уснуть, зная, что утром предстоит прощание с родным домом. Не на день, не на месяц. Скорее всего, на годы, а быть может и навсегда.

Холодные пальцы боли вдруг сжали желудок сильнее обычного, и ан-Химеш почувствовал, как закружилась голова, перед глазами замелькали белые искры. Он схватился рукой за стену, пошатнулся, но не упал. Остановился, прижался спиной к гладкому, прохладному камню. Потихоньку отпускало, но скоро эти приступы станут сильнее, а потом не выдержит сердце. И тогда конец.

Шаг за шагом, придерживаясь рукой за стену, он прошёл в свои покои, сел на постель. На мгновение задумался, а потом достал из тайника в полу флягу и шкатулку. Налил в стоящий на прикроватном столике кубок вина, открыл коробочку. В ней, на дне, лежало с десятков щепоток желтоватого, едва пахнущего порошка, добытого ан-Химешем из млечного

сока цветка мака. Несколько кристалликов этого зелья, растворённого в вине, позволяли забыть о боли и уснуть глубоким, спокойным сном. Но плохо было то, что после каждой порции этого лекарства уснуть без него становилось тяжелее.

Сегодня можно – заверил сам себя ан-Химеш и, подцепив кончиком ножа немного зелья, высыпал его в кубок и тщательно перемешал. Вино почти не изменило вкуса, но после нескольких глотков прошла боль, глаза начали закрываться, а всегда чёткие мысли путаться. Ещё мгновение, и целитель, не раздеваясь, упал на кровать и сочно захрапел.

Жёлтое солнце выглянуло из-за подёрнутого пыльной дымкой горизонта, прогоняя властвующие на улицах Азулахара утренние сумерки. Ночная прохлада отступала перед жаркими лучами. Пройдёт немного времени, и солнечный жар раскалит черепицу крыш и камень улиц. В последние дни, однако, дневное пекло стало не таким невыносимым, как обычно. Пришедшая с севера прохлада, наконец, добралась и до Асула, принесла толику облегчения его обитателям.

В этот день на улицах Азулахара было не в пример многолюдно. Порядочная толпа собралась у дома ан-Химеша, чтобы проводить в долгий и опасный путь Нишерле, Бэудишу и два десятка отчаянных и смелых мужчин, вызвавшихся сопровождать внука и внучку целителя. Снарядить небольшой караван не составило особого труда – в качестве товара собрали мало-мальски ценную утварь в пустующих домах и ковры. Лошади появились благодаря разбойникам, а вер-

блюдов для перевозки поклажи одолжили в Фрашаке. Среди тюков и мешков спрятали небольшие мешочки из промасленной кожи с лекарством.

Час прощания настал. Ан-Химеш и Нишерле с Бэудишей вышли из дома. Целитель, заметно осунувшийся, бледный, что-то шептал на ухо внуку, видимо давал последние наставления. Бэудиша молча стояла рядом, пряча покрасневшие от пролитых слёз глаза. Люди вокруг молчали, ожидая, что скажет целитель. Но тот лишь по очереди обнял детей и подвёл их к лошадям.

– Пора в путь, Нишерле, – негромко сказал он, и его кадык судорожно дёрнулся – ан-Химеш едва сдержал слёзы.

– Скоро мы вернёмся за тобой, – Нишерле крепко сжал протянутую ему руку.

– Не стоит. Не обещай ничего. Не думай обо мне, иди своим путём.

– Думаешь, я оставлю тебя здесь?

Ан-Химеш печально улыбнулся, в его глазах блеснули огоньки гордости за внука. Он подманил его к себе и шепнул что-то на ухо. Юноша отпрянул, испуганно посмотрел на деда – тот приложил палец к губам и покачал головой.

– Постойте, – какая-то женщина вышла из толпы со свёртком в руках. – Я сделала для вас...

– Что же? – удивлённо спросил Нишерле.

Она смущённо протянула свёрток юноше и, покраснев, отступила на несколько шагов назад. Тот развернул его – это

оказалось небольшое, три на два локтя, знамя. На зелёном шёлковом полотнище искусные руки женщины вышили контуры протягивающей сжатый кулак руки, на предплечье которой алел красный треугольник.

– Если вам не нравится, господин... – пролепетала она, но юноша, взяв копьё, просунул его в предназначенный для древка карман и закрепил шнуровкой.

– Спасибо, добрая женщина, – Нишерле поклонился. – Это знамя объединит всех, у кого на руке окажется такой шрам. Это знамя связанных одной целью. Это знамя нового Азулахара и его друзей.

Он поднял древко, и лёгкий ветерок подхватил полотнище, развернул его, и оно заполоскалось, слово язык зелёного пламени. Негромкий гул одобрения пронёсся по толпе, а Нишерле, передав знамя одному из телохранителей, тронул поводья и сказал:

– В дорогу!

Азулахарцы расступились, Нишерле первым проехал сквозь толпу. Со всех сторон на него смотрели полные надежды глаза. Эти люди отчаянно верили, что юноша отведёт от их умирающего города беду, поможет им покинуть поглощаемый безжалостным Фаджулом оазис и приведёт к спокойной, сытой жизни.

Мечта каждого из них – спать спокойно в своих домах, не боясь, что жадные до наживы разбойники ворвутся к ним ночью, а ещё – плодородные, жирные земли, где не надо

творить чудеса, как здесь, чтобы вырастить себе хоть что-то на пропитание.

Нишерле знал эти мечты, он и сам не раз мечтал об этом, и сейчас как никогда понимал мольбу в глазах своих земляков. Он не подведёт их, он сделает всё, что в его силах, и даже больше.

Караван неспешно двигался к проёму в стене, где когда-то были несокрушимые городские ворота. Провожавшие остались позади, и лишь пара мальчишек продолжали шагать рядом, восхищённо смотря на развевающееся знамя. Они шли до городских стен, и когда караван покинул город, остановились около кучи каменных обломков, бывших когда-то башней, махая руками вслед уходившим.

Нишерле обернулся, взмахнул рукой в ответ. Сердце на мгновение сжалось от тоски при виде оставшихся за спиной стен родного города. Он подавил мимолётную слабость – теперь всё это в прошлом, сейчас надо забыть Азулахар и идти вперёд.

Они обогнули умирающий лес по дороге, едва заметной, засыпанной песком, и повернули на северо-запад. Когда-то здесь росла сочная зелёная трава, но теперь Фаджул безраздельно властвовал на этом клочке земли. Позади остались страшные, чёрные скелеты деревьев, протянувших в стороны свои ветви, словно руки в беззвучной мольбе.

Нишерле в последний раз обернулся и, горько вздохнув, покачал головой. В душе вновь и вновь закипал гнев, сердце

щемило при виде того, что стало с Асулом. И он снова соглашался с дедом, с его словами о том, что пора забыть несчастный Азулахар. Когда глаза видят это, невольно и сам начинаешь осознавать, что смерть оазиса неизбежна, это лишь вопрос времени.

Впереди показались граничные скалы. Ещё совсем недавно лишь длинный узкий проход соединял Асул с остальным миром. А теперь...

– Закройте лица, – проговорил Нишерле, заметив, как сквозь широченный проём из Фаджула несётся им навстречу облако песчаной пыли.

Все повязали платки, закрывавшие рот и нос. Песчаная туча была небольшая, совершенно неопасная, но дышать колющим горло песком удовольствие не из приятных. Надо поскорее достичь скал и свернуть вдоль них на запад. Как говорили, там ещё сохранилась хорошая в корм лошадям трава, были колодцы, которыми когда-то пользовались охотники и пастухи.

Песок налетел на путников, закружил вокруг, словно рой рассерженных ос. Нишерле почувствовал, как песчинки колют его руки, лоб, лезут в прищуренные глаза. Это не было песчаной бурей, так что животные не предались панике и лишь недовольно фыркали и храпели, продолжая упрямо двигаться к скалам.

– Что сказал тебе дедушка? – услышал он вдруг рядом с ухом приглушённый тканью голос сестры. В следующий

миг её рука схватила его за кисть. — Он совсем плох. Боюсь, мы его больше не увидим.

— Сказал, что скоро умрёт, — на мгновение задумавшись, ответил Нишерле. К чему скрывать эту страшную новость. Бэудиша имеет право знать ровно столько, сколько знает он.

Она не заплакала, не закричала, призывая проклятия на головы убийц. Лишь молча прижалась лбом к плечу брата, а потом отъехала в сторону.

Первую ночёвку караван провёл уже рядом с защищавшими от дыхания Фаджула скалами. Вездесущий песок ещё не успел добраться сюда — ветер нёс его к городу и озеру. Здесь, под ногами ещё росла зелёная трава, а в вырытом у огромного валуна глубоком колодце была вода. Её с избытком хватило, чтобы хорошенько напоить изнывавших от жажды животных.

Пока лошади и верблюды, наслаждающиеся снизошедшим отдыхом, пили из выдолбленного в камне большого поильника, люди насобирали в траве аргала и разожгли костерок, над которым повесили большой котёл. Ужин — несколько горстей просяной крупы и мелко резаного вяленого мяса — должен свариться ещё не скоро, и люди улеглись вокруг огня, положив под головы сёдла. Первый день пути позади, и тело, пока не привыкшее к долгому сидению в седле, ныло и стонало.

— Сколько нам добираться до долины? — спросила Бэудиша.

– Дней пять, – устало выдохнул Нишерле.

– Пять дней мучений... А потом ещё неизвестно сколько!

– Через день ты перестанешь обращать внимание на отбитый зад и ноющие ноги – привыкнешь.

– Надеюсь, ты прав, – Бэудиша приподнялась и шумно втянула носом воздух. – Как пахнет. Я безумно голодна и готова съесть что угодно.

– Потерпите, госпожа, – отозвался помешивающий варёво деревянной лопаткой один из джуммэштакшетинов – так себя называли спутники Нишерле и Бэудиши. – Крупа ещё жёсткая.

Она повернулась на бок, лицом к брату, улыбнулась. Тот ответил бледной, натянутой улыбкой и устало закрыл глаза.

– Тебе страшно? – спросила Бэудиша.

– Немного... Если честно, очень страшно. Я боюсь, что может ничего не получиться. Дед рассказал, как заразить воду, но если джуммэ спит, все труды окажутся напрасны.

– Всё будет хорошо, Нишерле. Верь в это.

– Я стараюсь, сестрёнка. Но страх маленькой мышкой скребётся где-то в углу, не даёт покоя.

– Попробуй уснуть, а я разбужу тебя к ужину.

– Попробую.

Сон пришёл легко и незаметно. Ещё мгновение назад он слышал тихий голос Бэудиши, напевающей старинную балладу, и вдруг перед его глазами развернулась картина бескрайней зелёной степи. Трава тихо шелестела на ветру, ед-

ва колыхались красивые жёлтые и лиловые цветы, распространяющие вокруг пьянящий медовый аромат. Между ними сновали неугомонные пчёлы, спешащие принести домой побольше сладкого нектара. Чёрный конь нёс его вперёд, к недостигаемому горизонту, вслед за заходящим солнцем. А высоко в синем небе кружил, следя за каждым его движением, золотистый ястреб с голубыми человеческими глазами.

– Вставай, – ласковый голос Бэудиши мгновенно прогнал сон.

Нишерле открыл глаза, сел, всё ещё не понимая после сна, где находится. Рядом едва теплился костерок. Голубоватые языки пламени лениво вырывались из превратившегося в раскалённый, багровый ком аргала. Над головой висело тёмно-синее, почти чёрное небо с яркими искрами первых звёзд. На закате алела вечерняя заря. Ещё немного, и солнце спрячется за горизонтом, и тогда чёрная ночь окутает Асул звёздным покрывалом.

– Поешь, – сестра протянула деревянную плошку с тёплым варевом.

Нишерле машинально схватил посудину и принялся за еду. Вкуса пищи он совсем не чувствовал – все его мысли почему-то никак не могли отпустить того ястреба из сна. Что это значит? Кто-то всемогущий следит за ним? Но зачем? Чтобы помочь или помешать?

– Добавки? Есть немного. Или мне съесть?

Он взглянул на чашку. Вот так да – даже не заметил, как съел всё.

– Не надо, поешь сама, – чувство сытости уже налило тяжестью его желудок.

Бэудиша всё-таки честно разделила с ним оставшуюся кашу. Не спеша, отправляя в рот ложку за ложкой, она украдкой поглядывала на брата. Тот, по-прежнему задумчивый и отстранённый, смотрел куда-то в сторону.

– Что-то приснилось?

Нишерле кивнул.

– Плохой сон?

– Не знаю, Бэудиша. Не плохой, не хороший. Станный. Предупредил, что кто-то следит за мной. Ястреб летает над нами. Всё видит, от его взгляда не укрыться ни где.

– Ястреб хорошая птица, благородная. Раньше кишары воспитывали их для охоты.

– Забудь, – юноша вздохнул. – Это всего лишь сон. А мы – всего лишь песчинки, возжелавшие изменить мир.

Медленно догорал костёр. Расположившиеся вокруг люди спали крепким сном. Рядом, порой беспокойно, всхрапывали лошади и верблюды. Только пара штакшетинов прохаживалась поодаль, всматриваясь в ночную тьму.

Пять дней пути пролетели незаметно. Под ногами простирался ковёр сочной, зелёной травы. По правую руку тянулись, защищавшие от ветров Фаджула, скалы. Над головой сияли синевой бесконечные небеса. Даже жаркое, пылающее

солнце смилостивилось над ними и пекло не так сильно, как обычно в это время года. Найти воду не составляло особого труда – в этих местах, где раньше паслись табуны лошадей и скот, всегда хватало источников. Даже не верилось, что пройдёт несколько лет, и здесь будет властвовать Фаджул с его колючим, жёлто-серым песком.

Отряд поднимался с восходом солнца, когда степь едва озаряли солнечные лучи. Утренние сумерки ещё не успели отступить перед дневным светилом, а люди, вскочив на коней, уже скакали следом за бегущими по земле длинными тенями. В полдень, когда поднявшееся над головой солнце безжалостно высасывало силы, отряд останавливался на отдых. А вечером люди продолжали свой путь до тех пор, пока алое закатное солнце не коснётся горизонта.

Вечером пятого дня путь им преградила похожая на крепостной вал скала из тёмного, твёрдого камня, разительно отличавшегося от камня граничных скал. Словно отвергнутое инородное тело, этот каменный барьер устремлялся на юг, а потом, забирая немного западнее, снова врезался в тело отделявших Асул от Фаджула гор. Источенный ветрами, он казался гладким, словно фарфор, и лишь пологие склоны позволяли преодолеть его, хотя издали складывалось ощущение, что любой, кто встанет на этот камень, упадёт и заскользит обратно. Точно так же, как по штуке, которая есть за Северными горами, как по льду.

– Пришли, – тихо прошептал Хашиз – штакшетин, счи-

тавший первый, среди своих товарищей. — За этими скалами, как говорили деды, лежит запретная земля. Проклятье ждёт того, кто дерзнёт нарушить её покой.

— Имя ему — джуммэ, — отозвался Нишерле. — Наши деды были мудры. Они поняли, что джуммэ появляется не силой злых духов. Это лишь несущая смерть жизнь, и здесь её дом. И когда мы переступим эту границу, то выпустим её на свободу.

— Надеюсь, ан-Химеш не ошибся, — штакшетин коснулся плеча, где ещё был замечен небольшой шрам от прививки, и поёжился.

— Заночуем здесь, — предложила Бэудиша, посмотрев на брата.

Тот внимательно осмотрел преграду, спрыгнул с коня.

— Заночуем здесь, — согласился он.

Одинокое, высохшее деревце пошло в пищу огню. Костерок весело затрещал, то и дело гулко ухали всполохи голубого пламени, и вокруг распространялся аромат благовоний. Как и в предыдущие дни, в котле бурлило варево из крупы и сушёного мяса. Охота в этой части оазиса оказалась весьма сложной — пуганные животные сразу бросались бежать, завидя людей. Так что приходилось довольствоваться тем, что лежало в мешках. Да и с водой возникли сложности. Колодцев рядом не оказалось, поэтому лошадей и верблюдов напоили из припасённых бурдюков.

Нишерле присел рядом с тем местом, где начинался ка-

менный вал, отделявший от Асула проклятую землю. Его пальцы робко коснулись горячего камня, и тот час отдёргнулись назад.

– Это всего лишь камень, брат, – тихо сказала Бэудиша, присев рядом.

– Может быть, – так же тихо ответил он. – Но он выглядит чужим, непохожим на остальные скалы. Такое чувство, что кто-то высший возвёл здесь этот барьер, чтобы защитить Арриго от джуммэ. А если так – станем ему врагами, нарушив границу. Я теперь во сне постоянно вижу того ястреба, сестрёнка. Он следит за мной, за каждым шагом, за каждым вздохом. И я чувствую – от его взгляда не скрыться.

– И ты думаешь отступить?

– Никогда. Клянусь тебе, кто бы ни был тот ястреб, я ошпилю его, как курицу, если он решит помешать нам.

– Осторожнее с клятвами, братишка, – Бэудиша улыбнулась и, легонько щёлкнув его по носу, пошла к костру.

Кто же ты, ястреб? Нишерле поднял глаза к темнеющему небу. Враг или друг? Или просто бесстрастный наблюдатель? Дело, задуманное ими, изменит жизни многих сотен тысяч, едва ли высшие силы останутся безучастными. Говорят, Несущую смерть направляла сама Чёрная богиня, силу которой не в состоянии превозмочь никто из сонма богов. А он будет ли один в своей борьбе? Что ж, скоро узнает. Пройдёт ночь, а когда придёт утро, предел будет преодолён, и мир расколется на тех, кто с ним, а кто против него.

Нишерле с заметным усилием поднялся по гладкому камню, остановился и, обернувшись, посмотрел на наблюдавших за ним товарищей. Нет, небеса не разверзлись, не ударили молнии, земля не содрогнулась в этот миг. Ровным счётом ничего не произошло. Всё так же ласково светило утреннее солнце, маленькая ящерка вылезла из какой-то щели и залезла на ещё прохладный камень в ожидании хорошей порции тепла. Верблюды и лошади что-то жевали, сохраняя абсолютное спокойствие. Им было всё равно, что делают люди, лишь бы никому из них в голову не пришло опять резать им кожу и втирать в ранки всякую гадость.

– Осторожнее, не поскользнитесь, – предупредил Нишерле и протянул руку Бэудише.

Девушка легко, словно фея, взбежала по камню и, очутившись рядом с братом, взяла его за руку не для того, чтобы удержаться на склоне, а просто по велению сердца. Ещё четверо – Хашиз, Зафрамши, Чуюр и Фтах – подхватили за плечные мешки с запасом еды и воды и начали восхождение к вершине вала, осторожно ступая по гладкому камню.

Оставшиеся в лагере шестнадцать человек проводили своих спутников задумчивыми взглядами. Вероятно, каждый из них сейчас задавал себе один и тот же вопрос – что ждёт их, с чем вернутся назад эти шестеро и вернутся ли. Если ан-Химеш ошибся, их шансы выжить ничтожно малы.

Но отступать уже поздно. Если их ждёт смерть, значит та-

кова судьба. Маленький отряд поднялся на вершину вала. Фигурки людей на таком расстоянии казались маленькими букашками. Кто-то из них, видимо Бэудиша, обернулся, помахал на прощанье рукой, и они исчезли по ту сторону скалы.

Нишерле сделал несколько шагов вниз по склону и остановился. Тяжёлый подъём сбил дыхание, и он дышал, словно вынырнувший из пучины ныряльщик. Да и спутники его, тем более Бэудиша, выглядели не лучше.

– Как красиво, – хрипло прошептала она.

Юноша присел на камень, неотрывно смотря на раскинувшуюся перед ним долину. Бескрайнее зелёное море с холмами-волнами, острова белых и алых цветов. Где-то вдалеке едва виднелись сквозь синеватую туманную дымку граничные скалы. Серебряной лентой посередине бежала неширокая речушка, впадавшая в озеро формой идеального круга. Вдоль берега, вздымая тучи пыли, бежало огромное стадо антилоп. Тут же, на отмели, в воде стояла, похожая издали на розовое облако, стая фламинго.

– Я не верю, – прошептал Хашиз. – Это место не может быть проклятым. Это чертоги небесного блаженства, а никак не дом джуммэ.

– Несущая смерть тоже была прекрасна как утренняя звезда, – ответил Нишерле. – Внешность, порой, обманчива.

Он поднялся и, ловко скользя на подошвах сапог, начал спуск. Лишь у границы, где камень уходил вглубь красно-

ватого жирного грунта, юноша остановился, словно боялся ступить на названную проклятой землю. Так же в нерешительности, рядом с ним остановились и остальные его спутники. Отчего-то казалось, что первого, кто поставит туда ногу, ждёт незавидная участь ощутить на себе всю силу проклятия. Они переглянулись, и Хашиз, скрепя сердце, уже собрался сделать первый шаг, но Бэудиша опередила его. Сердце Нишерле ёкнуло, когда он увидел, как обутые в запылившиеся сапожки ноги сестры коснулись земли, примяв траву.

– Идёмте же, – девушка задорно улыбнулась и показала брату язык.

– Идём, – словно эхо отозвался брат и сделал шаг вперёд.

Солнце медленно перевалило за полдень, но сидевшие под навесом люди и не думали подниматься. Куда приятнее сидеть на берегу весело журчащего ручейка, чем брести по земле, дырявой, словно сыр, изрытой норами сусликов и другой мелочи. Эти грызуны были здесь повсюду. Сотни и сотни стояли вокруг столбиками у своих нор, высматривая, что же делают незваные гости в их долине. Но стоило сделать шаг в их сторону, и животные тот час исчезали в своих укрытиях.

– Остановимся здесь, – сказал Нишерле.

– И чем тебе здесь нравится, – спросила Бэудиша.

– Неплохое место, сестра. Да и идти дальше нет ни малейшего смысла – наши поиски можно начать отсюда.

– Так что же мы ищем?

– Ничего особенного – просто погибших животных. Или ты думала о чём-то ином?

– Не знаю, – Бэудиша смущённо улыбнулась. – Пока мы шли сюда, я представляла себе тёмную, затхлую пещеру, в глубине которой бурлит зловонный источник, полный зелёной жижи. Или не источник, а шкатулка, в которой лежит череп, наделённый свойством хранить в себе силу джуммэ. Ни уж никак себе представить не могла, что нам нужны дохлые суслики.

– А нам нужны именно они, – брат засмеялся. – Но это завтра, а сегодня мы заслужили немного отдыха. Эй, Хашиз, достань-ка ту самую флягу – сейчас можно.

Штакшетин осклабился, на его тёмно-коричневом лице белым мрамором сверкнули зубы, и он одним движением выудил из заплечного мешка Нишерле обтянутую кожей деревянную флягу. Вытащив пробку, он, поклонившись, протянул её юноше. Тонкий аромат степного мёда и винограда разом вскружили голову.

Выдержанный «Асульский мёд», чудом сохранившийся в одном из подвалов, Нишерле специально взял несколько фляг как раз для таких моментов, когда есть немного времени для отдыха перед очень важным делом. Губы коснулись горлышка, и божественный нектар обволок язык вкусом сладкого винограда. Юноша сделал глоток и, закрыв от удовольствия глаза, передал флягу Бэудише.

На долину опускалась ночь. Темнота поглотила в своё

ненасытное чрево и каменный вал, и скалы, и озеро с речушкой. Смолк треск кузнечиков, замолчали птицы. И лишь шорох в снующих траве в поисках наживы полёвок нарушал тишину.

Хашиз предусмотрительно положил вокруг лагеря верёвку из конского волоса, пропитанную какой-то гадостью, отпугивающей грызунов. Ещё не хватало, проснувшись утром, обнаружить, что припасы из заплечных мешков перекочевали в мышиные кладовые.

Лёгкий ветерок тихо шептал в стебельках и травинках, не давая воздуху застояться, и успокаивал, убаюкивал. Все шестеро спали спокойным, безмятежным сном. Они не видели и не слышали, как рядом, в паре десятков шагов от их лагеря, на берегу ручья появились две тени. Высокий, мощный мужчина, облачённый в тогу, с гривой отливающих рыжиной даже на лунном свете волос и окладистой бородой. И изящная, хрупкая, словно фарфоровая статуэтка, темно-волосая женщина в перетянutom широком поясом простеньком длинном платье. Неспешно пройдя несколько шагов, они присели на торчавший из земли камень.

– Это слишком затянулось, брат, – тихо проговорила женщина. – Ослушники на свободе, вершитель начал свою собственную игру. Мир, которому нет места, всё ещё существует. Ты излишне милосерден.

– Вершитель поплатился за своеволие, – возразил мужчина. – А что касается судьбы этого мира, не ты ли собралась

сделать очередную попытку уничтожить в нём жизнь? Или, скажешь, эти слабые умы сами додумались выпустить на свободу зверя?

– Не важно, брат. Вот только знаешь ли ты, что вершитель на свободе? И дали ему эту свободу для того, чтобы помешать мне.

– Ты думаешь, ослушники просто так позволяют уничтожить их творение? А вершитель – тот ещё хитрец. Сколько времени, пока остальные были заточены в Чёрных скалах, водил нас за нос. А потом решил обмануть всех. Освободил их, дабы отвлечь меня, а сам... Ха-ха!

– Ты способен прекратить всё в один миг лишь мановением руки. Ты же понимаешь, что не должно существовать двух одинаковых миров. Это... это...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.